

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

Леонтьева Варвара Андреевна

Изоморфизм модальных глаголов в художественном дискурсе (на материале современного немецкого языка)

10.02.04 – германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Горбачевская С. И.

Москва – 2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МОДАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА	16
1.1. Художественный текст и художественный дискурс: соотношение понятий	16
1.2. Модальность как текстоформирующая категория	26
1.3. Виды модальности и средства их репрезентации в немецком языке	39
1.4. Понятие изоморфизма в лингвистике	49
1.5. Модальные глаголы как особая группа модальной лексики	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	81
ГЛАВА 2. СИСТЕМНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	84
2.1. Этимология, семантика и функции модальных глаголов немецкого языка	84
2.1.1. Глагол <i>müssen</i>	84
2.1.2. Глагол <i>können</i>	92
2.1.3. Глагол <i>wollen</i>	98
2.1.4. Глагол <i>sollen</i>	104
2.1.5. Глагол <i>dürfen</i>	113
2.1.6. Глагол <i>mögen</i>	121
2.2. Изоморфизм как семантико-функциональный феномен немецких модальных глаголов	135
2.2.1. Маркеры изоморфизма модальных глаголов	135
2.2.2. Изоморфизм модальных глаголов в ситуации уверенности/неуверенности говорящего	154

2.2.3. Изоморфизм модальных глаголов в ситуации побуждения к действию, долженствования и необходимости	156
2.2.4. Изоморфизм модальных глаголов в ситуациях желательности/нежелательности и возможности/невозможности события	163
2.2.5. Прагматика изоморфизма модальных глаголов в ситуациях вежливой коммуникации	165
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	175
Приложение 1. Сводная таблица случаев контекстного изоморфизма	197
Приложение 2. Примеры контекстного изоморфизма	199

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию феномена изоморфизма в лингвистике на примере модальных глаголов современного немецкого языка. К модальным глаголам немецкого языка традиционно причисляют шесть базисных глаголов этой группы: *können*, *dürfen*, *mögen*, *müssen*, *sollen*, *wollen*. Исследователи рассматривают группу модальных глаголов как открытую. Часто в эту группу добавляют другие глаголы и конструкции, которые используются не как знаменательные, а как модализирующие, например, *brauchen*, *lassen*, *wünschen*, *haben/sein + zu + Infinitiv*, конструкцию будущего времени Futur I и др., помогающие дифференцировать различные модальные оттенки высказывания. Модальные глаголы составляют ядро функционально-семантического поля (ФСП) языковой категории модальности, передающей характеристику высказывания с точки зрения его объективного отношения к действительности и субъективной оценки его содержания.

Несмотря на то что категория модальности – одна из основных категорий естественного языка, а её подвиды и средства выражения в разных языках активно исследуются уже не одно десятилетие, у лингвистов остаётся ещё много спорных вопросов. Систематизация видов модальности и языковые средства реализации этой категории, присутствующие на всех уровнях языка, становятся всё дифференцированнее и закрепляются в пособиях по теории и практике языка и лексикографических источниках, но происходит это, в силу объективных причин, всегда с некоторым опозданием.

Модальность – это текстоформирующая категория. Ориентированность современных лингвистических исследований на текст заставляет по-новому взглянуть на подходы к систематизации слов по частям речи и их роль в оформлении высказываний. В этой связи вызывает интерес мало изученный вопрос контекстного изоморфизма модальных глаголов *müssen*, *können*, *wollen*, *sollen*, *dürfen*, *mögen*, а именно их функционально-семантического

тождества в определённых ситуациях. Если рассматривать использование модальных глаголов в широком художественном контексте, то оказывается, что их потенциал как основных средств выражения разнообразных оттенков модальности отдельных ситуаций и текста в целом также недостаточно изучен. Художественные тексты – важный способ человеческой коммуникации. С одной стороны, они являются фиктивной концепцией мира, которую создаёт автор, с другой стороны, художественные тексты отражают внеязыковую реальность, в которой живёт автор, и представляют в своей совокупности картину мира в конкретную эпоху. В процессе творчества автор раскрывает свою душу, а читатель, интерпретируя текст, раскрывает свою. Коммуникация автора и читателя происходит на тонком уровне духовного взаимодействия.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием системного описания особенностей ситуативного функционирования глаголов с семантикой модальности в художественном дискурсе. Представляется важным выявить причины контекстного изоморфизма базисных модальных глаголов немецкого языка, описать типичные случаи этого явления и обосновать его системный характер. Несмотря на большое количество работ по теме немецких модальных глаголов (J. Buscha, G. Fritz, G. Diewald, Д.О. Добровольский, Р.И. Бабаева и др.), наблюдается недостаток исследований на основе корпусных данных, которые могли бы в более полной мере описать значения и особенности употребления немецких модальных глаголов. Учебники и академические справочники неполно представляют значения не только модальных глаголов, но и специфических конструкций, в которые они входят. Двухязычный словарь даёт только «весьма приблизительную систематизацию центральных значений многоплановой языковой единицы, которые, как правило, плохо согласуются с конкретными контекстными условиями или иллюстрированы довольно простыми примерами, имеющими слабую объяснительную силу» [Добровольский, Зализняк 2018: 3]. Вариативность языковых единиц и многозначность их смысловой структуры

отражает сам способ существования и развития языка, поэтому их исследование в каждую новую эпоху является непреходяще актуальным.

С попыткой обосновать системный характер контекстного изоморфизма немецких модальных глаголов, определить его сигнальные маркеры и составить шкалу потенциальных возможностей каждого из исследуемых глаголов выступать в роли другого глагола этой группы, а также выявить этимологические и исторические причины изоморфизма модальных глаголов связана **научная новизна** нашей работы. Феномен изоморфизма модальных глаголов не подвергался ещё детальному анализу ни в зарубежных, ни в отечественных исследованиях.

Цель работы – обосновать специфику феномена изоморфизма модальных глаголов *können, dürfen, mögen, müssen, sollen, wollen* на практическом материале текстов современной немецкоязычной художественной литературы. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- определить роль категории модальности в организации текста;
- представить некоторые точки зрения на систематизацию видов модальности и выделить релевантные для данного исследования виды модальности;
- рассмотреть средства репрезентации модальности в художественном дискурсе и верифицировать результаты наблюдений на материале дискурсов другой направленности (юридического и экономического);
- сформулировать понятие контекстного изоморфизма модальных глаголов;
- обобщить имеющиеся результаты исследований этимологии, семантики и функций модальных глаголов немецкого языка;
- рассмотреть явление контекстного изоморфизма модальных глаголов в разных ситуациях и определить его маркеры.

Объектом исследования являются модальные глаголы *müssen, können, wollen, sollen, dürfen, mögen*. В качестве **предмета** исследования выступает контекстный изоморфизм этих глаголов.

Материалом исследования послужили как отдельные художественные книги на немецком языке, так и параллельные тексты НКРЯ. В ходе работы проанализировано более 3000 примеров употребления модальных глаголов немецкого языка, что обеспечивает достоверность полученных результатов. В качестве эмпирического материала были использованы параллельные тексты, так как качественные переводы являются убедительными аргументами в ходе интерпретации языковых явлений: сам перевод – это тоже результат интерпретации. Работа с такими текстами даёт возможность получить новые результаты в области теоретического языкознания в целом, а также в самых различных сферах гуманитарного знания, исследование которых ориентировано на текст. Поэтому в процессе анализа произведений художественной литературы, не отраженных в НКРЯ, привлекались их опубликованные переводы. Использование корпуса обеспечило доступ к обширному материалу и целенаправленному поиску фрагментов с модальными глаголами, а также послужило гарантией отбора проверенных временем вариантов переводов немецкоязычных произведений на русский язык, выполненных авторитетными переводчиками. В отдельных случаях для сравнения нами использовались только немецкоязычные тексты информативного типа юридической и экономической тематики.

Методологическую основу составили следующие работы:

➤ по общим проблемам модальности работы В.В. Виноградова (1975), В.Г. Гака (1978), Е.В. Милосердовой (1991), А.В. Зеленщикова (2010), Г.А. Золотовой (2008), Т.В. Романовой (2004), Н.В. Шведовой (1970), Г.Я. Солганика (2010), Н.С. Валгиной (2003), В.Н. Бондаренко (1979), Е.Е. Корди (1988), Т.И. Дешериевой (1987), В.З. Панфилова (1963), А.Л. Зеленецкого и О.В. Новожиловой (2003), Д.И. Розенталя (1960), Т.В. Шмелевой (1984), А.А. Худякова (2005), Г.Г. Молчановой (1990),

Н.В. Игнатъевой (2007), О.Н. Копытова (2012), Е.Н. Базалиной (2000), Н.К. Гарбовского (1982) и др., Ш. Балли (2003), А. Вежбицкой/Wierzbicka (1996), N. Jachnow (1994), A. Kratzer (1991), В. Wiemer (2005) и др.;

➤ по вопросам *текста, дискурса и текстообразующих категорий* работы Е.С. Кубряковой (2000), А.А. Кибрика (2003), В.И. Карасика (2002), Н.Д. Арутюновой (1998), И.М. Кобозевой (1986), И.Р. Гальперина (2009), Ю.П. Солодуба (2005), М.Ю. Лотмана (2005), А.В. Голоднова (2011), В.Е. Чернявской (2009), В.З. Демьянкова (2005), Л.В. Полубиченко (2012), А.Э. Левицкого (2019), О.Д. Вишняковой (2020), А.И. Едличко (2005), М.Г. Бахтиозиной (2011, 2016), Л.Г. Бабенко (2005), R.A. Beaugrande и W.U. Dressler (1981), U. Fix (2003), и др.;

➤ по вопросам *средств выражения модальности* работы Р.И. Бабаевой (2008), С.И. Горбачевской (2012), Р.Д. Шакировой (2012), Л.С. Ермолаевой (1987), A. Jäntti (1989), M. Krifka (2017), M.A. Väuml и др.;

➤ по вопросам *этимологии и семантики модальных глаголов* работы Т.Н. Бабакиной (2006), О.М. Егоровой (2016), Г. Беха (1949), G. Öhlschläger (1989), G. Fritz (1991), J. Buscha (1993), F. Palmer (1997, 2001), G. Diewald (2002), S. Bechmann (2013), T. Johnen (2006), D. Zengin (2003) и др.;

➤ об отдельных *видах модальности* работы А.В. Авериной (2010), М.Я. Блоха (2011), А.В. Шарандина (1988), D. Gamon (1994), В. Hansen (2000) и др.;

➤ о *корпусных исследованиях* работы Д.О. Добровольского (2013), И.М. Зацмана (2019), Н.В. Бунтман (2014), З.Г. Прошиной (2019), И.С. Париной (2019), L. Lemnitzer и H. Zinsmeister (2010) и др.;

➤ вопросам модальности уделяется внимание в *классических грамматиках* немецкого языка: В.Г. Адмони (1986), Б.А. Абрамова (2004), О.И. Москальской (1983), E. Hentschel и H. Weydt (2013), G. Helbig и J. Buscha (1996).

➤ по вопросам *функциональной семантики* работы А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, С.Д. Кацнельсона.

Основным **методом** исследования является *контекстная интерпретация*, поскольку от контекста зависит не только понимание отдельных слов, но и понимание всего текста. В данном случае важную роль играет контекст описанной в произведении ситуации, отношений героев и их интенций. Кроме того, мы использовали метод *сравнительного анализа* параллельных текстов (оригиналов и их официальных переводов) как способа аргументированной объективной доказательной базы метода интерпретации, а также *дискурсивный и трансформационный анализ*. При обработке теоретического и практического материала использовались методы *классификации и обобщения*. Релевантность применяемых методов подтверждается результатами корпусного исследования семантики модальных конструкций текстов немецко-русского параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), которое проводится ведущими российскими лингвистами и лексикографами проф. Д.О. Добровольским, Анной А. Зализняк, В.И. Карповым, А.А. Гончаровым и др. на базе ЦКП «Информатика» Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук. С 2018 г. по н.в. в рамках научного проекта «Исследование семантики модальных конструкций по данным немецко-русского параллельного корпуса» в нём принимает участие автор данной диссертации, что составило значительную долю экспериментальной части настоящей работы. Анализ функционирования немецких модальных глаголов в художественном контексте проводится на материале Надкорпусной базы данных, созданной руководителем проекта проф. Д.О. Добровольским на основе текстов немецко-русского параллельного подкорпуса НКРЯ. В процессе исследования применяется монофокусный метод контрастивного анализа, при котором вариант перевода немецкого модального глагола на русский язык используется как инструмент

его семантического анализа, а также методология аннотирования переводных соответствий [Гончаров, Инькова, 2019].

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в дальнейшее развитие теорий грамматической семантики, прагматики, когнитивной семантики, лексической семантики, функциональной грамматики, лексикографии. Данное исследование коррелирует с основными направлениями современного языкознания, такими как корпусная лингвистика, дискурсивная лингвистика, и тенденцией к универсальному подходу, охватывающему разные сферы научных знаний и методологию многих наук. Результаты исследования значимы для областей, связанных с переводом, лексикографией, методикой преподавания немецкого языка как иностранного и др.

Практическая ценность заключается в возможности использовать и материал, и результаты исследования при составлении словаря трудностей немецкого языка, а также в курсах теоретической и практической грамматики немецкого языка, когнитивной лингвистики и дискурсологии для студентов лингвистических и филологических специальностей.

Гипотеза исследования: контекстный изоморфизм немецких модальных глаголов в художественном дискурсе является их типичным свойством и обусловлен как предмодальной семантикой и историей развития этих глаголов, так и влиянием дискурсивного пространства.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изоморфизм немецких модальных глаголов, а именно контекстный изоморфизм – это феномен их функционально-семантического тождества, в основе которого лежит контекстная синонимия, сопровождаемая определенными лексическими и синтаксическими маркерами, которые конкретизируют пересекающиеся значения этих модальных глаголов в данной ситуации. Повторяемость подобных ситуаций указывает на системный характер данного явления.

2. Потенциал языковых единиц в художественном дискурсе, по сравнению с дискурсами другой направленности, в частности, юридическим и экономическим, раскрывается наиболее полно. Художественный дискурс находится на стыке многих гуманитарных наук и требует широкого, универсального подхода для своего изучения. Особенно это подходит для исследования такой многогранной и ещё недостаточно изученной категории как модальность.

3. Этимологическая взаимосвязь модальных глаголов и переплетения в их историческом развитии сформировали закономерности, согласно которым под влиянием дискурсивного пространства проявляются рудименты их исконных значений, и модальные глаголы могут выполнять несвойственные им функции. В качестве знаменательных слов модальные глаголы изначально выражали разные оттенки умственного и психоэмоционального состояния человека (*können* – «знать, понимать», *dürfen* – «нуждаться, испытывать недостаток», *mögen* – «иметь силу, быть в состоянии», *müssen* – «иметь случай, возможность, быть связанным клятвой», *sollen* – «быть должным, иметь долг, *schuldig sein*», *wollen* – «иметь волю, желание») и имели общее значение «душевного состояния» в широком смысле и синонимичные признаки. Наблюдаемые закономерности позволяют рассматривать их изоморфизм как лингвокультурный фактор.

4. На шкале изоморфизма находят отражение иллокутивные возможности модального глагола, а именно его потенциальная способность выполнять функции другого модального глагола.

5. Иллокутивными маркерами изоморфизма модального глагола, уточняющими ситуацию и конкретизирующими её модальность, являются тип субъекта действия, особенности лексического окружения и определённые синтаксические конструкции.

Достоверность полученных результатов исследования обусловлена комплексным подходом к изучению семантики модальных глаголов и анализом большого объема языкового материала (более 3000 примеров) с

использованием текстовых и лексикографических источников, в том числе корпусных данных.

Апробация работы. Основные выводы и результаты исследования, отражённые в диссертации, были представлены на заседаниях кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова в 2018–2021 гг., на семинаре по лингвистике для аспирантов (Doktorandenschulung) Российского союза германистов и Службы академических обменов DAAD (Коломна, ГСГУ, 2019 г.), а также в докладах на международных и вузовских **конференциях**: на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 г.), на XIV Межвузовской научно-практической конференции «Перевод – мост между мирами» (Москва, РГГУ, 2019 г.), на международной конференции «Актуальные проблемы романо-германской филологии» (Коломна, ГСГУ, 2019 г.), на XXI Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019 г.), на международной конференции «Фундаментальные проблемы теории перевода и влияние их решений на успешность коммуникации» (Нижний Новгород, НГЛУ, 2019 г.), на XVIII Международном лингвистическом семинаре «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк, ДНУ, 2020 г.), на международной научно-практической конференции «Личность и общество в современном геополитическом пространстве» (Волгоград, ВолГУ и СевГУ, 2020 г.), на XVII Съезде Российского союза германистов «Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве» (Коломна, ГСГУ, 2019 г.).

По теме исследования было опубликовано 6 статей, из них 4 опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.10.07 по специальности 10.02.04.

Работа структурирована в соответствии с поставленной целью и задачами. Она состоит из введения, двух глав, заключения, приложения и

списка источников теоретического и практического материала. Во **Введении** определяются актуальность выбранной темы, степень её разработанности, цели и задачи, объект и предмет исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методология диссертационного исследования, положения, выносимые на защиту, гипотеза.

В **Главе 1** «Модальность художественного дискурса» в п. 1.1. дана характеристика художественного дискурса и описаны его особенности, проанализировано соотношение понятий «текст» и «дискурс», перечисляются критерии текстуальности. Текст описан как основной инструмент человеческой коммуникации, что укладывается в рамки актуальных антропоцентрических лингвистических исследований. П. 1.2. содержит описание категории модальности, соотношение понятий «модус» и «модальность». Рассмотрены спорные вопросы, как, например, критерии отнесения к модальности отдельных субкатегорий. Обосновывается текстоформирующая роль категории модальности. В п. 1.3. рассматриваются отдельные виды модальности (эпистемическая, деонтическая, потенциальная и волюнтаривная) и средства их репрезентации в художественном тексте – наклонения, интонация, синтаксические средства, модальные частицы, модальные глаголы и др. Представлены рассуждения некоторых учёных о полисемантической немецких модальных глаголов и зависимости выражаемого модального значения от контекста, что логично приводит к п. 1.4., где описывается история термина «изоморфизм», заимствованного в лингвистику из естественных и точных наук, а затем постепенно расширявшего своё значение от обозначения соответствия единиц различных уровней до соответствия, тождества, сходства единиц одного уровня. В данном пункте определяется понятие изоморфизма в лингвистике и конкретно в нашем исследовании. В п. 1.5. обобщаются характеристики лексического кластера модальных глаголов, выделяются их основные черты и рассматривается спорный вопрос включения или невключения отдельных глаголов в число модальных в немецком языке. В обобщённом виде

приводятся предмодальные значения этих глаголов: *können* – знать, понимать, *dürfen* – нуждаться, испытывать недостаток, *mögen* – иметь силу, быть в состоянии, *müssen* – иметь случай, возможность, быть связанным клятвой, *sollen* – быть должным, иметь долг, *wollen* – иметь желание, выбор, волю. В обобщённом виде приводятся современные имманентные значения этих глаголов: *müssen* – испытывать необходимость, продиктованную внешним давлением, общественными нормами, внутренними личными обязательствами, логикой, волей говорящего; *können* – быть в состоянии, уметь, иметь возможность, право, способность, позволение что-то сделать; *wollen* – проявлять волю, желание, намерение что-то сделать; *sollen* – выразить волю кого-то, кто не является грамматическим субъектом высказывания, испытывать крайнюю необходимость, передавать чужие слова и мнение; *dürfen* – иметь разрешение, дозволение, быть вправе делать что-то; этот глагол часто употребляется в высказываниях с отрицанием, содержащих пожелание или просьбу, смягчает однозначные утверждения, выражает степень вероятности; *mögen* – реализовать чьё-то желание либо выразить согласие с этим желанием, а также передать степень вероятности события, предположение.

В **Главе 2** «Системный изоморфизм модальных глаголов современного немецкого языка» на основе теоретических и лексикографических источников и проанализированного практического материала исследования представлены основные характеристики исследуемых модальных глаголов. В п. 2.1. описываются этимология, семантика и функции глаголов *müssen*, *können*, *wollen*, *sollen*, *dürfen*, *mögen*. Основная часть этой главы посвящена анализу изоморфизма исследуемых глаголов в ситуациях уверенности/неуверенности говорящего, или эпистемической модальности (пп. 2.2.2.), побуждения к действию/долженствованию и необходимости, или деонтической модальности (пп. 2.2.3.), желательности/нежелательности, или волонкативной модальности и возможности/невозможности события, или потенциальной модальности (пп.

2.2.4.). В пп. 2.2.5. анализируется прагматика изоморфизма модальных глаголов в ситуациях вежливой коммуникации.

В **Заключении** подводится итог проделанного исследования и намечаются перспективы дальнейших изысканий в аспекте модальности текста и дискурса, видов и средств её выражения. **Библиография** содержит список использованной литературы. Список теоретических источников составил 152 наименования на русском языке и 51 – на иностранных языках. Список справочных пособий и словарей составил 24 позиции. Список источников практического материала состоит из 16 позиций. **Приложения** содержат материал исследования – примеры употребления модальных глаголов и комментарии к ним, а также данные в виде сводной таблицы, систематизирующей случаи изоморфизма немецких модальных глаголов. Объём текста диссертации – 196 стр., Приложения составляют 24 стр.

ГЛАВА 1. МОДАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

1.1. Художественный текст и художественный дискурс: соотношение понятий

Язык как система реализуется в речи в виде текстов разного формата, объёма, типа и стиля. Невозможно изучить значение и функционирование лексической или грамматической единицы в отрыве от текста. Учение о тексте приобрело характер самостоятельной лингвистической дисциплины в 1960-1970-е гг. XX в. С тех пор текст признаётся единицей коммуникации, а сегодня, как отмечает Г.А. Золотова, также и «высшей реалией языка» [Золотова и др. 2004: 6].

В настоящее время существует множество определений текста, каждое из которых отражает, как правило, те аспекты, которые важны для достижения цели конкретного исследования. Например, Е.Ю. Прохоров приводит в начале своей работы «Действительность. Текст. Дискурс» множество определений текста и иронично отмечает, что это становится уже «общим местом» [Прохоров 2006: 13]. Не претендуя на оригинальность, мы хотели бы присоединиться к определению одного из основоположников российской лингвистики текста И.Р. Гальперина, которое он дал ещё в 1981 г. В своей монографии «Текст как объект лингвистического исследования» он называет текстом произведение речетворческого процесса, которое обладает завершенностью, объективировано в виде письменного документа, литературно обработано в соответствии с типом документа, состоит из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеет определённую целенаправленность и прагматическую установку. Основные категории текста по И.Р. Гальперину: информативность, завершённость, проспекция, ретроспекция, членимость, автосемантичность отрезков, континуум, когезия, а также модальность. Согласно его наблюдениям, «большинство текстов с точки зрения их

организации стремится к соблюдению норм, установленных для данной группы текстов (функциональных стилей), и тем самым как бы сопротивляется нарушению правильности текста» [Гальперин 2009: 18-19].

О.Н. Копытов в монографии «Модус на пространстве текста» приводит определение текста, данное Т.М. Николаевой: «Текст (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Цит. по: Копытов 2012: 17]. Автор перечисляет около десятка дополнительных категорий текста: преинформация, постинформация, инициальность, прогрессия, стагнация, образ автора, подтекст, пресуппозиция, аспектуальность, персональность и др.

Каждый текст обладает определёнными свойствами, которые служат маркерами текста, отличают его от набора предложений. Совокупность подобных параметров текста в лингвистике определяется термином «текстуальность». В.Е. Чернявская считает текстуальность «прототипическим феноменом» [Чернявская 2009: 32].

Одно из самых цитируемых определений дали австрийские учёные-лингвисты Робер Алан де Богранд и Вольфганг Ульрих Дресслер, считающие, что текстом является коммуникативное событие, соответствующее семи критериям текстуальности: «eine kommunikative Okkurenz (от лат. *occurrere* – *встречаться, случаться, происходить*), die sieben Kriterien der Textualität erfüllt» [Beaugrande, Dressler 1981: 3]: когезии, когерентности, интенциональности, акцептабельности, информативности, ситуативной отнесённости и интертекстуальности (*Kohäsion, Kohärenz, Intentionalität, Akzeptabilität, Situationalität und Intertextualität*). Центральными критериями являются когезия и когерентность (формальная, поверхностная и внутренняя, смысловая связность текста). Все направления лингвистических исследований текста базируются на этих критериях. Не менее важным является критерий интенциональности, или речевых намерений автора, определяющих жанр текста. Далее следует критерий акцептабельности, ориентированный на

реципиента, который настраивается на возможность понять предлагаемый ему текст. Критерий информативности текста имеет социопсихологическую основу: с одной стороны, мало кто будет читать или слушать текст, который перегружен абсолютно новой и неожиданной информацией, с другой стороны, недостаточная информативность может вызвать скуку, незаинтересованность и такое же нежелание реципиента дочитать текст до конца. Ситуативная отнесённость (время, место, форма, ситуация появления и восприятия текста, его значимость и т.п.) определяет степень релевантности текста в каждой конкретной коммуникативной ситуации. Особый интерес представляет для исследователей категория интертекстуальности. Здесь есть два аспекта. Свои собственные тексты носители языка интуитивно-эмпирически строят по уже имеющимся образцам типов и жанров. Это могут быть также и накопленные научные знания о текстах как инструментах на разных уровнях коммуникации. Однако, как правило, в каждом типе и жанре текста присутствуют структуры, характерные и для других жанров, а также так называемые прецедентные тексты, аллюзии, цитаты и т.п. Уже исходя из вышеперечисленных «классических» критериев, можно констатировать тот факт, что текст является настолько многогранным и комплексным понятием, что учёные до сих пор не могут прийти к общим определениям в терминологическом аппарате ни общей лингвистики текста, ни любой другой науки, включающей текст в сферу своего исследования – например, переводоведения, лингводидактики, лингвокогнитологии, дискурсологии и т.п.

Существует множество попыток распространить и развить этот список критериев Р.А. Богранда и В.У. Дресслера. Например, У. Фикс, немецкая исследовательница в сфере лингвистики и стилистики текста, дополнила его восьмым критерием текстуальности – культурной отнесённостью текста (*Kulturalität*), поскольку при общности жанров каждый текст имеет и свою культурную специфику [Fix 2003: 18]. Модальность также выполняет текстообразующую функцию, подробнее об этом в пункте 1.2. данной работы.

Авторы книги «Методы анализа текста и дискурса» не считают все выделенные Р.А. Бограндом и В.У. Дресслером критерии одинаково важными и отмечают только связность (когезию) и целостность (когерентность) как неотъемлемую часть любого текста [Тичер 2017: 43-44].

Согласно В.З. Демьянкову, текст осмысливается только в той мере, как он интерпретируется читателем, слушателем на основе их знаний о мире. Целостная интерпретация текста возможна только при целостности и смысловой связности суждений. В тексте присутствуют иерархические отношения, распознаваемые интерпретатором и позволяющие ориентироваться в тексте, а также предопределяющие интерпретацию его частей (например, анафорических и личных местоимений). Значение каждого отдельного предложения выводится, среди прочего, из значения предшествующего текста. Он может быть понят только при условии, что интерпретатор в состоянии запоминать и использовать информацию и логические выводы, полученные из прочтения предшествующего фрагмента текста. Эта хранимая информация позволяет сузить множество интерпретаций каждого последующего предложения текста. Предложения в текстах связаны между собой, обладают «коннекцией», на наличие которой можно найти указания в самом тексте [Демьянков 2005: 15].

Ю.П. Солодуб в своем определении текста так же, как и И.Р. Гальперин, исходит из понятия целостного сверхфразового единства, характеризуемого общностью идейно-тематического содержания или общностью темы и интенций автора [Солодуб 2005: 12]. Данное определение распространяется на все виды текстов, однако не затрагивает функционально-стилевую специфику текстов художественных произведений, или художественных текстов, основной функцией которых является не информация, а эстетическое воздействие на читателей или слушателей. Именно для художественных текстов более важно не то, что сообщается, а то, как это сообщается [Солодуб 2005: 21]. Художественным будет являться всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовать эстетическую функцию и

который построен и семантически организован таким образом, что содержит сигналы, обращающие внимание на данную организацию [Лотман 2005: 207]. Основные особенности художественного текста – это его эстетическая функция, экспрессивность, фасциативность, образность и метафоричность. Это так называемый фиктивный гибридный текст, который при помощи самых разнообразных средств воспроизводит замысел автора и отражает его идиостиль.

М.Ю. Лотман называет следующие составляющие художественного текста:

➤выраженность: текст выражен и зафиксирован знаками естественного языка, то есть является материальным воплощением некоей системы (языка); в десоссюровском разграничении языка и речи текст всегда будет принадлежать области речи, следовательно, наряду с системными, в тексте всегда будут присутствовать и внесистемные элементы;

➤отграниченность: отграниченность текста проявляется в том, что он, с одной стороны, противопоставит всем материально воплощенным знакам (по принципу включенности/невключенности в его состав), с другой стороны – всем структурам с открытыми границами (например, структуре естественных языков с безграничным количеством речевых текстов). Слово и предложение, находясь в системе естественных языков, обладают категорией ярко выраженной отграниченности;

➤структурность: текст представляет собой не простую последовательность знаков в промежутке между внешними границами начала и конца – тексту присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое, поэтому, для того чтобы некая совокупность фраз естественного языка могла называться художественным текстом, следует убедиться, что они образуют некую структуру вторичного типа на уровне художественной организации [Лотман 2005: 281-285].

В художественном тексте форма, вся система его оформления, то есть идиостиль автора, может доминировать и во многом определять специфику

его содержания. Этот феномен создаёт эффект уникальности и неповторимости каждого художественного произведения. Сложно представить художественный текст вне категорий оценки и предписания (воздействия на читателя в свете эстетических воззрений автора, его эстетического идеала). Человек – центр литературного произведения и как субъект повествования, и как объект эстетического художественного познания [Бабенко 2005: 53]. Художественный текст в высокой степени антропоцентричен. Е.Н. Базалина называет художественный текст «материализованным фрагментом специфической гносеологической и национальной культуры этноса» [Базалина 2000: 75], который отражает картину мира и оказывает мощное социальное воздействие на читателей.

И.Р. Гальперин также подчёркивает, что художественные тексты, «хотя и подчиняются некоторым общепринятым нормам организации, всё же сохраняют значительную долю “активного бессознательного”, которое нередко взрывает правильность и влияет на характер организации высказывания» [Гальперин 2009: 25].

Считается, что стиль художественной литературы является одним из наиболее полно описанных функциональных стилей, однако исследователи отмечают, что «из этого вряд ли можно сделать вывод, что он наиболее изученный из них» [Тюленев 2004: 252]. Причина состоит в динамичном развитии данного стиля. Если научный и официально-деловой стили стремятся к тому, чтобы четко очертить круг используемых в них средств выражения того или иного содержания, а разговорно-бытовой и публицистический хотя и более открыты для нового, мобильны и изменчивы, всё же из-за своей слишком значительной демократической ориентированности не выходят за известные границы новизны и творческой изобретательности, то художественный стиль буквально не знает никаких преград на пути своего движения к новому, ранее неизвестному [Тюленев 2004: 252–253].

Антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований делает текст основным инструментом человеческой коммуникации, что логично приводит к понятию дискурса, в котором текст рассматривается «в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1998: 136–137]. Лингвистика языка сменяется лингвистикой общения, лингвистика текста постепенно уступает место лингвистике дискурса: «Ведь язык существует ради коммуникации, и осуществляется коммуникация в текстах – разной формы, разного объема и назначения, письменных и устных, спонтанных и подготовленных» [Золотова 2001: 108]. Теория текста стала одним из источников теории дискурса, хотя сама идея о дискурсе активно развивается в зарубежном языкознании с 1940–1950 гг. XX в., например, у З. Харриса [Земская и др. 2012: 9].

И.М. Кобозева называет дискурс «продуктом речевой деятельности человека» [Кобозева 1986: 2]. Термин «дискурс» в западном языкознании существует с XIX в., и уже тогда его многозначность была связана с тем, что он использовался в различных сферах гуманитарных исследований: лингвистике, социологии, психологии, этнографии, литературоведении, стилистике и философии. Во второй половине XX в. стала складываться теория дискурса, а в настоящий момент наблюдается тенденция к её междисциплинарности. В отечественной науке ведущими исследователями дискурса стали Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, А.А. Кибрик, В.Е. Чернявская, В.И. Карасик. В зарубежной дискурсологии это в первую очередь Э. Бенвенист, Т.А. ван Дейк и др.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике существует большое разнообразие подходов к пониманию термина «дискурс». Э. Бенвенист формулирует общее определение дискурса как «текст с отчётливой субъективностью, речь, присваиваемая говорящим» [Цит. по: Земская и др. 2012: 35]. В.Е. Чернявская отмечает, что дискурс «в одном из его

возможных пониманий обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного высказывания/текста в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [Чернявская 2009: 135]. То есть дискурс – это коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры – текста. В.Е. Чернявская подчёркивает: «В зависимости от исследовательских задач дискурс, в одном случае, обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, а в другом – подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определённых коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [там же: 147]. Е.С. Кубрякова видит разницу между текстом и дискурсом в том, что текст «складывается из последовательно расположенных предложений», а дискурс состоит из высказываний. Но в то же время она подчёркивает, что нередко оба понятия используются тождественно. Такой подход был характерен для развития научного знания в 1970–1980 гг., когда термины «лингвистика текста» и «дискурсивный анализ» выступали в значительной степени как взаимозаменяемые [Кубрякова 2000: 7-12; Языкознание 1998: 267-268].

Дискурс реализуется через язык и является средством для понимания мира. В этом смысле язык является существенным компонентом любого дискурса, но в дискурсе есть нечто большее, что не стоит за языком, а скорее составляет дискурс вместе с ним: дискурсы состоят из знаков (языковых знаков), и они используют эти знаки для большего, чем просто обозначение вещей [Warnke, Spitzmüller 2008].

С позиций «участников общения (социолингвистический подход) все виды дискурса распадаются на лично- и статусно-ориентированный дискурс. В первом случае участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всем многообразии личностных характеристик, во втором случае коммуниканты

выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией» [Карасик 2002: 198-199].

Суммируя различные имеющиеся подходы, можно сделать вывод, что чёткого и общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его употребления, ещё нет. Понятие дискурс близко по смыслу к понятию текст, однако подчёркивает динамический характер языкового общения. В противоположность этому текст определяется как статический объект, результат языковой деятельности. Многие исследователи трактуют дискурс как включающий одновременно два компонента: динамический процесс языковой деятельности и её результат (текст).

Дискурсивный анализ можно рассматривать как ответ на традиционную структурную лингвистику с её фокусом на анализе текста. Анализ текста всегда направлен в первую очередь на внутритекстовые отношения высказываний между собой, их пропозиционную и иллокутивную структуру, а анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту коммуникативные процессы [Чернявская 2009: 135]. Категории дискурса базируются на постулатах коммуникации. Одна из содержательных категорий дискурса – это интерпретируемость текста [Карасик 1998, 2000, 2002].

Ещё в 1980-е гг. известный голландский лингвист Т. ван Дейк разработал когнитивную теорию дискурса, включающую интеллектуальные знания о мире – фреймы, психологические и социальные параметры порождения и восприятия текста. Она базируется на выявлении так называемых ситуационных моделей, которые выявляются на основе интерпретации макроструктуры дискурса, установления общей связности пропозиций конкретного текста [Дейк ван 1989].

Итак, с одной стороны, под дискурсом понимается коммуникация, установление и развитие отношений между собеседниками, обмен информацией и влияние различных языковых стратегий друг на друга. С другой стороны, дискурс – это не только коммуникативный акт или акт

производства текста, но и взаимосвязь между высказываниями и знанием о мире, социальной, культурной и т.п. среде, создающими условия этой коммуникации. Исследователями выделяется большое количество видов дискурса, среди которых одним из самых обширных является художественный.

В художественном дискурсе присутствует множество факторов не только интралингвистического, но и экстралингвистического характера, а именно социо-, психо-, пара- и металингвистического характера. О.А. Мельничук определяет «художественный дискурс» так: «1) художественный текст в процессе когнитивно-коммуникативной деятельности читателя, реконструирующей когнитивно-коммуникативную деятельность автора; 2) тип письма, обладающий вышеперечисленными признаками художественного текста». Далее он рассуждает о коммуникативной стратегии автора художественного текста, которую определяет как «план речевых действий и его реализацию для достижения коммуникативной цели автора текста, которая состоит в воздействии на картину мира и систему ценностей читателя. Представляется, что реализация данного плана в художественном тексте осуществляется с помощью текстовых/дискурсивных стратегий, под которыми понимаются серия тактик и приёмов, используемых автором для программирования восприятия читателем основной идеи художественного произведения, авторской картины мира и авторских интенций» [Мельничук 2013: 126-127].

Анализ художественного дискурса – это всегда контекстная интерпретация имплицитного содержания высказываний, которое адресанты текста подразумевают только в полных текстах и которые только в контексте распознаются адресатами. Такие структуры, естественно, сложно анализировать. Необходимо учитывать не только всевозможные экстралингвистические факторы, но и фоновые знания участников данного вида коммуникации, который можно обозначить как фиктивную художественную коммуникацию.

Л.А. Манерко отмечает, что «дискурс художественного произведения как явление динамичное помогает понять не только семантику и семиотику текстового пространства, но и связать это явление с “вертикальностью” текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [Манерко 2012: 64].

Итак, в настоящее время художественный дискурс исследуется в литературоведческом, лингвистическом, культурологическом, философском и других аспектах, он является очень продуктивным и качественным эмпирическим материалом для лингвистических исследований. С одной стороны, художественный текст – это отражение идиостиля его автора, с другой стороны, – отражение эпохи и культуры страны и мира, в котором он живет. Благодаря тому, что в рамках художественного дискурса есть возможность описать самые различные пласты человеческого опыта, язык художественного дискурса отражает все оттенки и особенности современного писателю языка.

1.2. Модальность как текстоформирующая категория

Модальность (от лат. *modalis* – модальный, *modus* – мера, способ) – это языковая универсалия, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности и «субъективной квалификации сообщаемого» [Языкознание 1998: 112]. В широком смысле слова, это преломление отрезка действительности через сознание говорящего [Гак 2000: 144]. Е.Е. Корди, объединяя многие трактовки модальности, выделяет в качестве основы функционирования этой категории положение о том, что «в предложении необходимо выделять пропозицию (предикатное ядро) и так называемую модальную рамку, включающую набор значений, связывающих пропозицию с говорящим» [Корди 1988: 12]. Также у В.Н. Бондаренко: модальность – это отношение содержания высказывания к действительности, и это отношение устанавливает говорящий [Бондаренко 1979: 58].

Т.И. Дешериева, сравнивая разные подходы к модальности, так формулирует определение: «Модальностью мы называем лексико-грамматическую категорию, характеризующую целевую коммуникативную установку, тип связи субъекта и предиката суждения, обозначенного предложением, интонеми последнего и модус отношения говорящего к смыслу сообщения» [Дешериева 1987: 41].

Термин «модальность» образован от слова «модус», но среди учёных нет единого мнения относительно того, в каких отношениях находятся между собой эти понятия. Некоторые исследователи, например, Т.И. Краснова, употребляют их как синонимы [Краснова 2002]. Другие считают, что модус – более широкое понятие, чем модальность [Бондарко 1990; Шмелева 1984; Беляева 1985].

«Модус» не является собственно лингвистическим термином, а исходит из терминологического аппарата средневековых схоластов и современной философии [Копытов 2012: 15]. У схоластов термин «модус», так же как «диктум», заимствовал швейцарский ученый Ш. Балли, который считается основоположником теории лингвистической модальности. Это один из примеров того, как лингвистика заимствует схожие по общему смыслу понятия из других областей знания: «Эксплицитное предложение состоит, таким образом, из двух частей: одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление (например, *la pluie* «дождь», *une guerison* «выздоровление»); по примеру логиков мы будем называть ее диктумом. Вторая содержит главную часть предложения, без которой не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, *думать*, *радоваться*, *желать*), а его субъектом – модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум» [Балли 2001: 44]. Модус выражает отношение говорящего к диктуму и, по мнению Ш. Балли, в дихотомии предложения играет первостепенную роль. Ш. Балли связывает понятия

модальности и модуса, включая в модальность эмоциональную окраску и коммуникативную направленность высказывания. Г.П. Немец пишет о том, как именно модальность реализуется в речи: «Сущность лингвистической категории модальности составляют формальные единицы грамматического выражения различных аспектов отношений семантики речи к реальной действительности» [Немец 1999: 8]. Кроме того, модальность является значимой категорией психологии, разные подтипы этой категории описывают отношение человека к окружающей действительности и отчасти его психоэмоциональную деятельность. Вероятно, именно сфера психологии является связующим, переходным звеном между модальностью в философии и в лингвистике.

Модус – более широкое понятие, чем модальность. Например, Н.Д. Арутюнова перечисляет такие планы модуса, как перцептивный (чувственное восприятие – *видеть, слышать* и др.), эмотивный (выражение эмоционального состояния по поводу происходящего), ментальный (эпистемическая модальность) и волеизъявительный (желание и необходимость) [Арутюнова 1988: 109].

Т.В. Шмелева понимает модус в коммуникативном аспекте, а модус и коммуникативный аспект вместе представляют собой субъективную составляющую предложения [Шмелева 1984: 81]. Модус она наделяет квалификативными категориями, связанными с модальностью: «Кваликативные категории модуса позволяют говорящему проявить своё отношение к событиям и информации о них; эту группу модусных категорий составляют модальность, авторизация, персуазивность и оценочность» [там же: 85].

Анализ показывает, что модальность является, с одной стороны, одним из наиболее устоявшихся, с другой стороны, наиболее спорных понятий современной лингвистики [Зеленецкий, Новожилова 2003: 73]. Традиционным для исследований на тему модальности стало приводить множество определений модальности с целью показать, насколько неоднозначно

трактуются эта категория в современной лингвистике. Например, Г. Яхнов и С. Мековская приводят следующие трактовки модальности:

➤ включающая наклонение морфо-синтаксическая и семантико-прагматическая (коммуникативная) категория, которая передаёт отношение говорящего к сообщению и отношение сообщения к действительности и может быть выражена грамматически и/или лексически, интонационно и т.д.;

➤ семантическая категория, которая в общем смысле включает в себя позицию говорящего к содержанию сообщения и отношение сообщения к действительности; формально может выражаться наклонением, а также лексическими средствами (модальные глаголы, модальные слова). Модальность в самом широком смысле может быть связана с характеристикой предложений как вопроса, отрицания, утверждения и др.;

➤ семантическая категория, выражающая мнение говорящего относительно действительности сообщения. Модальность в таком широком понимании связана не только с морфологическими формами, но и с различными типами предложений – утверждение, вопрос, требование;

➤ функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого;

➤ одна из основных категорий предложения, формирующая предикативность как отнесённость высказывания к действительности. Содержание модальности – оценка высказывания говорящим с точки зрения реальности, достоверности, возможности, целесообразности, необходимости и т.п. Модальность передаётся языковыми средствами, которые являются компонентами грамматической формы предложения. Это глагольные формы наклонения, частицы, интонация, а также специальная модальная лексика;

➤ термин «модальность» используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объёму, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры. Вопрос о

границах этой категории решается разными исследователями по-разному [Jachnow, Meckovskaја 1994: 53-54];

➤ «субъективно-объективное отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности», два основных типа модальности – реальная и ирреальная [Золотова 1973: 142];

➤ «оценка содержания говорящим с точки зрения реальности, достоверности, возможности и т.п. Основным модальным значением предложения является реальность – ирреальность как результат объективной оценки содержания говорящим. Объективно-модальные значения реальности и ирреальности выражаются формальными средствами. Значение реальности опирается на формы изъявительного наклонения глагола и на интонацию. Ирреальность проявляется в виде частных значений желательности, вопросительности, побудительности и др.» [Лекант 2000: 5-6].

➤ К.М. Галкина-Федорук определяет модальность как «логическое понятие, отражающее отношение говорящего к действительности, устанавливающее достоверность или недостоверность связей, фактов, обозначаемых и выражаемых в предложении. Поэтому не только суждению, но и предложению свойственна модальность» [Галкина-Федорук 1958: 31].

➤ Г.В. Валимова пишет о границах модальности: «Модальность... содержит качественную квалификацию отношения речи к действительности. Характер модальных значений весьма различен. Среди них выделяются значения, обязательные для существования предложения. Они постоянно сопутствуют предикативности, выражая одну из возможных форм отношения содержания речи к действительности...» [Валимова 1967: 4].

Исследование модальности является традиционным для русской лингвистической мысли. Началом послужило выделение первыми русскими грамматиками А.Х. Востоковым и Н.И. Гречем наречий в особую группу, затем А.А. Потемня определил вводные слова и предложения. Первые

систематичные и полные описания модальности принадлежат перу В.В. Виноградова и В.Г. Адмони [Ваулина 1993: 5]. В советской и российской теории модальности большую роль играет разделение модальности на объективную и субъективную с тех пор, как эта мысль была сформулирована Д.Э. Розенталем и М.А. Теленковой, хотя сегодня есть разные подходы к определению этих понятий: под объективной модальностью могут понимать и само отношение содержания предложения к действительности в плане реальности или ирреальности, и отношение содержания предложения к действительности в плане реальности или ирреальности с точки зрения говорящего [Jachnow, Meckovskaja 1994: 51]. Наряду с обобщающим «энциклопедическим» определением существует много более узких определений как самой категории, так и её отдельных видов, которые авторы дают в рамках своих исследований в соответствии с поставленной целью, что уже само по себе ограничивает широту охвата объекта исследования. Например, Н.В. Игнатьева считает, что модальность, «иногда включающая в себя наклонение», является семантической категорией, имеющей дело с двумя видами суждений 1) те, которые относятся к реальности того, о чём говорилось (уверенность, вероятность, возможность), 2) те, которые относятся к человеческому контролю над ситуацией (способность, разрешение, намерение, обязанность) [Игнатьева 2007: 8]. Г.П. Немец утверждает, что лингвистическая модальность должна рассматриваться, прежде всего, как модальность функциональная, но, в то же время, категориальное значение модальности заключается в сфере, ограниченной утверждением или предположением, то есть реальностью или ирреальностью [Немец 1999: 5]. Б. Плотников пишет, что вместе с категориями времени и лица модальность формирует категорию предикативности, которая выражает отношение всего высказывания к действительности, а также подчёркивает особую роль эмоционального и оценочного отношения говорящего к сообщаемому. С одной стороны, нельзя исключить из поля внимания аффективные средства выражения модальности (интонация, выражение лица и др.), с другой стороны,

они затрудняют грамматическое описание модальности [Цит. по: Jachnow, Meckovskaja 1994: 31].

Б.А. Абрамов даёт следующие определения:

«Модальность – это широкая семантическая категория, с помощью которой в лингвистике охватывается совокупность значений, характеризующих отношение содержания предложения к действительности, и отношение адресанта к содержанию его высказывания.

Наклонение – это грамматическая категория, противочлены которой используются для выражения определенных модальных значений. Согласно теории функционально-семантических, в иных терминах, грамматико-лексических полей, категория наклонения образует ядро поля модальности, в котором объединяются как грамматические, так и лексические средства выражения модальных значений» [Абрамов 2004: 242-243].

Б.А. Абрамов выделяет такие подвиды модальности как объективная (отношение высказывания к действительности), субъективная (отношение адресанта к высказыванию), внутренняя (отношение субъекта действия к действию) [Абрамов 2004: 242-243]. Г.А. Золотова соглашается с этой классификацией [Золотова 1962: 65]. Л.С. Ермолаева, исследуя модальность в германских языках, называет внутреннюю (выражается в основном через модальные глаголы, например, Er **will** essen; You **must** read the thing), объективную внешнюю (выражается в основном наклонениями глагола) и субъективную внешнюю модальности (выражается в основном модальными словами) [Ермолаева 1987: 68-69].

Выдающийся российский учёный А.М. Шахнарович совместно с Б.Е. Арамой написал книгу «Интонация и модальность». Основной целью этой работы было сформулировать подходы к изучению интонации в её связи с модальностью [Бубнова 1998]. Учёные опираются на положение о разделении модальности на субъективную и объективную, где объективная модальность – это обязательная характеристика любого предложения, отношение сообщаемого к действительности в плане реальности, выражаемого в

основном наклонением глагола; а субъективная модальность – это оценка в широком смысле слова, в том числе эмоциональная [Шахнарович 1997: 382].

Споры идут и о принципиальной разнице между логической модальностью суждения и языковой модальностью и точках пересечения логической и грамматической модальности [Милосердова 1991: 15-17], а также включении эмоциональности (экспрессивности) в систему языковой модальности [Милосердова 1991: 15-17]. Ш. Балли, например, говорит о логической функции модальности, которая «заключается в выражении реакции мыслящего субъекта на его представление» [Балли 2001: 234], в то же время модальность – «синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы – подкласс глаголов, обозначающих суждение говорящего о предмете речи, которые отличаются от других глаголов тем, что они могут присоединять дополнительное придаточное предложение», без модальности, «души предложения», предложение нельзя считать предложением [Балли 2001: 44–45]. М.В. Зайнуллин не согласен с включением в модальность эмоциональной составляющей, а также с разделением модальности на объективную и субъективную, объясняя это тем, что модальность – это соотнесенность содержания высказывания с объективной действительностью не в плане определения человеческих эмоций, а как отношение содержания предложения [Зайнуллин 1986: 15].

В русле когнитивной лингвистики учёные также рассматривают модальность как важную языковую категорию. А.Р. Мухтаруллина, А.Н. Баранов, Г.Р. Биктимирова разделяют субъективную модальность на субъективно-личностную, описывающую отношения автора и текста, и субъективно-межличностную, описывающую отношения автора и читателя [Цит. по: Давлетбаева 2019: 52]. Для представителей когнитивной лингвистики модальность отражает опыт, мировоззрение и знания говорящего.

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс в работе «Грамматико-лексические поля в современном немецком языке» представляют модальность в виде поля, которое разделено на два микрополя – Действительности и Недействительности. Микрополе Действительности, по их мнению, более детализировано, тогда как противоположное ему микрополе Недействительности представлено только ирреальностью, побуждением и предположением [Гулыга, Шендельс 1969: 76].

Р. Харвег рассматривает модальность в самом широком смысле и называет такие оппозиции как: модальность правды и лжи (Modalität des die-Wahrheit-Sagens und des Lügens), модальность шутки и не-шутки (Modalität des Etwas-im-Ernst-Sagens und des Scherzens), модальность существования и не-существования (Modalität der Existenz und Nicht-Existenz). Он выстраивает иерархию модальностей – на вершине этой пирамиды находится модальность действительности (Modalität der Wirklichkeit), ей подчинены модальности вероятности, необходимости, возможности и желательности [Jachnow, Meckovskaja 1994: 9].

П.А. Лекант относит к модальности реальность, достоверность, возможность и другие аспекты, и связывает модальность с предикативностью. «Предикативность – это отнесенность содержания предложения к действительности, выраженная синтаксическими средствами (формами слов, служебными словами, порядком слов, интонацией – в их взаимодействии). Предикативность выражается в трех основных грамматических категориях предложения: синтаксической модальности, синтаксического времени, синтаксического лица. Каждая из них передает определённый аспект отнесённости высказывания к действительности, устанавливаемый говорящим» [Лекант 2000: 5].

В.В. Виноградов, который среди российских учёных одним из первых описал категорию модальности и средства её выражения в русском языке, считал, что определение модальности в широком смысле будет более верным и что в европейских языках она охватывает всю ткань речи [Виноградов 1975:

5]. То есть с категорией модальности «соприкасаются и даже частично переплетаются ... разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы и т. п.)». Временные формы глагола, частицы, наречия, лексика, интонация – всё имеет модальные оттенки [там же: 57].

Другие исследователи не согласны с широким подходом к определению модальности, считая, что отрицание относится к качеству суждений, указывая на наличие или отсутствие определенной связи между субъектом и предикатом, но это не говорит об оценке реальности и ирреальности [Панфилов 1963]. Также есть споры по поводу того, нужно ли считать модальным аспектом тип предложения – вопросительное, восклицательное, побудительное и повествовательное. Г.А. Золотова считает, что «коммуникативная целенаправленность высказывания не совпадает с модальным отношением к действительности, выраженном в этом предложении» [Золотова 1973: 145]. Что касается оценочности, то некоторые учёные относят её к периферийному аспекту модальности (А.В. Бондарко и др.), другие считают отдельной категорией (А.М. Пешковский, Т.В. Маркелова и др.), а третьи считают эти категории одним и тем же (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Романова и др.) [Цит. по: Давлетбаева 2019: 44]. Н.Д. Арутюнова непрямым образом указывает на пограничность категорий модальности и оценки: «Оценка, порожденная желанием, отлична от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой» [Арутюнова 1988: 6].

Представители широкого подхода к модальности включают в неё также эмоциональный компонент (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, Т.В. Романова): «Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что даёт объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности» [Романова 2008: 19]. С этим не согласны представители узкого подхода. Например, В.З. Панфилов пишет: «Эмоциональное отношение

говорящего и субъективная модальность хотя и могут быть отнесены к актуализирующим компонентам высказывания, однако их языковая природа и роль в конструировании структуры предложения настолько различны, что объединять их в пределах одной грамматической или лексико-грамматической категории модальности не представляется возможным» [Панфилов 1977: 48].

С ним согласен и А.А. Худяков: «Природа эмоций психофизиологическая, природа модальности определяется онтологией отношений и понятийным уровнем. Эмоциональные состояния могут характеризоваться амбивалентностью, то есть одновременным проявлением отрицательных и положительных эмоций, но в рамках одного предложения не могут перекрещиваться модальности одного порядка, например, объективно-модальные отношения актуальности и потенциальности» [Худяков 2005: 57].

Е.В. Милосердова подчёркивает, что модальность характеризует высказывание как коммуникативную единицу в целом [Милосердова 1991: 12]. Её компонентами являются: модальность коммуникативного типа предложения, модальность предиката (отношение действия к действительности в плане реальности/нереальности), характеристика действия в аспекте его афfirmативности/негативности, различные оттенки субъективной модальности (сомнения, уверенности, предположения и т.п.), модальные значения, возникающие между субъектом предложения и действием (возможности, желательности, необходимости) [там же: 32].

О.Н. Копытов исследует модус и модальность (для него это синонимы) в текстах разного типа, он пишет о художественном дискурсе: «Иногда модус на пространстве текста имеет полевую природу: например, в художественном тексте изначально задано поле Образа, куда модус, так же как диктум, вкладывает свои элементарные знаки и смыслы, чтобы уже на выходе иметь Образ как цельную вещь» [Копытов 2012: 23].

Модальность в художественном тексте среди прочего приближает понимание текста читателем к авторскому замыслу. Такой тип модальности как субъективно-оценочная, например, особенно ярко проявляется в текстах,

где личность автора выражена в большей мере. Исследования с точки зрения такой перспективы актуальны, так как раскрывают языковые и речевые явления в свете современного функционального и антропологического подхода к лингвистике. Антропоцентричность художественного текста связана с его субъективной и оценочной модальностью, которые отражают мировоззрение автора и выполняют помимо содержательной также прагматическую функцию через одобрение или неодобрение автора.

Модальность как именно текстовую категорию впервые описал И.Р. Гальперин в работе «Текст как объект лингвистического исследования», указывая на функционально-семантические характеристики модальности при её реализации через разные аспекты текста. В современных лингвистических исследованиях модальность рассматривается не только как универсальная «общетекстовая» [Гетьман, Архипович 2006: 35], но и как текстообразующая категория, которая формирует «концептуальную структуру текста» [Романова 2004: 7]. Именно в «процессе порождения текста происходит согласование модальных значений высказываний – внешне- и внутримодальных» и создается установка «на определенный характер изложения» [Солганик 2010: 75]. Г.Я. Солганик подчёркивает, что текстовая модальность «формируется на основе тесно связанной с ней субъективной модальности, под которой понимается отношение говорящего к содержанию высказывания и которая выступает как грамматическое выражение антропоцентричности – важнейшего, фундаментального свойства речи» [там же: 64]. С этим согласна Н.С. Валгина, относящая к модальности текста так называемую авторскую модальность, «скрепляющую все единицы текста в единое смысловое и структурное поле» [Валгина 2003: 59].

Модальность художественного текста – это «коммуникативно-семантическая категория, выражающая субъективное, но базирующееся на объективных факторах отношение автора к своему сообщению, проявляющееся как результат выбора предметов и явлений объективной действительности, качественной оценки текстовых объектов и способе

отражения между явлениями в тексте» [Донскова 1982: 28]. С точки зрения прагматики, средства выражения модальности текста, в особенности субъективной модальности, ситуативно обусловлены контекстом и динамично развиваются вместе с историей языка. Исходя из относительного и переменного характера модальности «в изменяющихся условиях коммуникации» [Рогожникова 2006: 16], исследование её коммуникативно-прагматических и социопсихологических аспектов всегда будет актуальным. Языковые средства реализации этой категории присутствуют на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, текстовом. В языке художественного текста они выражаются самыми различными средствами: специальным лексико-грамматическим классом модальных слов, модальными частицами, междометиями, порядком слов и т.д. Особую роль играют эмоционально-экспрессивные слова и структуры, подчёркивающие и уточняющие особенности ситуации.

Языковые средства передачи модальных оттенков ситуации – это открытая группа языковых единиц, которая имеет полевую природу. В центре средств выражения каждого вида модальности находится глагол или группа глаголов. А.В. Зеленщиков в своей монографии «Пропозиция и модальность» отмечает следующие смыслы предложений с модальными глаголами: деонтический смысл (приказ, разрешение, просьба, совет и т.п.), эпистемический смысл (мнение, предположение, сомнение, уверенность и т.п.), значение предложения, которое описывает внутренние качества или состояния субъекта пропозиции, позволяющие или вынуждающие его выполнять действие, обозначенное инфинитивом [Зеленщиков 2010: 105-106]. В рамках такого функционально-семантического поля есть и эксплицитные, и имплицитные языковые средства выражения. Максимальная реализация и конкретизация их семантики возможна лишь в широком контексте.

Итак, исследователи описывают модальность с разных точек зрения, но многие сходятся в том, что модальность относится к числу важнейших текстоформирующих категорий. Она на разных уровнях связывает воедино

элементы текста, выстраивая общую линию повествования. Непреходящей актуальностью обладает вопрос модальности художественного текста, так как в художественном тексте, имеющем минимум формальных ограничений в отличие от других стилей, наиболее ярко просвечивает автор, его интенции, позиция, отношение. Художественные тексты дают возможность исследовать модальность во всех её проявлениях.

1.3. Виды модальности и средства их репрезентации в немецком языке

В зависимости от коммуникативных намерений говорящего или пишущего можно выделить большое количество видов модальности. П.К. Адамец выделяет такие модальные значения, как вопрос, утверждение, вероятность, намерение, необходимость, возможность, вопрос, достоверность, отрицание: с этой точки зрения модальности близка теория речевых актов [Адамец 1968: 88]. О близости категории модальности и речевых актов пишет и Е.В. Падучева [Падучева 2009: 11-12], а Б. Вимер, Й. Нойбауэр, А. Янтти рассматривают модальность в соотношении с прагматикой [Wiemer 2005; Neubauer 2008; Jäntti 1984]. В.Г. Гак указывает, что виды модальности связаны с коммуникативной направленностью высказывания: алетическая (возможность/действительность)

– с повествовательностью, эпистемическая (знание/сомнение)

– с вопросительностью, деонтическая (обязательность/желательность)

– с побудительностью и оптативностью. Алетическая модальность соотносится с понятием бытия, эпистемическая модальность отражает уверенность и сомнение в событии, его доказуемость или недоказуемость, деонтическая модальность связана с обращенностью к будущему, с возможностью (желание, намерение, обязанность, существование) [Цит. по: Аверина 2010: 83]. Средства выражения модальности разнообразны и могут быть грамматическими, интонационными и лексическими [Колшанский 1961: 94].

А.В. Аверина выделяет в качестве основных такие модальные значения, как: эпистемическая модальность (уверенность/неуверенность, сомнение в том или ином факте действительности); волюнтативная модальность (модальность волеизъявления или желательность); алетическая модальность (возможность и действительность); деонтическая модальность (связь утверждаемого в суждении с нормами морали, права, конкретными обязательствами) [Аверина 2010: 21].

На примере лексического кластера модальных глаголов С. Бехман описывает систему модальных отношений как сформированную вокруг понятий обязательства и разрешения [Бехман 2014], а Т.В. Романова на материале современной мемуарной прозы выделяет следующие доминирующие модальные значения в текстах: интеллектуальная модальность (утверждение/отрицание; неясность/уяснение; неуверенность/убежденность; возможность/невозможность; определенность/неопределенность), диалогическая модальность (возражение/согласие), оценочная модальность: этическая, эстетическая, логическая (истинно/неистинно; сопоставление, соотнесение, противопоставление, подчёркивание, модализированное сравнение), эмоциональная модальность, волюнтативная модальность (желательность – необходимость – долженствование – императивность). При этом Т.В. Романова отмечает, что оценка может быть составляющим компонентом других видов модальности [Романова 2008: 6-7].

Рассмотрим подробнее такие виды модальности, как алетическая, эпистемическая, деонтическая, волюнтативная и потенциальная модальность. Большую часть из них – алетическую, эпистемическую, деонтическую, – традиционно исследуют также и в модальной логике [Овсепян 2013: 1].

Алетическая модальность. Модальность достоверности или модальность реальности/ирреальности называют также алетической модальностью (от греч. *alētes* – истинный). Её связывают с объективной модальностью, то есть с выражением отношения содержания высказывания к

действительности, не зависящей от говорящего. В тексте алетическая модальность выражается формами наклонения – изъявительного, побудительного и сослагательного. Категория изъявительного наклонения (индикатива) включает в себе объективно-модальные значения реальности, временной определённости: содержание сообщения отнесено к одному из трёх временных пластов – настоящему, прошедшему или будущему. Ирреальные наклонения – побудительное и сослагательное, – характеризуются недостаточной временной определенностью и относят сообщение в план желаемого или необходимого, возможного или неосуществимого и т.п.

К.Г. Крушельницкая описывает наклонения как основное значение модального плана и основное значение предикативности [Крушельницкая 2008: 128]. Трудность трактовки категории наклонения состоит в том, что оно тесно связано с временем, но эта связь имеет специфические особенности. Есть наклонения, обычно связанные с планом будущего. Это те наклонения, которые выражают желание, просьбу, побуждение, намерение, предположение и т.д. Выражаемые этими наклонениями действия фактически нереальные, в данный момент не происходящие. Говорящий только предполагает или желает, чтобы в близком или далеком будущем они осуществились: *сядь рядом, пойдём и послушаем, чтоб ты лопнул, приду, если прикажешь* и т.д. [Серебренников 1988: 23]. Границы «реальности в широком смысле» в основном очерчены рамками индикатива, поскольку семантическая сфера последнего включает в себя то ядро реальности, которое представляет не только настоящее, прошедшее или будущее (как грамматическое время), но и, кроме того, индикативное выражение возможности, необходимости. Объективная модальность базируется на противопоставлении четырёх модальностей предложения: утвердительной, презумптивной (выражающей презумпцию/пропозицию предложения в целом), нейтральной и вопросительной.

Субъективная модальность связана с прагматическим компонентом предложения, и отношение говорящего к сообщаемому интерпретируется как

степень достоверности, неожиданность, желательность, возможность и т.п. Модальные глаголы способны выражать как объективную, так и субъективную модальность [Кобозева 2007: 240-242].

Понятие ирреальности может включать в себя много факторов, в том числе и отрицание, которое рассматривается как вид модальности и связывается с ирреальностью. Например, как модальную категорию характеризует отрицание В.Г. Адмони в своем учебном пособии по теоретической грамматике немецкого языка «Der deutsche Sprachbau» [Адмони 1986], а Н.Д. Арутюнова называет отрицание «модальным оператором»: «Областью действия отрицания является логическая связка: отрицание аннулирует отнесённость предиката к субъекту, снимает связь. Оно, таким образом, выполняет функцию модального оператора» [Арутюнова 1999: 830]. А.В. Аверина критически оценивает тот факт, что многие современные исследователи относят отрицание к сфере модальных значений [Аверина 2018: 60], и ставит своей целью обратное – «обосновать независимый статус категорий модальности и отрицания» [там же: 58] и указать только на существование некоторых зон пересечения, когда высказывание вместе с отрицанием содержит отношение говорящего к этому факту (сомнение и т.п.). Также критически А.В. Аверина относится к выделению аксиологической модальности с точки зрения системы ценностей, так как, по её мнению, «оценочность взаимодействует с модальностью, но, тем не менее, образует самостоятельную сферу, поскольку в предложениях, содержащих оценку, диктумная часть (пропозиция) включает в себя не сам факт, а его интерпретацию говорящим» [Аверина 2010: 22].

Эпистемическая модальность. Эпистемическая модальность (от греч. *episteme* – достоверное знание, *epistamai* – знать, уметь; полагать, думать) – модальность вероятности и предположения, уверенности и неуверенности – давно и активно разрабатывается отечественными и зарубежными лингвистами. М.Я. Блох и А.В. Аверина так определяют ее: «эпистемическая модальность относится к системе модальных грамматических категорий, в её

семантике содержится оценка говорящим степени вероятности того или иного факта в прошлом / настоящем / будущем (субъективная эпистемическая модальность) или во вневременной перспективе (объективная эпистемическая модальность)» [Блох, Аверина 2011: 45-46].

В монографии А.В. Авериной приводится интерпретация эпистемической модальности отечественными лингвистами, которые довольно широко трактуют эту категорию. Одни определяют эту модальность как выражение говорящим своего отношения к высказыванию с точки зрения того, что имеется, имелось или будет иметься в реальном мире без привнесения деонтических аспектов. Другие уточняют её как категорию «предположения». Третьи разделяют неуверенность и гипотетичность. Кто-то понимает эпистемическую модальность как «степень полноты и характер знаний говорящего о событии» [Аверина 2010: 22-23]. Согласно определению А.В. Авериной, эпистемическая модальность включает в себя оценку говорящим степени вероятности (уверенность, неуверенность, сомнение) того или иного факта, и «любое предложение можно рассматривать как оценку говорящим степени вероятности высказывания» [там же: 24]. В предложении с семантикой эпистемической модальности всегда есть предполагающий субъект, который может быть названным или имплицитным. А.В. Аверина различает объективную и субъективную эпистемическую модальность, которая носит вневременной характер, и которую исследовательница характеризует как модальность внутреннего порядка [там же: 28]. Она считает, что эпистемическая модальность не совпадает с эвиденциальностью (указание на источник сведений о сообщаемом факте), а имеет с ней «зоны пересечения» там, где говорится о «собственном выводе как источнике информации, обладающим субъективным характером», то есть источник информации – первое лицо [там же: 45].

Традиционные средства передачи эпистемических значений – глаголы мнения и чувственного восприятия, модальные слова, модальные частицы, конструкции модальных глаголов с инфинитивами полнозначных глаголов,

конструкции *scheinen + zu + Infinitiv* и *werden + zu + Infinitiv* и др. Глагол *müssen* с инфинитивом, как правило, передаёт умозаключение, *können*, *dürfen*, *mögen* – предположение [там же: 167]. Нам представляется, что и глагол *sollen* также активно участвует в выражении эпистемической модальности, что будет проиллюстрировано в пункте 2.1.4.

Деонтическая модальность. Деонтическая модальность (от греч. *deon* – надлежащее, необходимое) – это модальность побуждения к действию, понимаемая в широком смысле, в том числе как побуждение к соблюдению законов, инструкций, требований, рекомендаций, норм и др. Деонтическую модальность выражают через приказ или призыв в форме императива, предписания, инструкции, просьбы (например, в виде вопроса: *не можете...?*), рекомендации (часто в сослагательном наклонении), также и разрешения (*разрешаю – не разрешаю – ты можешь, имеешь право, возможность*), убеждения (*если купите, не прогадаете*) и т.п. В последнем случае речь идёт о персуазивности как стратегии убеждения, особом типе деонтической модальности. «Персуазивная стратегия направлена на изменение посткоммуникативного поведения реципиента в ситуации свободного принятия им решения о необходимости/желательности/возможности совершения иницилируемых адресантом действий» [Голоднов 2011: 5-6].

Деонтическая модальность в языке выражается как имплицитно, с помощью интонации, взгляда, жеста, порядка слов, тона, использования слов с определённой коннотацией и др. К эксплицитным показателям деонтической модальности относятся глаголы «*(nicht) müssen*», «*(nicht) können*», «*(nicht) empfehlen*», модальные конструкции *haben/sein + zu + Infinitiv* и т.д. Не все средства выражения деонтической модальности эксплицитны, есть и менее очевидные – это модализирующие глаголы со скрытой семантикой желательности или возможности действия. Эта семантика раскрывается в контексте (*wünschen, suchen, betteln, brauchen, träumen, gelingen, wagen, fürchten, sich vorstellen, warten, bekommen u др.*). Данные функции могут

выполнять синтаксические конструкции условных предложений, косвенные речевые акты, речевые клише и др.

Волюнтативная и потенциальная модальности. Волюнтативная (от лат. *voluntas* – воля) модальность желательности/нежелательности и потенциальная (от лат. *potentia* – возможность) модальность возможности/невозможности являются двумя противоположными векторами модальной рамки высказывания и текста, определяя реальный или ирреальный поворот событий или его ожидание. Существуют различные ситуативные сценарии модальности желательности и возможности как выражение разного отношения говорящего к содержанию высказывания или ситуации с точки зрения желательности или возможности для него реализации данного высказывания или данной ситуации. Каждую из этих моделей можно представить как некую иерархию смыслов и оттенков и разделить средства её выражения на две основные группы: грамматические (наклонения глагола, придаточные предложения, сравнительные и другие синтаксические конструкции) и лексические: модальные и модализирующие глаголы, модальные слова и частицы, междометия, устойчивые речевые клише типа: *Hals- und Beinbruch! Mach's gut!* в функционально-семантическом поле желательности или *Man sieht sich!* в функционально-семантическом поле возможности. Например, *sein+zu+Inf* – средство выражения модальности возможности: *Auf seiner Karte...war sowieso nichts zu erkennen...* [Frisch 1999: 16] – На его карте...все равно ничего нельзя было понять... [Фриш 2000: 41].

К маркерам желательности, например, относится конструкция оптативного кондиционаля, свойственного разговорной речи [Admoni 1986: 203]: *Er hätte sie jetzt am liebsten alle vom Erdboden vertilgt, die stupiden, stinkenden... Menschen* [Süskind 1985: 350]. – Теперь он был бы рад всех их стереть с лица земли, этих тупых, вонючих... людишек [Зюскинд 2002: 423].

К ядру ФСП потенциальной модальности относятся немецкие модальные глаголы *können, mögen*, имена существительные с семантикой возможности, а

также имплицитные средства выражения модальности: интонация, порядок слов и др. Больше примеров можно найти в Приложении 2.

В немецком языке есть много единиц, которые могут быть и средствами выражения желательности, и средствами выражения возможности. Например, в некоторых случаях футур называет событие, желательное в будущем и непосредственно связанное с настоящим: *Ich kenne alle Gerüche der Welt, ... nun kenne ich von manchen die Namen nicht, ... werde sie alle lernen, ich werde den Namen des Balsams nie vergessen*, Storax [Süskind 1985: 109]. – Я знаю все запахи на свете, ... только не знаю некоторых названий, но ... я их все выучу, я никогда не забуду название этого бальзама, стиракс [Зюскинд 2002: 132]. В других случаях это явный маркер модальности возможности: *Sie werden sehen, entweder stinkt's nach Öl oder nach Fisch* [Süskind 1985: 19]. – Там вечно воняет либо нефтью, либо рыбой, вы сами убедитесь [Зюскинд 2002: 44].

К.Г. Крушельницкая приводит пример предложения с разными средствами выражения модальности: «*Das könnten wir leider nur bei Tageslicht ausführen*. – Это мы могли бы сделать, к сожалению, только при дневном свете. Сослагательное наклонение выражает здесь отношение действия, а тем самым всего содержания предложения к действительности: это – потенциально-условная возможность. Модальный глагол *können* выражает отношение субъекта к действию, а именно возможность. Модальное слово *leider* выражает отношение говорящего к высказываемому. Эти уточнения необходимы для того, чтобы можно было установить и разграничить, с одной стороны, значение и употребление наклонений, с другой стороны, значение и употребление модальных глаголов и модальных слов в обоих языках, а также выяснить, как эти языковые средства взаимодействуют друг с другом» [Крушельницкая 2008: 128].

Модальные глаголы как средство выражения модальности отличаются подвижностью семантических границ и могут в зависимости от контекста выражать те или иные модальные значения. И.Н. Рогожникова приводит такой пример контекстной семантической близости нескольких модальных

глаголов: «В семантической структуре глагола *können* релевантная интегральная сема ‘характер предикативного признака’ реализуется в дифференциальной семе ‘возможность’. Значение ‘возможность’ фиксируют у глагола *können* словари [Wahrig, 761; WDG, 2173-2174]. Глагол *können* в сочетании с инфинитивом указывает на то, что названные в инфинитиве процесс или состояние могут быть реализованы на основе имеющихся обстоятельств или определенных предпосылок [WDG, 2174]. *Du kannst jetzt ruhig heimgehen, sagte eine der Schwestern zu ihr* [Rinser, Sündebock, 161] – Теперь ты спокойно можешь идти домой, – сказала ей одна из сестер. В данном высказывании глагол *können* синонимичен глаголу *dürfen*, так как оба имеют семантическое значение ‘возможность’, что неоднократно отмечалось в научной литературе» [Рогожникова 2006: 12].

Г.А. Золотова исследует модальные глаголы и подчеркивает, что «вопрос об употреблении и значении модальных глаголов является сложным, поскольку в разных условиях контекста они могут иметь разные модальные смыслы» [Золотова 1962: 96]. Своего рода обоснование изоморфизма модальных глаголов дается в теории речевых актов: иллюкутивный смысл высказывания не всегда очевиден исходя из формального состава высказывания, а сильно зависит от контекста, в который погружено высказывание [Кобозева 1986]. И.Н. Рогожникова провела подробный контекстный анализ употребления немецких модальных глаголов в составе директивных речевых актов и в результате исследования приводит таблицу функционирования модальных глаголов как средства выражения модальности (см. табл. 1).

Таблица 1

Семантическая структура немецких модальных глаголов в составе директивных речевых актов¹ [Рогожникова 2006: 16]

Категориальная сема	Интегральная сема	Дифференциальные семы	dürfen	können	lassen	mögen	müssen	sollen	wollen
---------------------	-------------------	-----------------------	--------	--------	--------	-------	--------	--------	--------

¹ Плюс и минус обозначают наличие либо отсутствие признака в семантической структуре глагола.

Модальное отношение субъекта к действию	Характер предикативного признака	Возможность	+	+	+	+	-	-	-
		Желательность	-	-	-	+	-	-	+
		Необходимость	-	-	+	-	+	+	-
	Модальные обстоятельства	Внешние обстоятельства	+	+	+	+	+	+	+
		Внутренние обстоятельства	-	+	+	-	+	-	-

Стоит отметить, что И.Н. Рогожникова, в отличие от нас, считает *lassen* модальным глаголом. Подробнее дискуссия о включении или невключении отдельных глаголов в число модальных изложена в пункте 1.5. данной работы.

Можно выделить целый ряд модализирующих глаголов с имплицитной желательностью или возможностью выполнения действия, семантика которых проявляется в контексте (*wünschen, suchen, betteln, brauchen, träumen, gelingen, wagen, fürchten, sich vorstellen, warten, nehmen*). Например: Dann stellte er sich hinter Baldini und wartete, zitternd vor Ungeduld, dass der Alte sich entferne und ihm Platz mache [Süskind 1985: 117]. – Потом встал за спиной Бальдини и стал ждать, дрожа от нетерпения, пока старик отойдет и уступит ему место [Зюскинд 2002: 140]. Nimmst du einen Kaffee? [Frisch 1999: 165] – Хочешь кофе? [Фриш 2000: 205]. Оба глагола выражают ситуативную модальность желательности.

С. Бехман пишет о модальных глаголах как об основном средстве выражения модальности: они выражают обязательство, разрешение, возможность, необходимость [Бехман 2014]. Семантика модальных глаголов практически всецело служит именно передаче модальных значений [Los verbos...: URL].

Итак, модальность – это неоднородная категория, которая объединяет в себе много подвидов. Для подробного анализа в данном исследовании внимание сфокусировано на эпистемической, деонтической, волюнтативной и потенциальной модальности.

1.4. Понятие изоморфизма в лингвистике

Изоморфизм (от греч. *isos* – равный, подобный и *morphe* – форма) – «понятие, выражающее одинаковость, отношение типа равенства между системами (напр., отношения между фотографией и оригиналом, переводом языкового текста на другой язык и подлинником, географической картой и соответствующей местностью, движениями небесных тел и описывающей их системой дифференциальных уравнений и пр.)» [Новая... 2001: URL]. Это понятие давно употребляется в естественных науках, математике и логике. Толкование изоморфизма как термина точных и естественных наук указывается первым значением в словарных статьях:

➤ понятие совр. математики, уточняющее широко распространенное понятие *аналогии, модели* [Советский... 1986].

➤ свойство различных, но *родственных* по химическому составу веществ кристаллизоваться в одинаковых структурах при одном типе химической связи [Энциклопедический...: URL].

В Толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается такое определение изоморфизма:

➤ Сходство свойств элементов или их совокупностей, определяющее их способность *замещать* друг друга в каких-л. соединениях; соответствие объектов, *тождественных* по своей структуре.

➤ Сходство в чертах строения, организации чего-н. И. между строением слова и лексического класса [Толковый... 2004: 589].

В Логическом словаре-справочнике Н.И. Кондакова можно найти термин *изоморфизм систем* – «отношение между объектами одинаковой, тождественной структуры. Обычно различают структурный и функциональный изоморфизм» [Логический... 1975: 191].

В лингвистике этот термин используется сравнительно недавно – с середины XX в., когда польский учёный Е. Курилович впервые использовал

математический термин, обозначающий сходство внутреннего устройства нескольких систем чисел, описывая структурный параллелизм между слогами как звуковыми комплексами и предложениями как семантическими комплексами. Обращение к точным наукам было характерно для Е. Куриловича: «С глоссематикой Е. Куриловича сближало <...> представление о построении лингвистики в качестве системы аксиом по образцу математики <...> семиология (теория знака) должна занимать такое же место, какое занимает физика по отношению к естественным наукам <...> Также сближал Е. Куриловича с глоссематикой постоянный интерес к проблеме общих свойств разных планов и уровней языка» [Алпатов 2005: 295-296]. Сам Е. Курилович объяснял изоморфизм как «удивительное *сходство формы*» [Хрестоматия... 1987: 89-90].

Поиск структурных черт, общих для фонетического и семантического планов языка (плана выражения и плана содержания), стал основной идеей глоссематики до сегодняшнего дня: «план выражения признается структурно тождественным плану содержания. Такое структурное тождество постулировал Л. Ельмслев. По его идее, в языке и план выражения, и план содержания имеют форму и субстанцию, причём форма содержания формирует свой материал в субстанцию содержания совершенно так же, как форма выражения формирует свой материал в субстанцию выражения» [Стеблин-Каменский 1967: 494]. Дескриптивисты отметили уровневое соотношение фонем и морфем как изоморфное соотношение [Блох 2000: 57]. В.Н. Топоров, рассуждая о структуре естественного языка, отмечает изоморфные отношения между планом выражения и планом содержания, а в примечании редактора Хрестоматии по общему языкознанию под редакцией А.Е. Супруна уточняется, что имеется в виду «одинаковый принцип организации плана выражения и плана содержания в структурном отношении» [Хрестоматия 1987: 235]. Ж. Богана и Е.В. Бондаренко отмечают системообразующую роль, которую изоморфизм играет для языка в синхронии и диахронии: однотипность межуровневых отношений позволяет

единицам разных уровней быть строительным материалом друг для друга. В рамках одного уровня языка исследователи также усматривают идентичность и типологическую универсальность связей и отношений единиц [Богана, Бондаренко 2011: 6]. О.Н. Трубачёв в связи с этим пишет, что теория межуровневого изоморфизма повлияла и на формирование терминологического аппарата семантики – термины этой области во многом ориентированы на структурное соответствие терминам фонетики [Хрестоматия 1987: 215]. Э.А. Макаев критиковал употребление термина «изоморфизм», отмечая, что ему не было дано конкретной лингвистической дефиниции. Чтобы исправить это, он предложил своё рабочее определение изоморфизма в языкознании: «Изоморфизм – это однотипность структуры конститутивных языковых единиц различных уровней, следствием чего является (или может являться) однотипность отношений между этими единицами на разных уровнях» [Макаев 1961: 51].

Исследователи всё активнее применяют понятие изоморфизма в разных областях языкознания, и, соответственно, в словарях появляются новые лингвистические толкования данного термина. Однако во многих толковых российских и немецких словарях до сих пор или отражены только понятия точных и естественных наук, связанные с изоморфизмом в химии и математике, или такой словарной статьи нет.

В толковом словаре немецкого языка «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» после химического и математического толкования изоморфизма даётся лингвистическое объяснение: «*одинаковая языковая структура, одинаковое количество конституэнтс с одинаковыми системными отношениями между ними*»² [Duden... 2001: 992]. Сходным образом изоморфизм трактуется в лингвистическом словаре Х. Буссман [Bussmann 1990: 600]. В некоторых словарях уже есть отдельные, полностью лингвистические статьи к лемме «изоморфизм». Например, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой даётся определение теории

² Здесь и далее пер. наш. – В.Л.

изоморфизма, активно разрабатываемой в переводоведении и постулирующей «отсутствие качественного различия между разными уровнями (ярусами) языка» и требующей поэтому «применения к их исследованию и описанию одних и тех же методов и принципов» [Ахманова 2004: 473]. В словаре «Kleines linguistisches Wörterbuch» в статье «Isomorphismus»: «наличие общих структурных черт на разных уровнях языка позволяет применять к их изучению одинаковые методы» [Kleines...: URL]. К. Виллемс отмечает, что рассматриваемый термин является частью терминосистемы структурализма и, в частности, глоссематики и обозначает взаимно однозначное соответствие смысла и языковой единицы [Цит. по: Kortmann: URL].

Пройдя путь из точных и естественных наук в лингвистику, термин «изоморфизм» постепенно расширял своё значение от соответствия единиц различных уровней до соответствия, тождества, сходства единиц *одного уровня*. В.Г. Аракин определяет изоморфизм с лингвистической точки зрения как «подобие или параллелизм *отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур, её составляющих*» [Аракин 1989: 23].

На данный момент понятие изоморфизма более детально разработано в отечественном переводоведении, где оно связывается с вопросами репрезентативности и *эквивалентности* перевода и оригинала. Проблему соотношения оригинала и перевода через призму изоморфизма рассматривает Я.В. Соколовский, который считает, что наравне с эквивалентностью, адекватностью и инвариантом изоморфизм является ключевой категорией теории перевода, хотя общая теория переводческого изоморфизма находится ещё в стадии становления. Уточнить понятие переводческого изоморфизма исследователю помогает сопоставительный анализ фреймовой структуры концептов в дискурсе оригинала и перевода [Соколовский 2009: 129]. Как отмечает Я.В. Соколовский, в переводоведении в последние годы этой категории уделяется значительное внимание: понятием изоморфизма пользуется также Ю. Найда, называющий изоморфизм «условием», «инструментом» и «основой» перевода [Соколовский 2009: 130]. Он проводит

параллели между русским и китайским языками в переводческом аспекте: несмотря на то что эти языки совершенно не родственны между собой, по мнению автора, их, как и все языки мира, объединяет глубинный структурный изоморфизм [Соколовский 2008].

Теория изоморфизма в языке затрагивает вопросы грамматики, лексики и синтаксиса, такие как соотношение уровней абстракции и соотношение глубинной и поверхностной структуры языковых единиц. Многие исследования в лексикологии связаны с вопросом изоморфизма. Например, Т.Н. Федуленкова сравнивает аллегорические фразеологические единицы в трёх современных германских языках – немецком, английском, шведском, – и, проводя структурно-семантический анализ, указывает на изоморфизм фразеологической единицы и её внутренней формы, а также на *межъязыковой изоморфизм* сравниваемых участков лексических систем (фразеологии), что доказывает универсальность данного явления [Федуленкова 2006: 203]. Анна А. Зализняк в лексических исследованиях говорит о семантическом изоморфизме как симметричном для нескольких языков членении реальности при языковом описании действительности [Зализняк 2006: 304]. И.В. Евсева обосновывает изоморфизм многозначного производного слова, лексико-словообразовательного гнезда и текста [Евсева 2016: 82]. Исследовательница наблюдает сходство в формально-смысловой организации значимых языковых единиц разных уровней и выделяет их тождественные характеристики, поэтому применяет к их описанию одинаковые методики. Исследования такого плана всё чаще интересуют отечественных лингвистов: например, И.В. Заманова также изучает изоморфизм моделей номинации абстрактных существительных, выражающих физическое и душевное состояние человека [Заманова 2020].

З.К. Тарланов изучал лексико-синтаксический изоморфизм разных частей речи в выражениях типа «*отбежать от* дома» в славянских и кавказских языках. Дублирование глагольных приставок предлогами, иными словами, «одинаковая форма» или изоморфизм, обусловлено исторически: ранее они

находились в отношениях не субординации, а координации. При учёте фактора этимологического изоморфизма «история языка предстанет перед нами не как набор изолированных деталей, а как процесс, подчиненный определенным тенденциям, что не всегда учитывается в достаточной мере» [Тарланов 1989: URL].

Изоморфизму в синтаксисе посвящено исследование Л.А. Лашиной и Т.М. Пригоровской. Исследователи занимаются вопросом изоморфизма межфразовых и внутрифразовых связей в английском языке, выявляя отсутствие качественного различия между семантико-синтаксическими отношениями на уровне предложения и сверхфразового единства. В результате такого исследования удаётся построить грамматику текста по аналогии с грамматикой предложения [Лашина, Пригоровская 2019: URL].

Говоря о референте в структуре коммуникативного акта, Е.В. Ключев называет несколько правил, соблюдение которых обязательно для корректной и полноценной коммуникации. В числе прочих он упоминает правило изоморфизма в речевой коммуникации, согласно которому референт и его вербальный эквивалент должны находиться в отношениях соответствия друг другу [Ключев 2002: 244]. Соблюдение данного правила – необходимое условие того, чтобы словесно представленный предмет давал по возможности адекватное представление о предмете в реальности.

Изоморфизм в социолингвистике – это схожие черты между социальными и языковыми изменениями. Этому явлению посвящено исследование О.А. Сулеймановой и М.А. Фоминой «Роль субъекта в характере репрезентации его бытия», в котором исследовательницы анализируют фрагмент языковой картины мира «расположение предметов» и его реализацию в языке через глаголы *стоять*, *лежать*, *сидеть* [Сулейманова Фомина, 2019]. На изоморфизм социальных и языковых явлений опираются и А.Д. Васильев и С.П. Васильева, проводя обзор актуальных направлений современной социолингвистики [Васильев, Васильева: URL].

Понятие «изоморфизм» употребляется не только в лингвистике, но и в других гуманитарных дисциплинах, например, в литературоведении. Вот как оно дефинируется в Словаре литературоведческих терминов: «Изоморфизм – это соответствие друг другу разных уровней литературного произведения (идейного, сюжетного, уровня предметного мира и т. п.) или их одинаковость. Степень сознательного использования изоморфизма различна у разных авторов. В поэзии изоморфизм часто проявляется как параллелизм звуковых и смысловых единиц» [Словарь литературоведческих терминов 2008: URL]. М.В. Ляпон, изучая авторский идиостиль М. Цветаевой, опирается на «изоморфизм речевого почерка и психологического портрета»: это позволяет построить концепцию «интегративной стилистики, задача которой – поиск внутренней логики, объясняющей авторский текст в едином ключе» [Ляпон 2010: 2].

С.С. Калинин, сравнивая язык и живой организм, говорит об изоморфизме языкового и генетического кода, имея в виду, что в обоих случаях целое складывается из набора малых частиц – это называется линейной комбинаторикой исходных дискретных единиц, а реализуемые в процессе развития закономерности заложены заранее [Калинин 2017: URL]. Этот вопрос ранее уже был предметом внимания Р.О. Якобсона. Проблема изоморфизма генетических и семиотических систем возникла на стыке семиотики и молекулярной генетики. Открытый в XX в. алгоритм наследственности, заключающийся в линейной комбинации четырёх исходных нуклеотидов во «фразы» и в итоге в генетический «текст», натолкнул биологов на мысль о структурном сходстве, или изоморфизме, данного алгоритма с алгоритмами естественного языка, в результате чего они даже заимствовали некоторые лингвистические понятия [Гамкрелидзе 1988: 6]. Так как языковой и генетический код имеют помимо общего большое число отличий, в частности, разное количество исходных единиц – четыре нуклеотида в генетике и большее число фонем в языке, речь идёт об изоморфизме не как тождестве, а, скорее, как *сходстве*.

М.А. Бочарова сравнивает терминосистемы различных областей науки и приходит к выводу о том, что между ними есть системный изоморфизм. «Наблюдения показывают, что в отраслевых терминологиях есть такие явления, которые изоморфны в том смысле, что они должны и могут рассматриваться только одними и теми же методами и сущность которых может быть понята, только если у них будет одно исходное основание. Поэтому *теория изоморфизма оказывается более широкой* – она способствует констатации однотипного характера некоторых явлений в разных научных сферах на основании определенного типологического признака» [Бочарова 2010: 43].

Понятие изоморфизма в зарубежном языкознании также активно используется учёными и при этом отличается *разнообразием трактовок*. Например, в работе М. Хаспельмата «Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries» («Частотность или иконичность для объяснения асимметрии в грамматике») ставится, по сути, знак равенства между принципами иконичности и изоморфизма в том смысле, что при усложнении плана выражения соответственно усложняется план содержания. Автор цитирует таких ученых, как К. Леманн, В. Майерталер, Дж. Хайман и Р. Лангакер, подтверждая свою мысль [Haspelmath 2008: 6]. Изоморфизм – не единственный принцип, согласно которому функционирует естественный язык. Х. де Смет и соавторы в работе «The changing functions of competing forms: Attraction and differentiation» («Изменение функций соревнующихся форм в языке: аттракция и дифференциация») приводят цитату Х. Дика, где он сравнивает изоморфизм с человеческим счастьем: ни один человек не является абсолютно счастливым, но многие действия человека продиктованы именно стремлением к счастью, так и язык не может быть полностью изоморфным, но многие явления продиктованы именно стремлением к соответствию единиц и значений [De Smet 2018: 200].

В последние десятилетия структуралисты стараются сбалансировать высказанное Ф. де Соссюром положение о немотивированности языкового

знака и показать, что некоторая иконичная связь между явлениями реальности и их языковым описанием, особенно маркированностью или немаркированностью, всё же есть. Считается, например, что морфемы с более значимым грамматическим значением располагаются ближе к корню слова, и в этом случае лингвисты говорят об изоморфизме формы и содержания. Эта позиция берет начало от Р. Якобсона и её придерживаются Э. Баттистелла (E. Battistella), В. Дресслер (W. Dressler), Дж. Байби (J. Bybee) [History... 2006: 2440].

Таким образом, в разных аспектах современных лингвистических исследований встречается понятие изоморфизма, и на данный момент существующие трактовки этого понятия разнятся от взаимного соответствия единиц разных уровней (фонем и морфем, плана выражения и плана содержания) до тождества или сходства единиц одного и того же уровня – например, групп фразеологизмов, либо систем одного и того же уровня – нескольких языков или терминосистем. С большой долей вероятности мы ожидали встретить это понятие и в исследованиях по семантике и прагматике модальных глаголов современного немецкого языка, что и было выявлено. С.И. Горбачевская под изоморфизмом понимает «структурное сходство, однотипность способов выражения разных оттенков модальности» [Горбачевская 2012: 302]. Например, глагол долженствования *müssen* может передавать модальность возможности: *Wir **mussten** lachen* – Мы не могли удержаться от смеха [Горбачевская 2012: 302]. Контекстно обусловленное употребление модального глагола для выражения модального значения, несвойственного его имманентной семантике, является показателем его изоморфизма по отношению к другому модальному глаголу.

Е.Е. Корди в работе «Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке» выделяет четыре модальных поля: возможности, необходимости, волюнтаривности и каузации. Каждое функционально-семантическое модальное поле имеет следующую структуру – в центре расположена модальная категория, а по сторонам от центра размещаются

лексические средства выражения, в том числе модальные глаголы. Границы между модальными полями являются размытыми: «Обычно периферийные лексемы принадлежат одновременно нескольким полям, образуя зону пересечения полей. Выделяемые нами поля тесно связаны между собой. Поля возможности и необходимости образуют в целом одно макрополе детерминированности. <...> Значения возможности и необходимости связаны также со значением волюнтаривности» [Корди 1988: 9-10]. Мы поддерживаем тезис Е.Е. Корди о том, что функционально-семантические поля модальности пересекаются и на их стыке находятся лексические средства выражения модальности. Е.Е. Корди приводит аргументацию А. Вежбицкой на материале английского языка. Она «определяет понятия ‘может’ (*can, may*) и ‘должен’ (*must, have to*) через понятия желания и отрицания. Несколько огрубляя предложенные ею толкования, можно сказать, что ‘может’ определяется как ‘сделает, если захочет’, а ‘должен’ как ‘сделает, даже если не захочет’. Несомненно, существует связь такого рода между возможностью и желанием с одной стороны и долженствованием и желанием с другой стороны» [Корди 1988: 10].

Примеры употребления немецких модальных глаголов в несвойственных им значениях приводит Т.И. Дешериева: «В немецком глаголы *dürfen* ‘сметь, иметь разрешение’ и *sollen* ‘быть должным, быть обязанным’ в большинстве случаев выражают соответственно возможность и необходимость (долженствование) с точки зрения существующих в обществе моральных норм, а глаголы *können* ‘мочь, иметь возможность, быть в силах’ и *müssen* ‘быть должным’ выражают главным образом соответственно возможность и необходимость с точки зрения объективных условий. Вместе с тем при маркировке предикатов в предложениях парадигмы актуального членения нередки случаи употребления глагола *können* в функции глагола *dürfen*, а глагола *müssen* в функции глагола *sollen*» [Дешериева 1987: 38].

Е.В. Падучева отмечает: «Для современной лингвистики проблемой номер один является многозначность: тонкие методы и инструменты семантического

анализа позволяют убедительно представить различия в значении языковых единиц – слов, грамматических категорий, синтаксических конструкций. Причём основную массу составляют контекстно обусловленные различия: лавинная доля многозначности – это не омонимия, а полисемия, регулярная многозначность по Ю.Д. Апресяну. Тем самым центр тяжести должен быть перенесен со значения на порождающий его контекст: исчислять часто имеет смысл не столько различные значения, сколько контексты, которые порождают различие значений» [Падучева 2009: 56].

Таким образом, настоящее исследование контекстного изоморфизма модальных глаголов отвечает на актуальные запросы современной науки. Изоморфизм в данном исследовании – это конкретизация общелингвистического понятия в грамматике на материале системных семантических отношений равенства и контекстной взаимозаменяемости немецких модальных глаголов. Уточняя и дополняя определение С.И. Горбачевской, в настоящем исследовании мы сформулировали определение контекстного изоморфизма немецких модальных глаголов – это феномен их функционально-семантического тождества, в основе которого лежит контекстная синонимия, сопровождаемая определенными лексическими и синтаксическими маркерами, которые конкретизируют пересекающиеся значения этих модальных глаголов в данной ситуации.

В данном пункте представлена история развития термина «изоморфизм» от его употребления исключительно в контексте естественных и точных наук до его перехода в лингвистические исследования, а также расширения его значения от обозначения межуровневого соответствия единиц до соответствия/сходства/тождества единиц одного уровня.

1.5. Модальные глаголы как особая группа модальной лексики

Финитные глаголы играют очень важную роль в предложении, являясь его структурным центром. Валентностью (сочетаемостью) глагола

регламентируется структура предложения. Финитные глаголы в большой мере содержат в себе выражение категорий времени, лица, числа и модуса [Абрамов 2004: 44].

Модальные глаголы во многих европейских языках считаются особой лексико-грамматической группой. Мнения исследователей о том, считать ли модальные глаголы какого бы то ни было языка полнозначными либо вспомогательными, расходятся ввиду тех ограничений, которые на эту группу слов может накладывать грамматика – может быть невозможно образовать императив и пассив, как, например, в случае немецких модальных глаголов. Ш. Балли называет модальные глаголы полнозначными и переходными, в качестве объектного дополнения имеющими диктум [Балли 2003: 216-217]. Формирование общей системы времён и наклонений, следовательно, и группы модальных глаголов, в европейских языках проходило с учётом тенденции, характерной ещё для индоевропейского языка – протекающих параллельно противоположных процессов дифференциации и совпадения значений [Пауль 1960: 314]. В связи с этим образовались разветвленные лексико-грамматические системы, в которых есть место семантическим и прагматическим пересечениям между модальными глаголами.

Модальные глаголы, выражая модальные значения, формируют так называемые «возможные миры»: Es ist neun Uhr. Lola **muss** jetzt im Büro sein. Lola **könnte** jetzt im Büro sein. – Сейчас девять часов. Лола, должно быть, в офисе. Лола, возможно, в офисе [Krifka 2017]. М. Крифка интерпретирует с помощью данного понятия предложения с модальными глаголами в эпистемическом значении: произнося фразу, человек «конструирует» гипотетический «мир», в котором Лола была бы в офисе в данный момент. Описание немецких модальных глаголов в лингвистической литературе проведено довольно непоследовательным образом, но исследователи согласны с тем, что под категорией «модальные глаголы» в немецком языке, по крайней мере, понимаются глаголы *können*, *dürfen*, *sollen*, *müssen*, *wollen* и *mögen*. Г. Ольшлегер называет эти глаголы «классическими модальными

глаголами» [Öhlschläger 1989: 2]. Их основная задача – уточнить содержание основного смыслового глагола [Duden. Grammatik 2009: 92].

Развитие семантики немецких модальных глаголов как единой системы было описано датским лингвистом Г. Бехом в рамках исследования «Das semantische System der deutschen Modalverba» («Семантическая система модальных глаголов немецкого языка») в русле структурализма в XX в. [Bech 1949]. Там не только представлены значения отдельных глаголов, но и анализируется соотношение между глаголами внутри лексической системы. Становление модальных глаголов как лексического класса сопровождалось переформированием всей системы немецких глаголов, потому что часть модализирующих функций от наклонений глаголов стала передаваться приобретающим грамматическую роль модальным глаголам. О.И. Москальская пишет, что самое активное развитие категории модальности в немецком языке пришлось на средневерхненемецкий и ранневерхненемецкий периоды, так как тогда развивались аналитические временные формы и вместе с ними конъюнктив [Moskalskaja 2003: 184], а далее модальные глаголы как лексико-грамматические средства переняли категориальные значения, которые первоначально находили выражение только на грамматическом уровне через наклонения глаголов. Это стало предоставлять широкие возможности для дифференцированного выражения модальности. Наклонения, постепенно передававшие свои модальные функции формирующейся группе модальных глаголов, в древневерхненемецком периоде были такими же, как в современном языке: индикатив для выражения реальности, императив для выражения побуждения к действию и конъюнктив для выражения нереальности [Moskalskaja 2003: 117-118].

В методике преподавания немецкого языка как иностранного модальные глаголы называются «сильными», то есть образующими неправильные, нерегулярные видо-временные формы и относящиеся к классу претерито-презентных (Präteritopräsentia): форма «сильного» претерита, образованного

не по правилам, а в виде исключения, выступает как форма настоящего времени. Полноценно обоснованных причин явления претерито-презентности в истории немецкого языка ещё не дано, но признаётся факт, что изначально немецкие модальные глаголы были знаменательными и составляли группу глаголов со значением «душевного состояния» в широком смысле и имели схожие семантические характеристики [Жирмунский 1976: 58-59]. На таком основании к этой группе подходит также глагол *wissen*, который исторически относится к *Präterito-Präsentia*, но не имеет модальной семантики [Hentschel, Weydt 2013: 64; Paul 1954: 262-268]. Возможно, модальная семантика этих глаголов связана с переходом презенса в претерит (действие в прошлом имело результат, который определяет нынешнее состояние). Такая «предмодальная» семантика была у глагола *können* – «знать, понимать» [Этимологический... 2004: 356, 679; Duden. Herkunftswörterbuch 2013: 478; Etymologisches... 2002: 345; Mackensen 1988: 229], у глагола *dürfen* – «нуждаться, испытывать недостаток», *mögen* – «иметь силу, быть в состоянии», *müssen* – «иметь случай, возможность, быть связанным клятвой», *sollen* – «быть должным, иметь долг – *schuldig sein*» [Жирмунский 1976: 59], *wollen* (от и.-е. «желание, выбор, воля») по большей части сохранил своё изначальное значение. «Необходимо учитывать, что средства выражения каждого из типов модальности исторически изменчивы» [Ермолаева 1987: 69]. В ходе истории языка эти глаголы претерпели много изменений в развитии, например, семантически и функционально изменились глаголы *müssen* и *dürfen*, *mögen* и *können*. Рудименты этого можно наблюдать в актуальном эпистемическом употреблении этих глаголов: *so mag (= kann) es gewesen sein*. В пункте 2.1. подробно рассматривается каждый модальный глагол от этимологии и предмодальной семантики до современных словарных значений и особенностей контекстных реализаций. Примеры употребления сильных форм этих глаголов в текстах древневерхненемецкого и средневерхненемецкого периодов встречаются, например, в пособии Н.И. Рахмановой и Е.Н. Цветаевой «История немецкого языка» [Рахманова 2004: 90-108].

А.В. Зеленщиков пишет, что подобные изменения произошли и в развитии английских модальных глаголов, которые вначале тоже имели знаменательную «до-модальную» семантику, связанную с психофизическим состоянием человека. Например, *can* обозначал знание того, как обращаться с чем-либо, умение делать что-либо, а *must* соотносился с понятием меры (принятием соответствующих мер) [Зеленщиков 2010: 108-109].

В работах по языкознанию конца XIX – начала XX в. модальные глаголы рассматривались в качестве вспомогательных. Аналогичным подходом руководствовались и создатели известного словаря Я. и В. Гримм [Deutsches Wörterbuch...: URL]. В этом словаре указывались значения модальных глаголов с примерами и их синтаксические функции. Так, например, употребление модальных глаголов описывается в диахроническом аспекте и сопровождается большим количеством примеров из древневерхненемецкого и средневерхненемецкого языков. В работах данного периода модальным глаголам посвящаются только отдельные статьи, не дающие цельного представления об их системе.

Коммуникативная и когнитивная релевантность семантики, которую вербализуют модальные глаголы немецкого языка, становилась объектом изучения многих исследователей, среди них Г. Бех в первой половине XX в., Г. Дивальд и Г. Ольшлегер во второй половине XX в. Среди российских лингвистов этим вопросом занимаются Т.Н. Бабакина, О.М. Егорова, Л.С. Ермолаева и др. Особенность немецкого языка в том, что модальные глаголы и система наклонений в комплексе с устойчивыми словосочетаниями дифференцируют модальные отношения также в стилистическом плане. Лексическое содержание подвергается абстракции и частично становится грамматическим, в результате чего конструкции с модальными глаголами получают в позднейшей истории немецкого языка развитие как его характерная лексико-грамматическая особенность. Благодаря этому в современном немецком языке модальность становится не только грамматической, но и стилистической категорией. Этому вопросу посвящены

некоторые работы современных германистов [Diewald 2009; Szczepaniak 2009].

Семантическая структура модальных глаголов неоднородна в восприятии носителей немецкого языка, в ней пересекаются несколько типов модальности, хотя у каждого глагола присутствует основной и преобладающий тип. В эпистемическом употреблении, так называемой субъективной модальности, модальные глаголы выражают разную степень достоверности или уверенности говорящего, как это продемонстрировано, например, в справочнике по грамматике немецкого языка авторов Г. Хельбига и Й. Буши: значение предположения имеют модальные глаголы *müssen*, *dürfen*, *mögen* и *können*. При этом выделяется такая система их употребления в этом значении:

müssen – твёрдое убеждение, что это было так (= *sicherlich*, *gewiss*):

Er *muß* krank sein. – Он *непрерменно* болен.

dürfen – есть такая вероятность (= *wahrscheinlich*):

Sie *dürften* schon schlafen. – *Вероятно*, они уже спят.

mögen – неуверенное предположение (= *wohl*, *vermutlich*):

Sie *mögen* sich von früher kennen. – *Возможно*, они уже и были знакомы ранее.

können – нельзя склониться ни к одному из вариантов, равная вероятность обоих событий (= *vielleicht*):

Er *kann* noch auf dem Sportplatz sein. – *Может быть*, он всё ещё на спортивной площадке, но, может быть, нет [Helbig, Buscha 1996: 121].

Модальные глаголы могут считаться моно- или многозначными. С моносемантической точки зрения, каждый глагол данного класса имеет единственное основное значение. Полисемантический подход, с другой стороны, указывает, что одна и та же лексическая единица может иметь много разных значений. Исследователи спорят о том, какой из этих двух подходов является доминирующим. Согласно Ф. Палмеру, большинство работ, касающихся модальных глаголов, трактуют их как моносемантические [Palmer 1997]. С другой стороны, Ольшлегер [Öhlschläger 1989: 132]

предполагает, что преобладает всё-таки полисемантический подход. Вариативный подход сочетает моно- и полисемантический взгляд на модальные глаголы: для каждого модального глагола разрабатываются различные смысловые варианты в зависимости от контекста. Этот подход является наиболее распространенным в научной литературе. В теоретической и практической грамматике немецкого языка вариативного подхода придерживаются, например, известные лингвисты Г. Хельбиг и Й. Буша [Helbig, Buscha 1996], а также грамматика Дудена [Duden. Die Grammatik 2009].

Свойства класса модальных глаголов включают в себя семантическую полифункциональность с контрастом субъективных и логических выводов. Г. Бех указывает, что модальные глаголы имеют различные основные значения, которые разветвляются в многочисленных дополнительных значениях. Он анализирует основные значения в трёх семантических измерениях:

➤ различие волеизъявления (*will, soll, darf*), восприятия (*kann*) и причинности (*muss*);

➤ различие между внутрисубъектными и сверхсубъектными источниками (*soll*);

➤ различие между «активными» и «пассивными» модальностями (противопоставляются *muss/kann* и *soll/darf*) [Цит. по: Крашенинникова 1954].

Это расширение первоначального подхода подразумевает, что косвенные и эпистемические значения в настоящее время считаются основными вариантами значений модальных глаголов, в то время как деонтические и алетические чтения являются вторичными вариантами основного описанного варианта. Равномерность значения модальных глаголов этим частично нарушается, например, в современной словарной статье после двойной косой черты перечисляются косвенные значения. Исследователями до сих пор не разрабатывался вопрос иерархии модальных интерпретаций. Полем для

исследования остается вопрос, является ли это диахронической или синхронической деривацией.

С точки зрения морфологических, синтаксических и семантических признаков модальных глаголов стоит внимания исследование Г. Ольшлегера «Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen» («К вопросу о синтаксисе и семантике модальных глаголов немецкого языка»). В целом можно отметить, что немалое число работ зарубежных и отечественных лингвистов XX в. посвящены вопросам семантики претерито-презентных и модальных глаголов в конкретные исторические периоды развития немецкого языка. В течение практически всего XX в. модальные глаголы рассматривались отечественными и зарубежными германистами в основном как выражение деонтической модальности, а с конца XX – начала XXI вв. зарубежные германисты начинают активно изучать эпистемическое употребление модальных глаголов [Fritz 1991; Lühr 1997].

Модальные глаголы вызывают интерес с точки зрения их участия в процессе грамматикализации. Ключевой вопрос грамматикализации – поиск возможных лексических источников грамматических показателей. Примером может быть историческое развитие семантики глагола ‘иметь’ во многих индоевропейских языках. Очевидно, что современное значение обладания развилось из ‘хватать, схватить’. В последнее время был опубликован ряд работ по грамматикализации немецких модальных глаголов. Наиболее полный анализ приложения теории грамматикализации к становлению модальных глаголов в немецком языке отражен у Г. Дивальд [Diewald 2002]. Изучая развитие субъективной семантики модальных глаголов и описывая стадии их идиоматизации и грамматикализации, Г. Дивальд берет за основу теорию контекстного переосмысления Б. Хайне, но выделяет новые контексты на основе их структурных особенностей.

В современной отечественной германистике наблюдается недостаток работ не только дескриптивного, но и объяснительного характера, которые демонстрировали бы развитие модальных глаголов как процесс

преобразования немодальной семантики претерито-презентных глаголов во внутреннюю модальность с многообразными оттенками.

Неоспоримым является положение о том, что модальные глаголы как наиболее однозначные и в некотором смысле достаточно независимо употребляемые языковые единицы играют значительную роль в системе средств речевого выражения модальности. Для немецкого языка понимание данного факта особенно актуально, так как этот язык выработал чёткую систему функционирования модальных глаголов в отличие от, например, русского языка. Модальные глаголы немецкого языка формируют специфическую и обособленную, в некотором плане закрытую лексико-грамматическую группу. Особенности функционирования сближают их с наклонением немодальных глаголов. Прослеживается параллель между изъявительным наклонением и эвиденциальной модальностью уверенности в достоверности источника, сослагательного наклонения с модальностью желательности или нереальности, императивного наклонения и модальности долженствования, например: *Anna soll in den Laden gehen. Anna, gehe in den Laden!* Функциональная близость модальных глаголов и наклонения связана с тем, что и модальные глаголы, и наклонение относятся к числу средств выражения модальности.

Модальные глаголы обладают широким потенциалом употребления. Ученые сходятся во мнении, что первичный способ употребления – неэпистемический, а эпистемический способ скорее вторичен [Öhlschläger 1984: 133]. Термины этих двух типов модальности в отечественной и зарубежной лингвистике получают разные эквиваленты. Отечественные лингвисты предпочитают наименования «объективная и субъективная модальность», что берёт начало уже у В.В. Виноградова. Отношение истинности между высказыванием и экстралингвистической реальностью относится к объективной модальности, а отношение говорящего к выражаемой информации – к субъективной ситуативной модальности. Таким образом формируются семантические группы глаголов для выражения

ситуативных модальностей: отношения обязательства, неизбежности, потенциальных возможностей, желательности и др. Типы модальных отношений описаны нами в пункте 1.3. данной работы, но это не единственные возможные трактовки. Некоторые лингвисты предлагали свой взгляд на этот вопрос – добавлять в классификацию модальностей объективный, субъективный, внутренний аспекты модальности, выделять также модальность внутреннего или внешнего порядка. Это новое наименование, которое появилось в лингвистике, например, в работах Л.С. Ермолаевой [Ермолаева 1964]. Передача субъективной оценки говорящим описанного факта или действия осуществляется средствами внутренней модальности, а выражение степени истинности или достоверности высказывания по отношению к действительности входит в сферу внешней модальности. Эти типы часто характеризуют как эпистемическую – выражающую субъективную оценку, и эвиденциальную – свидетельствующую о достоверности высказывания, пропозиции. Эти два типа модальных значений, безусловно, являются смежными, по словам А.В. Авериной, и тот, и другой «служат для обозначения объективно не установленного факта» [Цит. по: Егорова 2016: 119]. Эвиденциальность, или указание на истинность сообщения часто включает в себя обозначение и самого источника информации. Это могут оказаться более или менее достоверные источники – слухи, общее знание, бытовой опыт людей, а также умозаключения с более или менее приемлемым логическим обоснованием. Исходя из этого, можно охарактеризовать эвиденциальность как скорее сенсорную, основанную на интуиции и догадках, либо информационную, основанную на знании, категорию.

Большое значение для истории вопроса корреляции модальных глаголов и модальных значений имеют два возможных типа употребления модальных глаголов в немецком языке. В грамматически верном высказывании на немецком языке, включающем в себя модальный глагол, наблюдается деонтическое либо эпистемическое употребление последнего. Деонтическая интерпретация, характеризующая субъективную оценку говорящего, является

первичной, а эпистемическая, свидетельствующая о достоверности, – вторичной. Разветвленная система модальных глаголов предоставляет носителям немецкого языка широкие возможности дифференцированного и дискретного выражения модальных значений.

Модальные глаголы можно распределить по трём семантическим группам. Группа со значением «возможность» включает в себя глаголы *können*, *dürfen* (различие между двумя глаголами заключается в отличии/отсутствии третьей стороны, предоставляющей возможность), «необходимость» – *müssen*, *sollen* (различие между двумя глаголами заключается в отличии/отсутствии внешнего источника необходимости), «желание» – *wollen*, *mögen* (различие в интенсивности).

Несмотря на наличие преобладающего типа модальности, семантическая структура модальных глаголов всё же не является однородной, а включает в себя случаи их нетипичного употребления. Носители и исследователи языка, составители словарных статей неслучайно включают такие значения в словарные статьи. Действительно, при определенных условиях рассматриваемые глаголы могут выражать иные типы модальных отношений, отличные от своих основных. Причины подвижности границ между типами модальности и способами их выражения кроются в этимологии и истории развития немецких модальных глаголов. Лексические значения модальных глаголов немецкого языка в том виде, в котором они известны нам сегодня, сформировались лишь к концу средневерхненемецкого периода. До этого они претерпевали изменения в своей семантике и употреблении, в ходе чего некоторые глаголы полностью изменили своё первоначальное значение, а другие приобрели новые оттенки значения.

Выше было упомянуто, что *können*, *dürfen*, *sollen*, *müssen*, *wollen* и *mögen* считаются «классическими» модальными глаголами, то есть их принадлежность к этому классу исследователи обычно не оспаривают. Помимо них в немецком языке есть глаголы и конструкции, которые имеют или в определенных ситуациях могут иметь модальное значение, но по ряду

причин не считаются полноценно модальными. Это глаголы *lassen* 'оставлять', *brauchen* 'нуждаться', *wissen* 'знать', *haben + zu + Infinitiv* 'долженствовать', *sein + zu + Infinitiv* 'долженствовать/быть возможным', *werden* 'становиться' и другие. Эти лексические единицы не составляют, в отличие от модальных глаголов, ядро лексического поля модальности в немецком языке, но также входят в него и, безусловно, берут на себя часть функций по передаче модальных значений. Поэтому они попадают в поле зрения исследователей, и те по-разному их классифицируют.

Причина того, что в исследованиях встречаются разные классификации модальных или модализирующих, то есть получающих модальное значение знаменательных глаголов, состоит в том, что не все рассматриваемые глаголы в полной мере соответствуют всем критериям, предъявляемым к «кандидатам» в модальные глаголы. Эти критерии были сформулированы Г. Ольшлегером:

- не образуют императив;
- не образуют пассив;
- субъект при модальном/модализирующем и полнозначном глаголе в предложении совпадает;
- употребляются, как правило, не в форме Partizip II.

Им также были выделены и критерии, по которым различаются модальные и модализирующие глаголы:

- модальные глаголы сопровождаются инфинитивом полнозначного глагола без частицы *zu*, а модализированные – с частицей *zu*;
- модальные глаголы в третьем лице единственного числа не имеют стандартного окончания *-t*, в то время как модализированные имеют [Zengin 2003: 34-36].

Т. Джонен систематизирует представленность немецких глаголов и конструкций в списках модальных или близких к модальным глаголов у разных исследователей (см. табл. 2). Ниже приведена таблица Т. Джонена, дополненная третьим столбцом с переводом глаголов на русский язык.

Классификации немецких модальных глаголов [Johnen 2006: 285–286]

Глаголы	Исследователи, считающие глаголы модальными	Перевод на русский язык
<i>dürfen, können, mögen, müssen, sollen, wollen</i>	все исследователи	иметь разрешение, мочь, хотеть, долженствовать, долженствовать, хотеть
(nicht) brauchen	Becker; Folsom; Kolb; Schmid; Jäger; Raynaud; Pfeffer; Pott; Scaffidi-Abate; Vater; Brünner; Hooge; Wunderlich; Leirbukt; Takahaši; Nehls; Abraham; Schanen/Confais; Engel; Weinrich; Eisenberg; Ammary; Ulvestad; Zifonun; Reis; Ehrich	(не) нуждаться
werden	Fourquet; Ehlich/Rehbein; Calbert; Vater; Raynaud; Ekart; Hak; Greifeld; Wunderlich; Brünner/Redder; Nehls; Abraham; Schanen/Confais; Kratzer; Engel; Feuillet; Eisenberg; Ammary; Amrhein; Cate/Lodder/Kootte; Fritz; Reis, Mortelmans	становиться
möchte(n)	Grosse; Greifeld; Brünner/Redder; Feuillet; Eisenberg; Heine	хоте(л) бы
lassen	Heyse; Becker; Schötensack; F. Koch; Becker; Engelen; Murr; Basler; Wasserzieher; Krašeninnnikova; Von Buggenhagen; Pott; Jude/Schönhaar; Schmemann/Schmemann-Dias; Abraham; Eisenberg; Cate/Lodder/Kootte; Rolland	оставлять
wissen	Debrunner; Fleischer/Rosenthal; Tochtrop	знать
scheinen	Pott; Werlen	казаться
vermögen	Werlen; Feuillet	быть способным
pflügen	Werlen; Rolland	иметь обыкновение
gehen	Pott; Rolland	идти
haben	Droste; Zifonun	иметь
sein	Droste; Zifonun	быть
bleiben	Zifonun	оставаться
drohen	Rolland	угрожать
gehören + Partizip II	Zifonun	должен быть сделан
kommen	Becker	приходить

stehen	Zifonun	СТОЯТЬ
--------	---------	--------

Т. Джонен считает, что наибольшие разногласия вызывают глаголы *brauchen*, *werden*, *möchte(n)* и *lassen*, так как некоторые исследователи опираются на их близкую к модальной семантику, другие – на употребление с или без частицы ‘zu’, и делает вывод, что шесть «классических» модальных глаголов *dürfen*, *können*, *mögen*, *müssen*, *sollen*, *wollen* в целом могут быть дополнены ещё двумя – *nicht brauchen* и *werden*, хотя эта позиция и не находит поддержки у абсолютно всех учёных [Johnen 2006: 290].

Б.А. Абрамов указывает, что глаголы *drohen*, *pflügen*, *scheinen* могут употребляться в модальном значении и называет их *modifizierende Verben* (модифицирующие глаголы). Перечисленные в табл. 2 глаголы *sein*, *haben*, *werden* он называет вспомогательными, а *bleiben*, *heißen*, *werden*, *scheinen* – копулятивными, *kopulative Verben* (глаголы-связки) [Абрамов 2004: 44, 48].

Д. Ценгин опирается на семантическую классификацию модализированных (*modalisierte Verben*) глаголов, которую предлагает У. Энгель:

➤ глаголы требования и принуждения – *bleiben*, *haben*, *sein*, *stehen*, *nicht umhin können*, *brauchen*, *geben*;

➤ глаголы, сигнализирующие о готовности к действию – *anstehen*, *beabsichtigen*, *bleiben*, *geruhen*, *sich (ge)trauen*, *helfen*, *nicht umhin können*, *sich vornehmen*, *wagen*;

➤ глаголы с указанием на будущность – *bleiben*, *bekommen*, *drohen*, *erhalten*, *gedenken*, *hoffen*, *kriegen*, *machen*, *versprechen*;

➤ глаголы возможности – *belieben*, *sein*, *vermögen*, *verstehen*, *wissen*;

➤ фазовые глаголы – *anheben*, *anstehen*, *anfangen*, *aufhören*, *beginnen*, *kommen*, *schicken*, *fortsetzen*;

➤ глаголы нарушения – *sich unterstehen*, *sich vermessen*;

➤ глаголы предположения – *scheinen*;

➤ глаголы образа действия – *pflügen* [Zengin 2003: 37-38].

В «Сравнительной типологии немецкого и русского языков» перечисленные единицы включены в число так называемых «неполнозначных глаголов» наряду с классическими модальными глаголами. Эта большая группа подразделяется на:

- вспомогательные глаголы – *haben, sein, werden*;
- глаголы-связки – *sein, werden, scheinen*;
- модальные – *können, dürfen, müssen, sollen, wollen, mögen, lassen*

[Анохина, Кострова 2006: 54].

Глагол *werden*. С.П. Анохина и О.А. Кострова анализируют употребление глагола *warden*, основное значение которого ‘становиться’. Одна из функций которого в немецком языке – выражение будущего времени. Связь категорий модальности и времени представляется важной в этом вопросе, так как действие в будущем ещё не состоялось, значит, оно ещё не присутствует в реальности, и, соответственно, к нему применимы характеристики вероятности, желательности, гипотетичности, предположения и т.д. Исследовательницы приводят примеры употребления *werden* не в значении ‘стать кем-то’ и не для выражения будущего времени, а в действительно модальной функции: *Er wird krank sein.* – Он, **вероятно**, болен. *Er wird das gesagt haben.* – Он, **вероятно**, сказал об этом [Анохина, Кострова 2006: 59].

Связь категорий темпоральности и модальности на примере глагола *werden* разбирает и Г. Фритц, говоря, что в нововерхненемецком языке встречается эпистемическое употребление *werden*, особенно в сочетании с перфектным инфинитивом: *Er wird es gewusst haben* [Fritz 1991: 44].

Об эпистемическом употреблении *werden* пишут и составители *IDS-Grammatik*, приводя примеры такого его употребления в предложениях, относящихся к настоящему (а), прошлому (b) и будущему (c) времени:

a) *Bei all deiner Distanz zum Liebesleben wird dir nicht unbekannt sein, dass junge Leute sehr oft eine gereifte Weiblichkeit der unerfahrenen Jugend, dem blöden Ganschentyp vorziehen.*

b) *Den Namen hatte Dennis Denisowitsch nicht mehr im Gedächtnis, es **wird** einer von diesen verdamnten polnischen Namen gewesen sein, die einander alle so ähnlich sind.*

c) *Man kann also nicht sagen, dass der Festredner das Problem nicht gesehen habe, aber dann eben kommt der säkulare Satz: Ich aber bin mit Nobel der Ansicht, dass die Menschheit aus neuen Entdeckungen am Ende mehr Gutes als Schlechtes gewinnen **wird*** [IDS-Grammatik 1997: 1901].

Werden в сочетании с *jetzt* ‘сейчас’ выражает обоснованное предположение: *Er **wird** jetzt Bier trinken.* – Он, наверняка, пьёт пиво.

Авторы IDS-Grammatik пишут, что, так как *werden* не обладает ярко выраженным лексическим значением, которое могло бы само по себе указывать на степень вероятности (в отличие от «классических» модальных глаголов), то в предложениях он часто сопровождается словами *vielleicht, wohl, wahrscheinlich, zweifellos, sicher, bestimmt, gewiss* [IDS-Grammatik 1997: 1901]. Г. Фритц добавляет также – *schwerlich, gewisslich, allem Ansehen nach* [Fritz 1991: 44].

В немецком языке не только глагол *werden* является проводником связи категорий времени и модальности, но и модальный глагол *sollen*, который используется для выражения неизбежного будущего: *Als man Wallau zum zweiten Mal eingesperrt hatte, war es seiner Frau klar, dass sie ihren Mann nicht mehr wiedersehen **sollte**.* – ... что ей **не суждено** больше его увидеть [Анохина, Кострова 2006: 59].

Б. Ульвестад утверждает, что *werden* в предложениях типа *Pia **wird** krank sein* и *Pia **wird** krank gewesen sein* однозначно является модальным [Die epistemischen Modalverben...: URL]. В разработанном в Мадридском центре профессионального педагогического образования «CeDe» [Los verbos modales: URL] пособии по немецкой грамматике и лексике есть раздел, посвященный глаголу *werden*, где подчёркивается разница между полнозначным *werden* ‘становиться’, вспомогательным *werden* для образования форм будущего времени и пассивного залога и *werden* в модальном употреблении, причём не

только эпистемическом, но и деонтическом. В последнем случае *werden*, по мнению авторов, не используется в формах претеритума и перфекта, не образует форму императива, не сочетается с другими модальными глаголами и обязательно дополняется инфинитивом полнозначного глагола.

В эпистемическом употреблении *werden* выражает предположение, особенно ярко это видно в предложениях, имеющих отношение к будущему времени, а также к будущему времени в прошлом (раньше момента речи) – в последнем случае в формах конъюнктива II (*würde*).

Далее авторы приводят модальное значение *werden* – настойчивое требование, более жёсткое по своей прагматике, чем императив: *Sie werden diese Äußerung nicht wiederholen.* – Вы не повторите это высказывание. = Не вздумайте повторять это высказывание. В подобном значении *werden* чаще всего употребляется во втором лице, но может быть и в третьем – *Er wird nicht unterschreiben.* – Пусть только попробует подписать.

Третий вариант модального употребления *werden* в преподавании немецкого языка как иностранного обычно называется формой *Konditionalis* – *Wenn Sie teilnehmen würden.* – Примите, пожалуйста, участие; и предельно демократично и дипломатично выражает пожелание и просьбу [Geith 2016: 75]. Кстати, вопрос обучения употреблению модальных глаголов не так однозначен, исследователи иногда ставят под вопрос необходимость полного освещения этих тем в образовательном процессе [Bäuml 1978: 350].

Глагол *lassen*. А.А. Балакина определяет представленные нами выше глаголы как «несобственно модальные», так как они имеют модальные функции, но не соответствуют формальному критерию сочетаемости с инфинитивом основного смыслового глагола без частицы *zu* – *brauchen, haben, sein, pflegen, wissen*. Исключением является глагол *lassen* с немодальным значением ‘оставлять’ и в определенной степени модализированным значением ‘позволять’, который не нуждается в частице *zu* перед смысловым глаголом в предложении: *Wir lassen euch uns helfen* ‘Мы позволим вам помочь нам’ [Балакина 2014: 10]. Анна Александровна характеризует *lassen* как глагол

с глубокими индоевропейскими корнями, имеющий этимологически близкую лексику в значении ‘допускать, позволять’ в других языках, в том числе глагол *to let* в английском языке, который, так же, как и форма *lass* в немецком языке, может использоваться как частица ‘пусть’. Развитие семантики *lassen* от предмодальной к условно модальной А.А. Балакина описывает следующим образом: оставлять – отпускать – предоставлять свободу действия – давать возможность, разрешать. А.А. Балакина, С.П. Анохина и О.А. Кострова считают, что *lassen* можно включить в число модальных глаголов, так как он, также как и «классические» модальные глаголы, обладает глубокими этимологическими индоевропейскими корнями, в предложениях сопровождается смысловым глаголом без частицы *zu*, а его значение в немалой степени от лексического переходит в грамматическое [Балакина 2014: 11] [Анохина, Кострова 2006: 54]. Однако, во-первых, от *lassen* можно образовать форму императива, хотя она и имеет потенциал грамматического употребления – *Lass! Пусть!* но может употребляться и в прямом значении – *Оставь!* Во-вторых, *lassen* требует после себя прямого дополнения в аккумулятиве, что является вторым аргументом против его включения в число модальных глаголов.

Глагол *haben*. Глагол *haben* ‘иметь’ занимает особое место в лексической и грамматической системе немецкого языка. А.А. Балакина рассуждает о том, каким образом значение ‘иметь’ могло развиваться до модализированного ‘долженствовать’ (*Ich habe viel zu tun.* – Я должен многое сделать), и приходит к выводу, что, возможно, такими были условия формирования правовых отношений в человеческом обществе: имея что-то, человек наделялся обязанностями по отношению к этому объекту. Исследовательница сравнивает это с английской конструкцией *have to do* ‘должен сделать’ [Балакина 2014: 12].

Глагол *sein*. Авторы грамматики IDS пишут, что конструкция *sein + zu + Infinitiv* может выражать модальность возможности и необходимости. В первом случае это такие примеры как:

Ihre Augen **waren** nicht zu sehen. Её глаза были не видны. Die Musik **war** kaum zu hören. Музыка была не слышна. Часто, по их мнению, употребление *sein* для выражения потенциальной модальности сопровождается словами *leicht* ‘легко’, *schwer* ‘трудно’, *angenehm* ‘приятно’, *beschwerlich* ‘затруднительно’, *kaum* ‘едва ли’ [IDS-Grammatik 1997: 1898].

В учебной брошюре по немецкому языку как иностранному «Infinitif-Konstruktionen ‘haben zu’ und ‘sein zu’» под номером B1_1035G_DE от компании Lingoda авторы пишут, что *sein* + *zu* + Infinitiv можно употреблять вместо глагола *können* и приводят такие примеры: Zu seinem Argument *kann* Folgendes ergänzt werden... = Zu seinem Argument *ist* Folgendes zu ergänzen... / Der Akku *kann* bei Bedarf gewechselt werden = Der Akku *ist* bei Bedarf zu wechseln. Вместо глагола *dürfen* эта конструкция употребляется с отрицанием: Die Gefahr *darf* nicht unterschätzt werden = Die Gefahr *ist* nicht zu unterschätzen [Lingoda: URL].

Модальность необходимости с помощью *sein* может быть передана менее интенсивно, чем через эксплицитные высказывания с глаголом *müssen*, в том числе в целях большей вежливости: *Die Bücher sind (von den Ausleihenden) bis spätestens zum 1. des Monats zurückzugeben.* – Книги нужно вернуть до первого числа. В предложениях такого типа становится возможным не называть агенса, что делает высказывание более вежливым и мягким. Для сравнения: *Die Ausleihenden haben die Bücher bis spätestens zum 1. des Monats zurückzugeben.* – Пользователи **должны** сдать книги до первого числа. Конструкция *haben* + *zu* + Infinitiv, о которой пойдёт речь далее, передаёт высокую степень обязательства, и не назвать агенса действия уже невозможно [IDS-Grammatik 1997: 1899].

В научных текстах *sein* + *zu* + Infinitiv часто используется в контексте глаголов *zeigen*, *überprüfen*, *darstellen*, *feststellen*, *klären*: Es **ist** zu zeigen, dass... – **Необходимо** показать, что... [IDS-Grammatik 1997: 1900].

На сайте Грамматического портала Мангеймского института приводятся такой пример модального употребления *sein*: Diese Arbeit **ist** bis morgen (von

Hans) zu erledigen. – Работа должна быть выполнена (Хансом) до завтра.
[Grammis: URL]

Глагол *brauchen*. Глагол *brauchen* ‘нуждаться’ выражает необходимость. Его близкая к модальной семантика, вероятно, развивалась следующим образом: употреблять в пищу – употреблять что-то – приносить пользу и наслаждение – через отрицательные конструкции к ‘не употреблять’ – нуждаться – иметь необходимость [Балакина 2014: 14]. С. Бехманн утверждает, что в современном немецком языке есть тенденция, особенно в устной коммуникации, к модальному употреблению *brauchen* в предложениях с отрицанием и без отрицания. Это происходит исходя из семантики слова путем целенаправленного такого использования глагола носителями языка. Учёный отмечает, что в грамматиках немецкого языка является устоявшейся позиция о том, что модальное употребление *brauchen* возможно только с отрицанием, и *nicht brauchen* является синонимом *nicht müssen*, такое представление он видит в грамматике Дудена и у Х. Гирнс. Однако С. Бехманн сомневается в истинности такого представления, во-первых, логично предполагая, что подобная избыточность не характерна для языков, а во-вторых, приводя пример, в котором ярко видна разница между *nicht brauchen* и *nicht müssen*: *Mein Fahrzeug muss dieses Jahr nicht zum TÜV/*braucht dieses Jahr nicht zum TÜV*. В данном примере транспортное средство не обязательно везти на техосмотр, потому что у него всё в порядке – *muss nicht*, либо же техосмотр вообще не является для него необходимой процедурой, потому что это, например, велосипед.

Что касается вопроса о том, к какому глаголу *nicht brauchen* ближе по смыслу – к *nicht müssen* или к другому глаголу, С. Бехманн приводит следующие примеры: *Du kannst mich später anrufen, wenn Du Lust hast*. – Ты можешь позвонить мне позже, если захочешь; *Du brauchst mich nicht an(zu)rufen, wenn Du keine Lust hast / Du musst mich nicht anrufen, wenn Du keine Lust hast*. – Тебе не надо перезванивать мне, если ты не захочешь / Ты не должен перезванивать мне, если не захочешь. С. Бехманн считает, что именно

вариант с *brauchen* является наиболее корректным отрицанием для предложения с *können*, и, таким образом, делает вывод о том, что точнее всего можно описать семантику *nicht brauchen* как отрицание к модальному глаголу *können* [Bechmann: URL].

В пользу включения *brauchen* в число модальных глаголов исследователи приводят ещё несколько аргументов помимо его семантики. Т. Джонен приводит синтаксические особенности его употребления и мнение У. Энгель о том, что *brauchen* всегда употребляется (или, видимо, может употребляться) без частицы *zu* [Johnen 2006: 289]. Это подтверждает и С. Бехманн, утверждая, что в устной коммуникации, а также при написании SMS-сообщений, сообщений на интернет-форумах или при переписке через электронную почту *brauchen* часто используется носителями языка без *zu*: *Er braucht nicht kommen* [Er braucht nicht... : URL].

Следующий аргумент наряду с семантическим и синтаксическим – морфологический. Некоторые исследователи утверждают, что *brauchen* в разговорном немецком языке постепенно теряет окончание *-t* в форме третьего лица ед. ч. и всё чаще употребляется без окончания, что характерно для модальных глаголов: *Er brauch*. Этот аргумент нельзя назвать бесспорным, так как в разговорном языке то же самое иногда происходит и с другими глаголами по фонологическим, а не грамматическим причинам [Johnen 2006: 285]. В упомянутом справочнике по немецкой грамматике «CeDe» есть дополнение по этому поводу: окончание *-t* выпадает в разговорной речи в северных регионах Германии [Los verbos modales: URL].

Примеры модального употребления *brauchen* приводят и некоторые интернет-ресурсы по немецкой грамматике, например, грамматический портал Маннгеймского института, где есть цитата из газеты «Mannheimer Morgen» от 20.01.2003 – Sie **brauchen** mich nicht zu fragen, ob ich erleichtert bin. Ich bin es, gestand Liverpools Trainer Gerard Houllier nach dem Schlusspfiff; комментарий администраторов портала к этой фразе говорит о том, что они считают такое употребление модальным [Grammis: URL].

Глагол *wissen*. Глагол *wissen* ‘знать’ так же, как и «классические» модальные глаголы, относится к группе претерито-презентных, но сегодня в основном употребляется не в модальных контекстах, а с когнитивным значением – Er **wusste** es nicht. – Он этого не **знал**, не обладал информацией. Что касается модального употребления *wissen*, А.А. Балакина пишет, что он может употребляться в значении ‘уметь’, ‘мочь’, хотя некоторые исследователи называют употребление типа Er **wusste** nichts zu antworten = Er konnte nicht antworten – Он ничего не **мог** ответить, устаревшим [Балакина 2014: 12]. В настоящее время употребительной является фраза *Ich weiß das zu schätzen/würdigen*. – Я умею ценить такое, значение которой очевидно модальное.

Некоторые интернет-ресурсы со справочной грамматической информацией по немецкому языку, например, портал DeutschPlus, содержат информацию о модализирующих глаголах и конструкциях *sein + zu*, *haben + zu*, *sich lassen + Infinitiv*, *nicht brauchen + zu*, *scheinen + zu*, *drohen + zu*, *pflügen + zu*, *gedenken + zu*, *verstehen + zu*, *wissen + zu* с контекстами употребления и примерной интерпретацией через «классические» модальные глаголы [DeutschPlus: URL]. Это говорит о том, что носители и исследователи немецкого языка чувствуют, что лексико-грамматический кластер модальных глаголов не является строго закрытой группой с чёткими границами, а, напротив, как и всё в языке, подвержен постепенным историческим изменениям: это касается как числа входящих в него единиц, так и системных семантических и грамматических взаимоотношений между ними.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Понятия текст и дискурс до сих пор не имеют чёткого определения, но в современной антропоцентричной лингвистике они тесно связаны друг с другом. Сложные иерархические отношения в тексте только тогда однозначно интерпретируются, когда к анализу привлекаются экстралингвистические, внетекстовые пресуппозиции. Суммируя различные имеющиеся подходы, можно сделать вывод, что дискурс подчёркивает динамический характер языкового общения, а текст определяется как результат речевой деятельности.

Художественные тексты с их эстетикой, экспрессивностью, образностью и метафоричностью привлекают не только рядовых читателей, но и исследователей многих гуманитарных дисциплин, поскольку являются продуктивным и качественным эмпирическим материалом для научных изысканий. Язык художественного дискурса отражает все оттенки и особенности современного писателю языка.

Мы придерживаемся широкого энциклопедического определения модальности как языковой универсалии, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности и субъективной квалификации сообщаемого. Традиционно эта категория делится на объективную и субъективную модальность. В современных лингвистических исследованиях модальность рассматривается как структурно-семантическая текстообразующая категория. В определении видов модальности и средств их выражения, которые авторы дают в рамках своих исследований, нет единого мнения. С точки зрения прагматики, средства выражения модальности текста, в особенности субъективной модальности, ситуативно обусловлены контекстом и динамично развиваются вместе с историей языка.

В настоящем исследовании анализируются такие виды модальности, как эпистемическая, деонтическая, волюнтативная и потенциальная модальность. Эпистемическая модальность – модальность вероятности и предположения, уверенности и неуверенности. Деонтическая модальность –

модальность побуждения к действию в широком смысле слова, в том числе и к соблюдению определенных законов, требований, норм и т.д. Волюнтативная (желательность/нежелательность) и потенциальная (возможность/невозможность) являются двумя противоположными векторами модальной рамки высказывания и текста, определяя реальный или ирреальный поворот событий или его ожидание. Существуют различные ситуативные сценарии модальности желательности и возможности как выражение разного отношения говорящего к содержанию высказывания или ситуации с точки зрения желательности или возможности реализации данного высказывания или данной ситуации. Каждую из этих моделей можно представить как некую иерархию смыслов и оттенков и разделить средства её выражения в немецком языке на две основные группы: грамматические (наклонения глагола, придаточные предложения, сравнительные и другие синтаксические конструкции) и лексические: модальные и модализирующие глаголы, модальные слова и частицы, междометия, устойчивые речевые клише.

Понятие «изоморфизм» пришло в лингвистику из естественных наук и находится на стадии становления. Исследователи, которые пользуются этим понятием, ищут, как правило, структурные черты, общие для разных уровней и планов языка (плана выражения и плана содержания) и между разными языками. Особенно активно изоморфизм разрабатывается в сравнительной типологии языков, литературоведении и переводоведении.

Исходя из специфики данного исследования, было сформулировано понятие контекстного изоморфизма немецких модальных глаголов. Изоморфизм немецких модальных глаголов, а именно контекстный изоморфизм – это феномен их функционально-семантического тождества, в основе которого лежит контекстная синонимия, сопровождаемая определенными лексическими и синтаксическими маркерами, которые конкретизируют пересекающиеся значения этих модальных глаголов в данной ситуации. Повторяемость подобных ситуаций указывает на системный

характер явления контекстного изоморфизма. При этом выделяются маркеры, сигнализирующие о типичном для изоморфизма контексте.

Модальные глаголы во многих европейских языках считаются особой лексико-грамматической группой. Глаголы *können*, *dürfen*, *sollen*, *müssen*, *wollen* и *mögen* исследователи называют «классическими» или базисными модальными глаголами. Помимо базисных модальных глаголов в немецком языке есть также модализирующие глаголы и конструкции – полнозначные, но выполняющие модальные функции в предложении.

Модальные глаголы имеют имманентные (основные) значения:

➤ глагол *müssen* означает: испытывать необходимость, продиктованную внешним давлением, общественными нормами, внутренними личными обязательствами, логикой, волей говорящего;

➤ глагол *können* означает: быть в состоянии, уметь, иметь возможность, право, способность, позволение что-то сделать;

➤ глагол *wollen* означает: проявлять волю, желание, намерение что-то сделать;

➤ глагол *sollen* означает: выражать волю кого-то, кто не является грамматическим субъектом высказывания, испытывать крайнюю необходимость, передавать чужие слова и мнение;

➤ глагол *dürfen* означает: иметь разрешение, дозволение; быть вправе делать что-то, этот глагол часто употребляется в высказываниях с отрицанием, содержащих пожелание или просьбу, смягчает однозначные утверждения, выражает степень вероятности;

➤ глагол *mögen* означает: реализовать чье-то желание либо выразить согласие с этим желанием, а также возможную степень вероятности события, предположение.

ГЛАВА 2. СИСТЕМНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

2.1. Этимология, семантика и функции модальных глаголов немецкого языка

2.1.1. Глагол *müssen*

Представление информации о каждом модальном глаголе начинается с его этимологических корней и рассмотрения его имманентной семантики в сочетании с контекстными функциями. Глубокий анализ происхождения слова раскрывает оттенки его современных значений, помогает понять тенденции его употребления в речи, а также найти причины появления контекстных значений данного глагола, которые без знания этимологии могут казаться случайными и труднообъяснимыми.

Затем анализируются данные толковых одно- и двуязычных словарей и выявляем актуальный набор имманентных значений того или иного глагола, а также суммируем представленную в энциклопедиях и лексико-грамматических справочниках информацию об особенностях употребления модального глагола. Констатирующую часть описания завершает резюмирование посвящённых данному глаголу лингвистических исследований.

После этимологической и лексико-грамматической справки представлены и прокомментированы примеры фрагментов художественных текстов, иллюстрирующие употребление модального глагола в его основных, периферийных и контекстных значениях. Рассуждения сопровождаются данными подсчётов эмпирического материала исследования, делаются выводы о типичных и нетипичных употреблениях данного глагола.

По данным этимологических словарей, глагол *müssen* был образован от индоевропейского корня со значением «измерять» и, вероятно, должен был пройти следующий путь: соизмеряя (действия), располагать возможностями

(собственными, внутренними и внешними) → быть в состоянии что-л. делать → иметь возможность, иметь необходимость [Этимологический... 2004: 679]. Это основной и наиболее традиционный в германистике комментарий по поводу происхождения данного глагола, который встречается и в других этимологических словарях – например, в этимологическом словаре Л. Макенсена [Ursprung der Wörter 1988: 336], а в словаре «Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры» есть замечание по этому поводу: «Традиционно рассматриваемое слово соотносится с и.-е. корнем *med- «messen» [Маковский 2004: 679].

В этом словаре указано также, что немецкое «*müssen* – долженствовать, первоначально означало ‘быть связанным клятвой’. Немецкое *müssen* можно соотнести с английским диалектным *mose* ‘гореть’; типологически сравните немецкое *sollen* ‘долженствовать’ и индоевропейское *suel- ‘гореть’; типологически сравните русское *должен* и индоевропейское *dleh: *legh- ‘гореть’ [Маковский 2004: 679]. Из этого следует, что между глаголами *müssen* и *sollen* существовала этимологическая связь. Б. Хансен в статье «The German modal verb *müssen* and the Slavonic languages» приводит рассуждения о проникновении данного немецкого глагола в польский, словацкий, украинский, русский, белорусский языки [Hansen 2000].

Согласно данным словаря Etymologisches Wörterbuch des Deutschen под редакцией В. Пфайфера, где в статье *müssen* указаны и другие модальные глаголы – *können*, *mögen*, *dürfen*, в восьмом веке они могли даже употребляться как синонимичные [Etymologisches... 2018: 577]. Подтверждение того, что значения глаголов *müssen* и *können* дифференцировались постепенно, и на некоторых этапах эти глаголы могли употребляться как синонимы и заменять друг друга, можно найти и в Этимологическом словаре Клуге: *müssen* – от *mōt Prät.-Präs. ich kann, finde die Möglichkeit – я могу, я нахожу возможность [Kluge 2002: 567].

В Этимологическом словаре Дудена отмечается неожиданная с точки зрения современных значений глагола *müssen* временная семантика – иметь

право или возможность проводить время определенным образом [Duden. Herkunftswörterbuch 2013: 792]. С этой этимологией связано происхождение слова *Muße*, а также однокоренных слов, которые сохранились в устойчивых выражениях, например – *Müßiggang ist aller Laster Anfang* (Безделье – мать всех пороков).

Как будет показано далее на примерах, эти исторические связи не пропали бесследно, а до сих пор проявляются в контекстном употреблении глаголов в высказываниях с модальной семантикой.

Модальная семантика высказываний напрямую связана с семантикой модальных глаголов, использованных в них. Зерно значения каждого модального глагола – его имманентная семантика. Современные лингвисты в области германистики обязательно опираются на авторитет словаря Дудена, а также сравнивают представленные там значения с другими словарями и справочниками. В словарях «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» и «Der kleine Wahrig» значения глагола *müssen* характеризуются как:

- необходимость, продиктованная внешним давлением, общественными нормами, внутренними личными обязательствами, логикой;
- высокая вероятность, опирающаяся на факты;
- то, что желательно;
- *müssen* представляется также как отрицание к глаголам *dürfen* и *sollen* [Duden 2001: 1110; Wahrig 2000: 649].

В словаре «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» словарная статья глагола *müssen* содержит такие дефиниции, как необходимость в силу:

- обстоятельств и внешних предпосылок;
- чужого решения;
- господствующих обычаев;
- воли говорящего [DWDS: URL].

В грамматике немецкого языка дается однозначный комментарий по поводу семантики глагола *müssen*, где он характеризуется как средство

выражения объективной необходимости, которая не подвергается никакому сомнению: Alle Menschen **müssen** sterben [Helbig, Buscha, 1996: 121].

Семантическая структура глагола *müssen* включает в себя обязательство с внутренним и внешним источником долженствования, или, другими словами, внутреннее и внешнее принуждение. Опираясь на словарные статьи, которые были проанализированы выше, можно составить представление об основе семантической структуры данного глагола на современном этапе.

Словарные значения – это всегда попытка структурировать живую и расплывчатую семантику модального глагола. Результатом этой попытки становится словарная многозначность, но в сознании носителей языка семантика глагола все равно существует в виде «размытого и трудно формулируемого, инвариантного значения», из которого исходит и участник коммуникации, и переводчик. В.А. Мазурова приблизительно формулирует инвариантное значение *müssen* – испытывать долженствование в силу вынужденных обстоятельств или внутреннего убеждения (должен, надо, нужно) [Мазурова 2005: 11]. Большая часть примеров употребления данного глагола из найденных нами в НКРЯ подтверждает это: значение долженствования в силу вынужденных обстоятельств или внутреннего убеждения действительно преобладает в практике употребления *müssen* в речи – это 435 примеров из 500 проанализированных.

Однако, несмотря на то что семантика глагола *müssen* считается устоявшейся и довольно однозначной, он имеет тесные семантические связи с другими модальными глаголами – предположительно, в связи с их общей этимологией. Эта историческая связь, имевшая место на ранних этапах формирования лексико-грамматического арсенала средств выражения модальности в немецком языке ещё до дифференциации значений, проявляется и сегодня в контекстном употреблении глагола *müssen*. Контекстное употребление языковой единицы является конкретизацией её многозначности в данной речевой ситуации.

Корпус как источник материала и мерило выявленных закономерностей используют лингвисты разных направлений, например, И.С. Парина на корпусном материале исследует функционирование лингвоспецифичных идиом немецкого языка [Парина 2019], см. также [Lemnitzer, Zinsmeister 2010]. В рамках экспериментальной части исследования – участия в проекте Надкорпусной базы данных (описано во Введении), – гипотеза также была проверена на материале параллельного немецко-русского и русско-немецкого подкорпуса НКРЯ. Часть примеров здесь и далее относятся к НКРЯ, часть – к проанализированным нами оригиналам художественных произведений на немецком языке.

Взаимосвязь семантики была характерна для *müssen* и *sollen*. На современном этапе значения этих глаголов дифференцировались, и теперь в восприятии носителей немецкого языка имеют отношение к долженствованию, но в разных аспектах. *Müssen* выбирают тогда, когда речь идет об очень высокой степени необходимости и обязательности действия или события, то есть, с точки зрения говорящего, оно не подвергается сомнению и не может зависеть от личного мнения кого-то другого:

(1) *Siddharthas Gedanken aber bemächtigten sich des Samana, er **musste** vollführen, was sie befahlen* (Н. Hesse, Siddhartha). – Мысль же последнего овладела аскетом, и тот **должен** был совершить то, что она внушала ему (Г. Гессе, Сиддхартха).

Герой сам отдавал себе отчет потребность в совершении действия, это был его долг. Типичным контекстом подобной семантики, на наш взгляд, может быть фраза: *Ich **muss** zum Arzt*. – Я болен, а значит, без всяких условий точно **должен** пойти к врачу. Или фраза: *Ich **muss** los*. – Мне **надо** уйти. Это такое же безапелляционное утверждение. В отличие от употребления *müssen* в его имманентных значениях, в некоторых фрагментах *müssen* употребляется в значении, близком к значению глагола *können* «иметь возможность»:

(2) *Ich **musste** plötzlich gähnen. Es war unhöflich, aber unvermeidlich, und ich war mir der Peinlichkeit durchaus bewusst. Es tat mir leid, dass ich ausgerechnet*

*jetzt gähnen **musste*** (Н. Böll, Ansichten eines Clowns). – Вдруг я зевнул. Это было невежливо, но я ничего не мог поделать, хотя ясно сознавал, как это некстати. Жаль, что именно в эту минуту я **не мог** сдержать зевка (Г. Бёлль, Глазами клоуна).

Пример (2) может быть трансформирован следующим образом: *Ich **konnte nicht umhin, zu gähnen***. – Я не мог не зевнуть. Как было сказано выше, *müssen* может выступать даже как отрицание или антоним к глаголам *sollen* и *dürfen*. Семантика глаголов *sollen* и *dürfen* подробно разбирается в п. 2.1.4. и 2.1.5. соответственно, а здесь приводим примеры такого употребления:

(3) *Haben Sie es getan? Wenn Sie mich fragen, was Sie tun **sollen, müssen** Sie es mir sagen* (Е. М. Remarque, Arc de Triomphe). – Вы убили? Уж если вы меня спрашиваете, как вам быть, так расскажите все (Э. М. Ремарк, Триумфальная арка).

На этом примере ярко виден контраст между глаголами *müssen* и *sollen*, и, с одной стороны, эти оттенки значения подчеркнуты специфическим контекстом, с другой стороны, этот контраст является важным элементом именно имманентного значения обоих глаголов. Точно так же следующий пример наглядно демонстрирует семантическую разницу глаголов *müssen* и *dürfen*:

(4) *Wie gefällt dir mein neuer Morgenrock? Wunderbare Seide. Wirklich? Von Lisio aus Florenz. Maria verzog ihr verbrauchtes Gesicht und lachte. Was bleibt uns übrig? Wenn wir abends nicht raus **dürfen, müssen** wir hier mit unsern Dressinggowns prunken. Kommst du heute abend zu mir rüber? Ich weiß noch nicht. Fräulein Dunkerque, der Professor wartet, mahnte die Schwester aus der Tür. Komm! sagte Maria. Die andern kommen auch!* (Е. М. Remarque, Der Himmel kennt keine Günstlinge). – Как тебе мой новый халатик? – Шелк просто чудесный. – Правда? Это от Лизио, из Флоренции. – Поблекшее лицо Марии разом просияло в смешливой гримаске. – А что еще нам остается? Если уж нам **запрещены** вечерние выезды в свет, **приходится** щеголять нарядами здесь. Сегодня вечерком заглянешь ко мне? – Еще не знаю. – Госпожа Дюнкерк,

профессор ждет, – поторопила от дверей медсестра. – Приходи! – не отступалась Мария. – Остальные тоже придут (Э. М. Ремарк, Жизнь займы, или У неба любимчиков нет).

Несмотря на то что на современном этапе развития немецкого языка уже произошла дифференциация имманентных значений модальных глаголов, рудименты их этимологической взаимосвязи ещё дают о себе знать, и встречаются ситуации приказа, призыва, в которых *müssen* выполняет семантические функции *sollen*:

(5) Бледно-голубые выцветшие глаза смотрели цепко и зло. Маленькие губы нервно подрагивали. Над этими губами росли белесые усики. Ольга ее раньше не видела. – Вот что **почитай!** – женщина показала Ольге книгу с комичным изображением солдата на обложке. «Приключения храброго солдата Швейка», – прочитала Ольга. – Знаешь? – настырно смотрела женщина. – Я не люблю солдатский юмор... – отвернулась Ольга (В.Г. Сорокин, 23000). – *Die blassblauen Augen schauten scharf und böse, der kleine Mund zuckte nervös. Darüber wuchs ein farbloser Schnurrbart. Olga hatte sie noch nie gesehen. Das hier **musst** du lesen! sagte die Frau und hielt ihr ein Buch mit der Karikatur eines Soldaten auf dem Umschlag hin. Olga las: Die Abenteuer des braven Soldaten Schwejk. Kennst du das? – Die Frau schaute herausfordernd. Kasernenhumor ist nicht so mein Ding, erwiderte Olga* (W. Sorokin, 23000).

Этот фрагмент демонстрирует ситуацию настоятельного совета, настырности. Контекст свидетельствует о том, что женщина вела себя настырно, но при этом автором выбран модальный глагол *müssen*, а не *sollen*. Как будет показано далее в настоящем исследовании, это вызвано синтаксическими, ситуативными, лексическими и грамматическими особенностями контекста. В примере (6) глагол *müssen* выполняет семантическую функцию глагола *können*. Во фрагменте произведения говорится, что у девушки есть возможность или способность спасти Париса:

(6) *Paris sei verwundet. Verlange nach ihr. Sie **müsse** ihn retten* (Chr. Wolf, Cassandra). – Парис ранен. Требуется её к себе. Только она одна **может** его спасти (К. Вольф, Кассандра).

В примере (7) глагол *müssen* выполняет семантическую функцию глагола *wollen*. Героиня испытывает *желание*, сопровождаемое, видимо, осознанием необходимости похудения, при этом мотивирующее её на действия – например, не завтракать:

(7) *Ehrlich gesagt, habe ich heute nicht gefrühstückt, denn ich **muss** dringend ein paar Pfund abwerfen* (I. Noll, Der Hahn ist tot). – Честно говоря, я сегодня не завтракала: **хочу** срочно *сбросить* пару килограммов (И. Нолль. Мёртвый петух).

Анализ представленных выше и аналогичных примеров подтверждает, что глагол *müssen* может реализовывать не только свои основные модальные значения внутреннего долженствования действующего субъекта, но и значения, которые обычно соотносятся с другими модальными глаголами. Среди 500 проанализированных фрагментов с глаголом *müssen* случаев его употребления в функции других модальных глаголов отмечено 63.

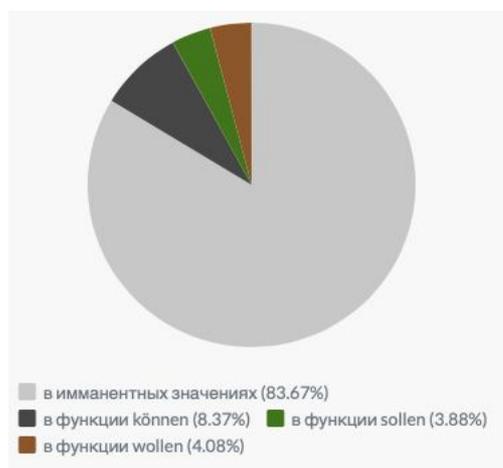

Рис. 1. Соотношение случаев употребления глагола *müssen* (%)

Итак, основное значение модального глагола *müssen* – настойчивое выражение объективной необходимости. В художественном дискурсе в зависимости от контекста он может употребляться в значении других

модальных глаголов, то есть наблюдается феномен контекстного изоморфизма, наличие которого продиктовано этимологической взаимосвязью модальных глаголов немецкого языка.

2.1.2. Глагол *können*

Основная и наиболее распространённая среди лингвистов версия происхождения глагола *können* заключается в том, что в основе его становления и развития находились глаголы со значением «знать, понимать» и на ранних этапах своего формирования обозначал именно это [Маковский 2004: 356; Duden. Herkunftswörterbuch 2005: 478; Kluge 2002: 345; Mackensen 1988: 229]. С этой точки зрения *können* является родственным современному глаголу *kennen* – знать кого-то. В Этимологическом словаре Дудена и в Этимологическом словаре под редакцией В. Пфайфера перечисляются и другие лексические единицы, этимологически связанные, таким образом, с глаголом *können* – *kühn* (изначально «знающий, опытный, мудрый»); *Kunst* (изначально «знание, понимание»); *die Kund* («то, что ты знаешь и понимаешь») [Duden. Herkunftswörterbuch 2005: 478; Etymologisches... 2018: 348].

Так же, как и другие модальные глаголы современного немецкого языка, *können* не развивался изолированно, и его значения дифференцировались постепенно. На некоторых этапах истории языка *können* имел смешанное или общее не только с модальными глаголами значение: как демонстрирует Этимологический словарь Клуге, в восьмом веке *können* обозначал и «знать», и «мочь» [Kluge 2002: 345], и, видимо, с этого периода начинается развитие его значения в сторону современного «мочь» и «уметь». В средневерхненемецкий период *können* употреблялся в значении *mügen* (современный *mögen*) и указывал на то, чему научился человек. Из этого развилось его современное значение «быть в состоянии, иметь способность» [Kluge 2002: 345]. Это подтверждает и Этимологический словарь под

редакцией В. Пфайфера, который также указывает на этимологическую связь глаголов *können* и *dürfen* [Etymologisches... 2018: 348].

Как будет показано далее на примерах, эти исторические связи до сих пор оказывают влияние на контекстное употребление глагола *können*, и некоторые из них, а именно связь *können* и *dürfen*, остались настолько прочными, что нашли выражение в словарных статьях ведущих современных толковых словарей немецкого языка. В частности, на семантическую взаимосвязь глаголов *können* и *dürfen* указывается в толковых словарях «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» и «Wahrig», где значения глагола *können* характеризуются как:

- быть в состоянии;
- уметь;
- иметь возможность;
- иметь право и разрешение (но с меньшей категоричностью, чем глагол *dürfen*);
- быть вероятным [Duden 2001: 936; Wahrig 2000: 551].

В Электронном словаре Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache словарная статья глагола *können* содержит такие дефиниции как:

- иметь психические или физические способности;
- быть в состоянии воспроизвести изученное;
- быть возможным с точки зрения говорящего или логики;
- быть вероятным ввиду господствующих обычаев, внешних условий или предпосылок, ввиду чьего-то разрешения (синоним глагола *dürfen*) [DWDS: URL].

В грамматике немецкого языка для иностранцев Г. Хельбига и Й. Буши выделяются три основных варианта значения глагола *können*, а именно значения:

- возможности: *Wir können heute baden gehen, es ist warm genug.* Мы можем сегодня пойти плавать, потому что достаточно тепло.

➤ способности: *Der fünfjährige Junge kann bereits lesen.* Пятилетний мальчик уже умеет читать.

➤ позволения: *Wer mit dem Sprachtest fertig ist, kann nach Hause gehen.* Кто закончил тест по языку, может идти домой [Helbig, Buscha 1996: 121].

В.А. Мазурова приблизительно формулирует инвариантное значение *können* – иметь возможность/невозможность различного рода: физическую, моральную, в силу умения и других обстоятельств (мочь, можно/нельзя) [Мазурова 2005: 11].

Ядро семантики глагола *können* – это выражение разных аспектов потенциальной модальности. Модальное значение глагола *können* в некоторых контекстах подчёркивается лексическим окружением, например, модальными словами. В примере, который приводят в этой связи А.Л. Зеленецкий и О.В. Новожилова, модальные слова *wohl möglich* дополняют выражаемое глаголом значение того, что говорящий лишь в малой степени уверен в том, что мог от волнения ошибиться: *Es ist wohl möglich, dass ich mich in der Aufregung auch geirrt haben kann!* (Prodöhl). – Всё-таки это возможно, что от волнения я мог ошибиться! Исследователи так комментируют этот пример: «Сочетание модальных слов в одном предложении с модальными глаголами создает в немецком тексте весьма своеобразную картину многослойной модальности и позволяет довольно точно градуировать степень уверенности предположения» [Зеленецкий, Новожилова 2003: 82–83].

Семантическая структура глагола *können* включает в себя возможность действия или ситуации, обеспеченную внутренними или внешними обстоятельствами, а также слабую степень вероятности события. Опираясь на словарные статьи, которые были проанализированы выше, можно составить представление об основе семантической структуры данного глагола на современном этапе. Большая часть предложений с этим глаголом из найденных нами в НКРЯ подтверждает это: основные словарные значения действительно преобладают в практике употребления *können* в речи – это 415

примеров из 500 проанализированных. Пример употребления глагола *können* в основном модальном значении ниже:

(8) «*Menschen*», *schrie die Stimme und überschlug sich «sind längst überflüssig. Sie selbst haben die Welt so weit gebracht, dass für ihresgleichen kein Platz mehr ist. Wir werden die Welt beherrschen!» Die Kälte war jetzt so schrecklich, dass Momo nur noch mühsam die Lippen bewegen, aber kein Wort mehr hervorbringen konnte* (М. Энде, Момо). – Люди, – крикнул голос, на мгновение захлебнувшись, – Люди давно уже никому не нужны, они лишние! Они сами довели мир до того, что места им не осталось. Мы будем владеть миром! Холод стал таким страшным, что Момо **с трудом** шевелила губами, **не в силах** произнести ни слова (М. Энде, Момо).

Однако, несмотря на то что глагол *können* в целом считается моносемантическим, он имеет тесные смысловые связи с другими модальными глаголами – предположительно, в связи с их общей историей формирования и дифференциации значений. Такое соображение высказывалось германистами и ранее, об этом писали, не систематизируя, однако, свои выводы, Я. и В. Гримм, Г. Бех, Т. Биркман, В.М. Жирмунский и др. Эта историческая связь проявляется и сегодня в контекстных употреблениях глагола *können*, таких, как, например, в следующем отрывке:

(9) *Sie missverstehen mich vielleicht, beeilte sich K. zu bemerken. «Ich meine» – hier unterbrach sich K. und sah sich nach einem Sessel um. «Ich kann mich doch setzen?» Fragte er. «Es ist nicht üblich», antwortete der Aufseher* (Ф. Кафка, Der Prozess). – Возможно, что вы не так меня поняли, – заторопился К. – Я только хотел сказать... – тут он осекся и стал искать, куда бы ему сесть. Мне **можно** сесть? – Спросил он. Это не полагается, – ответил инспектор (Ф. Кафка, Процесс).

Здесь прибывший к инспектору герой, конечно, просит разрешения сесть, а не спрашивает о такой возможности (например, о наличии стула или дивана). Более того, получив отказ, он действительно остаётся стоять на ногах. Глагол *können* употреблен в функции глагола *dürfen*.

В следующем примере будет продемонстрировано употребление глагола *können* в нехарактерной для него роли, а именно в ситуации настойчивой просьбы:

(10) *Wir haben Natürlich auch noch den Verstand nicht verloren; wäre das, was ich verlange, nicht möglich, würde ich es nicht verlangen. Bitte, gehen Sie jetzt! Die Pflegerin stand aufgerichtet am Bett, dem Onkel voll zugewendet, mit der einen Hand streichelte sie, wie K. zu bemerken glaubte, die Hand des Advokaten. Du **kannst** vor Leni alles sagen, sagte der Kranke, zweifellos im Ton einer dringenden Bitte. Es betrifft mich nicht, sagte der Onkel, es ist nicht mein Geheimnis. Under drehte sich um, als gedenke er in keine Verhandlungen mehr einzugehen, gebe aber noch eine kleine Bedenkzeit. – Wen betrifft es denn? (F. Kafka, Der Prozess). – Вы, знаете, мы ещё не окончательно выжили из ума; если бы то, чего я требую, было невозможно, я бы не требовал. Пожалуйста, уходите! Сиделка стояла у постели, выпрямившись и повернув голову к дяде, а сама, как показалось К., поглаживала руку адвоката. – При Лени ты **можешь** говорить все, – сказал адвокат, и в его голосе явно прозвучала настойчивая просьба. – Дело не меня касается, – сказал дядя, – тайна не моя. – И он резко отвернулся, словно входить ни в какие препирательства не желает, однако дает им время на размышление. – А чья же? (Ф. Кафка, Процесс).*

Как следует дальше из слов автора, фраза, хотя и означает буквально «Ты *можешь* говорить всё», на самом деле является настойчивой просьбой, практически требованием, о чём свидетельствует дальнейшая часть фрагмента: *im Ton einer dringenden Bitte* – тоном настойчивой просьбы. Контекстное употребление глагола *können* в этом случае ближе к значению *müssen*.

Изоморфизм глаголов *können* и *müssen* проявляется также в предложениях с отрицанием:

(11) *Ich möchte das nicht, verstehst du? Ich bin ein alter Arzt und möchte niemandem Böses getan haben. Dein Verdacht ist ein Wahnsinn. Man **kann** doch **nicht** auf eine bloße Fotografie hin einen Menschen einfach verdächtigen, um so*

weniger, als das Bild nicht viel vom Gesicht zeigt. Und außerdem war er in Chile, das ist eine Tatsache (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Я бы не хотел этого, ты понимаешь? Я старый врач и не хотел бы причинить кому-либо зло. Твое подозрение беспочвенно. **Нельзя** же из-за одной фотографии сразу заподозрить человека, тем более что на ней почти не видно лица. Кроме того, он был в Чили, а это – факт (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

Пример демонстрирует, что в подобном контексте глагол *können* выражает не своё основное значение потенциальной модальности, а скорее напротив – обязательное условие, даже мотивированный запрет, безальтернативность, что подтверждается тем, что физическая и мыслительная возможность заподозрить человека по фотографии, конечно, имеется, но Берлах, защищая мужчину, говорит Хунгертобелю и комиссару, что делать этого нельзя.

Перейдём к последней выделенной нами контекстной функции глагола *können*: как в следующем примере (12), с помощью него может быть выражен даже императивный подтекст, но в более вежливой и мягкой форме.

(12) *Du **kannst** mir die Zeitschriften dalassen.* – **Оставь** мне эти газеты. [...] *Die englischen Zeitschriften brauche ich nicht, aber die schweizerischen Nummer **kannst** du mir lassen* (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Английские газеты мне не нужны, а швейцарские **оставь** (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

Анализ представленных выше и аналогичных фрагментов подтверждает, что глагол *können* может реализовывать не только своё основное модальное значение возможности, но и значения, которые обычно соотносятся с другими модальными глаголами. Среди 500 проанализированных примеров глагола *können* случаев его изоморфизма отмечено 85.

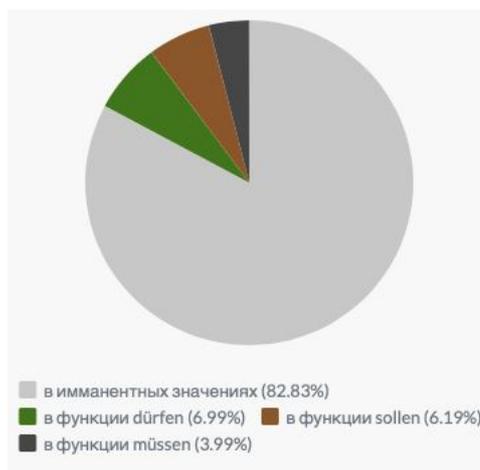

Рис. 2. Соотношение случаев употребления глагола *können* (%)

Итак, основное значение глагола *können* – выражение потенциальной модальности, возможности и выбора. Дополнительные значения, реализуемые контекстно и имеющие под собой этимологические причины, следующие: рекомендация, требование – альтернативная форма выражения императива, неизбежная необходимость, выражение вежливости.

2.1.3. Глагол *wollen*

Глагол *wollen* имеет общегерманское происхождение, однако его абстрактное значение желания или требования развилось уже в догерманский период, как показывают параллели с латинскими, славянскими и индийскими языками, перечисленные в этимологическом словаре под редакцией В. Пфайфера [Etymologisches... 2018: 1435]. *Wollen* связан с древневерхненемецким *wellen*, который означал ‘выбирать’ [Etymologisches... 2018: 1435]. Согласно мнению авторов этимологического словаря Wahrig, *wollen* также имеет этимологическую связь с современными *wohl* – пожалуй, *wählen* – выбирать, *der Wunsch* – желание и *der Wille* – воля [Wahrig Herkunftswörterbuch: URL]. В этимологическом словаре Герхарда Кёблера *wollen* интерпретируется как *beabsichtigen* – иметь целью, и там также приводится древневерхненемецкий *wellen* в качестве исходного [Köbler, Deutsches Etymologisches Wörterbuch: URL]. В словаре братьев Гримм

словарная статья *wollen* начинается с его интерпретации как «требовать, желать, иметь целью», а далее указывается, что значения глагола *wollen* менялись с течением времени, например, в древневерхненемецком языке в канцелярской речи он обозначал также приказывать – *befehlen*, а в остальных стилях – решиться, быть склонным, быть готовым, хотеть [Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: URL].

В толковом словаре немецкого языка Аделунга, увидевшем свет в конце XVIII в., представлены актуальные на тот момент значения глагола *wollen*. Данное там описание намного шире, чем то, которое даётся в современных словарях – глагол обладает большим количеством значений, например, присутствует также «принять решение», «выражение приказа власть имущих», «требование», «просьба», «намерение», «допущение», «уверение кого-то», «неизбежность». Там же есть указания на его синонимию с модальным глаголом *können* [Grammatisch-Kritisches Wörterbuch: URL]. Значит, на том этапе развития немецкого языка сфера употребления глагола *wollen* была шире, чем сегодня – и В.В. Жирмунский пишет, что близкое к современному модальное значение глагола *wollen* развивалось постепенно [Жирмунский 1948: 252]. В последующих пунктах будет проиллюстрировано, что при определённых условиях эти значения, сегодня уже не относящиеся к имманентным значениям *wollen*, проявляются и в современном немецком языке.

Обратимся к современным значениям *wollen*. В словарных статьях выделяются такие его значения как:

- реализация воли, цели или желания субъекта действия;
- призыв к совершению действия;
- необходимость;
- эпистемическое значение передачи чужой речи – сомнение в истинности передаваемой информации, стремление переложить

ответственность с говорящего на субъекта [DWDS: URL] [Duden 2001: 1827] [Wahrig 2000: 1056].

В.А. Мазурова приблизительно формулирует инвариантное значение *wollen* – желание (хотеть, хотеться) [Мазурова 2005: 11].

Ядро значения глагола *wollen* – выражение оптативной модальности высказывания, но в зависимости от лица и числа субъекта действия этот глагол принимает на себя контекстные роли других модальных глаголов. Предположительно, это связано с тем, что за историю своего развития глагол *wollen* имел разные значения, и, хотя на современном этапе его модальное значение уже устоялось, отголоски старых значений продолжают проявляться в контекстных употреблениях.

Следующие примеры демонстрируют употребление *wollen* в его основном значении желания и намерения (в настоящем материале это 469 примеров из 500):

(13) *So ein richtiger, kleiner Nazi, mit Sammelbüchse und Luftschutzhelm, weißt du, dass der Blohm, nicht der Bernhard. – Was **willst** du damit sagen? – rief Schneiderei. – Nichts, – entgegnete Müller. Bloß, das ist alles nicht so einfach!* (D. Noll, Die Abenteuer des Werner Holt). – А настоящим маленьким нацистиком с кружкой для пожертвований и в шлеме ПВО знаешь, кто был? Блом, а не Бернгард! – Что ты этим **хочешь** сказать? – воскликнул Шнейдерайт. – Ничего, – ответил Мюллер. – Только, что не так-то всё просто! (Д. Нолль, Приключения Вернера Хольта).

В этом примере вопрос касается именно намерения человека, того, какой смысл он хочет вложить в свои слова. Из всех модальных глаголов *wollen* является наиболее ярким носителем значения отнесённости действия к будущему времени. Это, по-видимому, общегерманское явление, так как в английском языке глагол *will* стал вспомогательным для образования форм будущего времени. В немецком языке, так же как, например, в датском [Крылова 2011: 192], предложения с *wollen* регулярно не только несут

значение желательности, но также и показывают будущее время, как, например, в (14):

(14) *Lutz notierte sich alles. Dann verabschiedete er sich. Leben Sie wohl, und warden Sie gesund, sagte er, indem er die Hand des Kommissärs schüttelte. Noch diesen Abend **will** ich Ihnen Bescheid geben lassen, dann können Sie nach Herzenslust kombinieren* (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Лютц все записал, и они простились. [...] – Всех благ – и выздоравливайте, – сказал он, пожимая руку комиссара. – Я **сообщу** вам все, что узнаю, еще сегодня вечером, и тогда вы можете дать волю вашей буйной фантазии (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

Дополнительным доказательством того, что в этом примере *wollen* передает идею будущего времени, является обстоятельство времени – *diesen Abend* этим вечером.

Глагол *wollen* в предложениях с конструкцией «*wollen* + Personalpronomen ... + Infinitiv» выражает в целом значение побуждения к действию, обычно характерное для *sollen*. Контекст конкретизирует это значение, например (15):

(15) *So, und nun **wollen** wir zu Mittag essen. Der Onkel kommt erst zum Abend heim. Pony, deck den Tisch!* (E. Kästner, *Emil und die Detektive*). – Ну, а теперь **давайте** обедать. Дядя придет домой поздно. Пони, накрой на стол! (Э. Кестнер, *Эмиль и сыщики*).

В (15) эта конструкция передает призыв к совместному действию, как это выразил бы глагол *müssen*. Инверсия сказуемого и подлежащего в этой конструкции является дополнительным маркером такого употребления. В (16) побуждение более деликатное – это пожелание, которое выражает глагол *mögen*. Героиня подталкивает собеседника к тому, чтобы развить их беседу, пытается его разговорить:

(16) *Sie hörte es. «Ap», sagte sie, «kennen Sie das auch schon? Sie sind noch so jung! **Wollen** Sie mir nun auch beichten? Aber nur, wenn Sie wirklich wollen». Ein andermal vielleicht, Fräulein Aglietti. Mir ist heute ohnehin windig zumut, und es tut mir leid, dass ich vielleicht auch Ihnen die Stimmung getrübt habe.* (H. Hesse, Peter Camenzind). – Она услышала его. – А-а! И вам это тоже знакомо? Вы ведь

еще так молоды! Ну что же, теперь ваш черед исповедоваться. Но только если вы действительно хотите!.. – Пожалуй, в другой раз, фройляйн Аглиетти. У меня сегодня и без того на душе – ненастье; простите великодушно, если я и вам испортил настроение. (Г. Гессе, Петер Каменцинд).

Употребление *wollen* в устойчивом выражении «*koste es, was es wolle*» – «чего бы это ни стоило» характеризуется изоморфизмом глаголов *wollen*, *mögen* и *können*.оборот выражает значение уступки и явной или имплицитно предполагаемой возможности и интерпретируется как: *Koste es, was es einen kosten kann/mag* – Пусть стоит столько, сколько *может* стоять.

При описании обстоятельств и ситуации, которыми невозможно пренебречь и оставить их без внимания, *wollen* также может употребляться в значении глагола *müssen*, например, (17):

(17) *Wichtig ist, dass die Wahrheit gesagt werden kann und dass man den Kampf für sie führen darf und nicht gleich nach Witzwil kommt. Das ist in der Schweiz möglich, wir wollen das ruhig zugeben und auch dankbar dafür sein, wir haben uns vor keinem Regierungs- und Bundesrat zu fürchten, oder wie die Räte alle heißen* (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Для этого нужно больше чем одно поколение; и когда, наконец, его построят, он будет не лучше, чем старый. Важно то, что можно сказать правду и что ради нее можно бороться – и за это не попадешь в тюрьму. В Швейцарии это возможно, мы **должны** это признать и быть благодарны за то, что можем не бояться ни государственного, ни кантонального, никаких других советов (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

Погружаясь в контекст описанной ситуации, читатель осознаёт, что автор здесь имеет в виду: не вызывает сомнений, необходимо признать свободу слова в Швейцарии. Это непреложная истина для него, аксиома, и такое «автоматическое» долженствование, утверждение, с которым не поспорит ни один авторитет – значение глагола *müssen*.

В современном языке наблюдается также и употребление глагола *wollen* в значении «желать» без дополнительного инфинитива – по сути возвращение к его предмодальному этимологическому значению:

(18) «*Gib mir doch noch das Life*», verlangte der Kranke scheinbar gleichgültig. Hungertobel gab ihm eine Zeitschrift vom Stoß, der auf dem Nachttisch lag. «*Nicht die*», sagte der Kommissär und blickte etwas spöttisch nach dem Arzt: «*Ich will jene, die du mir genommen hast*» (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Дай-ка мне «Лайф», – внешне безразлично попросил больной. Хунгертобель взял из пачки журналов один и протянул его другу. – Нет, не этот, – сказал комиссар и насмешливо взглянул на врача. – **Дай** мне тот самый, который ты у меня взял (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

Анализ представленных выше и аналогичных примеров подтверждает, что глагол *wollen* может реализовывать не только своё основное модальное значение желания, но и значения, которые обычно соотносятся с другими модальными глаголами. Среди 500 проанализированных примеров с глаголом *wollen* случаев его изоморфизма отмечено 56.

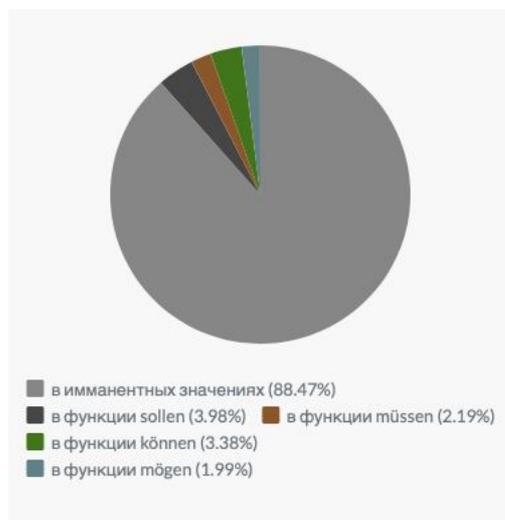

Рис. 3. Соотношение случаев употребления глагола *wollen* (%)

Итак, основное значение глагола *wollen* – выражение желания или намерения, однако, в текстах встречаются и другие его значения: необходимость, рекомендация, побуждение к действию, убеждение собеседника в своей правоте, а также выражение будущего времени.

2.1.4. Глагол *sollen*

Глагол *sollen* – общегерманского происхождения. По данным этимологических словарей, в древневерхненемецкий период он функционировал в форме *solan/sculan* со значением «быть задолжавшим, обязанным», а из современных немецких слов он связан, например, со словом *die Schuld* – вина [Etymologisches... 2018: 1215] [Wahrig Herkunftswörterbuch: URL]. Этимологический словарь Герхарда Кёблера добавляет ряд семантически близких глаголов со значением «быть обязанным» – *schuldig sein, verdanken* [Köbler: URL]. Это не единственный случай среди индоевропейских языков, когда значение долга развивается сначала в сфере денежных отношений между людьми. Финансовый долг в любом случае является «внешним» (человек не может быть должен самому себе), видимо, это определило развитие значения глагола *sollen* именно в сторону долженствования на основе чьего-то авторитета, указания и мнения. А.А. Балакина сравнивает схему происхождения немецкого глагола *sollen* с аналогичными глаголами в балто-славянских языках, где значение «долга» также связано с финансовой «виной», и указывает на ещё прагерманское формирование такого значения. Это сходство значений можно объяснить, вероятно, тесным культурным взаимодействием народов в то время. Так как понятие денежного долга формировалось ещё на этапе недостаточно развитых финансовых отношений, долг мог возникать не только вследствие обмена товарами или услугами, но и вследствие проступка человека. Отсюда вытекает и развитие значения долженствования в морально-этической сфере. Она пишет, что *sollen* употреблялся в соответствии со своей внутренней формой уже в ранних памятниках на немецком языке, относящихся к периоду средневерхненемецкого языка, поэтому может считаться одним из самых древних модальных глаголов немецкого языка [Балакина 2011: 8-9].

В этимологическом словаре Дудена в соответствующей статье приводится *müssen* как бывший близким по значению на некоторых этапах

развития немецкого языка [Duden. Herkunftswörterbuch: URL]. Это подтверждают и данные толкового словаря немецкого языка Аделунга, где перечислены бывшие актуальными в XVIII в. значения *sollen* – быть обязанным по внутреннему долгу; иметь денежный долг; быть обязанным по приказу; в форме конъюнктива – как выражение возможности, вероятности; для выражения будущего времени [Grammatisch-Kritisches Wörterbuch: URL]. На более ранних этапах развития немецкого языка, – в ранненововерхнемецком языке, – сфера употребления *sollen* была шире, чем это представлено в современных толковых словарях.

Толковый словарь братьев Гримм даёт подробное и всестороннее описание значений *sollen*: быть должным, обязанным, иметь обязательства, быть предназначенным, подходящим для чего-то, иметь необходимость по воле другого человека; также в этом словаре указано, что часто в придаточных условия с помощью *sollen* выражается нереальное желание, то есть *sollen* употребляется как синоним *wollen*: «soll = willst du, dasz...» (ты что, хочешь, чтобы...), и даже позволение и разрешение, то есть как синоним *dürfen*. Именно модальное значение *sollen* развивалось с нововерхнемецкого периода, примерно с 1700 г., это модальное значение рекомендации; при этом *sollen* также приближается по семантике к *können* и *brauchen* «нуждаться» [Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: URL].

Анализ показывает, что модальное значение глагола *sollen* развивалось постепенно, и на данный момент *sollen*, как считают исследователи и составители словарей, означает в первую очередь рекомендацию, будущее время, передачу чужих слов и мнения. Также он имеет эпистемическое значение, выражая подчеркнуто гипотетического характера высказывания. В толковых словарях немецкого языка присутствуют такие его толкования: выражение воли кого-то, кто не является грамматическим субъектом высказывания, неизбежная судьба; употребляется в заклинаниях, обещаниях, угрозах; выражение крайней необходимости [DWDS: URL] [Duden 2001: 1465] [Wahrig 2000: 850]. *Sollen* в конъюнктиве может использоваться для

обозначения будущего времени, так же как, например, в датском языке [Крылова 2011: 192]. С.П. Анохина и О.А. Кострова анализируют разные случаи употребления *sollen* в значении будущего времени и приходят к выводу, что в составе придаточного предложения он часто выражает так называемое презумптивное будущее с оттенком неизбежности. В других же случаях *sollen* наряду с *wollen*, в сочетании с союзом *wenn* придаёт предложению целевой оттенок [Анохина, Кострова 2006: 59, 98]. Что касается употребления в значении будущего времени, Е.Н. Базалина в своём исследовании также пишет, что *sollen* часто, хотя и не всегда, выражает будущее время [Базалина 2001: 130].

В.А. Мазурова приблизительно формулирует инвариантное значение *sollen* – необходимость, предписанная или определяемая чужой волей (надо, нужно, быть должным) [Мазурова 2005: 11]. Проф. Д.О. Добровольский и Анна А. Зализняк в статье «Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов» называют тип модальности *sollen* ослабленной онтологической необходимостью, чем-то средним между возможностью и необходимостью: положение дел соотносится с логикой устройства мира, это не единственно возможная логика, но предпочтительная или как-то выделенная [Добровольский, Зализняк 2021]. Любопытно отметить, что в сфере религии можно встретить употребление *sollen* по типу *Du sollst nicht töten*. – Не убей.

Актуальное значение модального глагола *sollen* – передать чужие слова и мнение, апеллировать к здравому смыслу, задать вопрос с элементом нерешительности, дать рекомендацию или совет. Приведём примеры употребления *sollen* в его основном значении (396 примеров из 500):

(19) *Ein Gott, der sich, wann es ihm beliebte, zum Teufel wandelte, Reichtum in Armut, Unglück in Glück, und Lust in Verzweiflung kehrte? Hast du deinen Spaß mit uns – und wir sollen zu dir beten? – An dir zweifeln ist das einzige Mittel, das uns bleibt – dich nicht zu lästern!* (A. Schnitzler, Casanovas Heimfahrt). – Ну и бог, который, когда ему заблагорассудится, оборачивается дьяволом, бог, который

превращает богатство в нищету, счастье в несчастье, радость в горе? Мы для тебя забава и **должны** еще тебе молиться? Сомневаться в твоём существовании – единственное остающееся у нас средство, чтобы тебя не хулить! (А. Шнитцлер, Возвращение Казановы).

В (19) ставится вопрос о том, должны ли, обязаны ли персонажи молиться богу – предполагается, что такое обязательство по умолчанию есть, но говорящие ставят его под вопрос. Следующий пример демонстрирует другую сторону основного значения *sollen* – высказывание говорящим своего мнения:

(20) *Ob die Sache etwas mit dem Teufel zu tun hat oder nicht, das müsst Ihr selbst entscheiden, Pater Terrier, dafür bin ich nicht zuständig. Ich weiß nur eins: dass mich vor diesem Säugling graust, weil er nicht riecht, wie Kinder riechen sollen* (P. Süskind, Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders). – Причем здесь дьявол или ни при чём, решайте сами, отец Террье, это не по моей части. Я знаю только одно: на меня этот младенец наводит ужас, потому что он не пахнет, как **положено** детям (П. Зюскинд, Парфюмер: История одного убийцы).

Из фрагмента (20) очевидно, что у говорящего есть представление о должном положении вещей – о том, как пахнут дети, и он транслирует его с помощью глагола *sollen*. Глагол *sollen* в формах настоящего времени или конъюнктива может выражать императив, иными словами, модальность приказа, как в примере ниже:

(21) *Sie hatte sich von Sommerwild zu viel von Verkündigung und Aussage vorreden lassen und malte fast nur noch Madonnen. Ich würde versuchen, ihr das auszureden. Es kann ja gar nicht gelingen, selbst wenn man dran glaubt und gut malen kann. Sie **sollten** die ganze Madonnenmalerei den Kindern überlassen oder frommen Mönchen, die sich nicht für Künstler halten. Ich überlegte, ob es mir gelingen würde, Monika das Madonnenmalen auszureden* (H. Böll, Ansichten eines Clowns). – Моника слишком поддалась Зоммервильду, который внушил ей всякие мысли о «возвещении» и «откровении»; она рисует почти одних только мадонн. Надо попытаться отговорить ее от этого. Церковная живопись не может удасться, если даже во все это веришь и хорошо пишешь. Мадонн **пусть**

изображают дети или благочестивые монахи, которые не мнят себя художниками. Некоторое время я размышлял, удастся ли мне отговорить Монику от ее вечных мадонн (Г. Бёлль, Глазами клоуна).

В (21) говорящий хочет отговорить собеседницу от занятия, и его высказывание о детях и монахах по сути является внутренним монологом, который он впоследствии передаст девушке.

В прямой речи *sollen* передаёт просьбу или требование в изъяснительном наклонении, а для добавления мягкости и вежливости своей просьбе или требованию носители языка прибегают к форме конъюнктива глагола *sollen*. *Sollen* может выражать вежливый вопрос, как, например, в следующем отрывке (22):

(22) *Es lag soviel Zärtlichkeit in dem winzigen Wort, dass ich dachte, sie würde für ein Leben ausreichen, und ich hätte fast geweint; sie sagte es so, dass ich überzeugt war: sie hatte gewusst, dass ich kommen würde, jedenfalls war sie nicht vollkommen überrascht. Nein, nein, – sagte ich, – ich gehe nicht – wohin sollte ich denn gehen? Soll ich mir zwanzig Mark leihen und nach Köln fahren – und dich dann später heiraten? Nein, – sagte sie, – fahr nicht nach Köln (H. Böll, Ansichten eines Clowns).* – В этом коротеньком слове было столько нежности, что мне казалось: ее хватит на всю жизнь, – и я чуть не расплакался; она произнесла его так, что я понял: Мария знала, что я приду, во всяком случае, это не было для нее громом среди ясного неба. Нет, нет, – ответил я, – я не уйду. **Ты хочешь**, чтобы я одолжил двадцать марок и поехал в Кёльн... а уж потом женился на тебе? «Нет, – сказала она, — не надо тебе ехать в Кёльн» (Г. Бёлль, Глазами клоуна).

В этой ситуации собеседник дважды спрашивает девушку, что она хочет, чтобы он сделал, их разговор протекает нежно и вежливо.

Следующий выбранный нами для иллюстрации пример (23) содержит глагол *sollen* дважды – но в разных значениях. В первом случае это пожелание на будущее – «пусть внешность сослужит службу», а во втором случае –

обязательное условие, требование говорящего к ситуации, без выполнения которого не удастся реализовать план.

(23) *Er wollte sie nicht mehr aus seinem Zimmer lassen, wenigstens nicht, solange er lebte; seine Schreckgestalt sollte ihm zum erstenmal nützlich werden; an allen Türen seines Zimmers wollte er gleichzeitig sein und den Angreifern entgegenfauchen; die Schwester aber sollte nicht gezwungen, sondern freiwillig bei ihm bleiben* (F. Kafka, Die Verwandlung). – Он решил не выпускать больше сестру из своей комнаты, по крайней мере до тех пор, покуда он жив; пусть ужасная его внешность сослужит ему наконец службу; ему хотелось, появляясь у всех дверей своей комнаты одновременно, шипеньем отпугивать всякого, кто подступится к ним; но сестра **должна** остаться у него не по принуждению, а добровольно (Ф. Кафка, Превращение).

Sollen наряду с *wollen* может выражать будущее время:

(24) *Schleiche mal in Berlin, dass dich niemand sieht! Emil regte sich auf. Wenn du willst, dass dich alle sehen sollen, brauchst du nur zu schleichen. Aber einen Revolver müsstet ihr haben! riet Petzold* (E. Kästner, Emil und die Detektive). – Попробуй-ка покрадись по Берлину, будто полицейская ищейка! – разволновался Эмиль. – Увидишь, как тебя никто не заметит! Вот если хочешь, чтобы все на тебя обратили внимание, тогда крадись! Но уж без револьвера-то нам никак не обойтись! – воскликнул Петцольд (Э. Кестнер, Эмиль и сыщики).

В данном фрагменте речь идёт о том, хочет или не хочет герой оказаться замеченным, обсуждение стратегии поведения нацелено на будущее. Представленный ниже пример (25) содержит *sollen* в значении предположения с оттенком сомнения помимо того, что он там выражает будущее время, пусть даже и в гипотетической ситуации:

(25) *Zwei starke Leute – er dachte an seinen Vater und das Dienstmädchen – hätten vollständig genügt; sie hätten ihre Arme nur unter seinen gewölbten Rücken schieben, ihn so aus dem Bett schälen, sich mit der Last niederbeugen und dann bloß vorsichtig dulden müssen, dass er den Überschwung auf dem Fußboden vollzog, wo dann die Beinchen hoffentlich einen Sinn bekommen würden. Nun, ganz abgesehen*

davon, dass die Türen versperrt waren, hätte er wirklich um Hilfe rufen sollen? (F. Kafka, Die Verwandlung). – Двух сильных людей – он подумал об отце и о прислуге - было бы совершенно достаточно; им пришлось бы только, засунув руки под выпуклую его спину, снять его с кровати, а затем, нагнувшись со своей ношей, подождать, пока он осторожно перевернется на полу, где его ножки получили бы, надо полагать, какой-то смысл. Но даже если бы двери не были заперты, неужели он действительно позвал бы кого-нибудь на помощь? (Ф. Кафка, Превращение).

Переводчик на русский язык, работавший над этим отрывком, передал будущее время и оттенок сомнения, но мы, погрузившись в контекст, можем предложить несколько другой вариант интерпретации – неужели ему действительно **пришлось** бы звать на помощь? Можно предположить, что говорящий сомневается не в чьей-то рекомендации, а в непреложной необходимости звать на помощь, что является функцией глагла *müssen*.

При анализе отрывков произведений в НКРЯ встретились примеры, где семантику возможности передаёт не глагол *können*, а *sollen*.

(26) *Er musste näher an diesen Duft heran. Er überlegte, ob er einfach durch die Toreinfahrt in das Anwesen eindringen sollte. Aber da waren unterdessen so viele Leute mit dem Abladen und dem Kontrollieren der Fässer beschäftigt, dass er sicher aufgefallen wäre* (P. Süskind, Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders). – Его потянуло приблизиться. Он подумал, **нельзя ли** попытаться проникнуть в усадьбу просто через арку ворот. Но там столько людей занималось разгрузкой и проверкой бочек, что он наверняка привлёк бы к себе внимание (П. Зюскинд, Парфюмер: История одного убийцы).

Здесь говорится о том, что герой размышляет, *есть ли возможность* безопасно пробраться через это место.

В художественном дискурсе редко, но всё же встречаются предложения, в которых *sollen* выражает деонтическую модальность в аспекте пожелания кому-то чего-то позитивного или негативного (по типу предложений *Hoch soll er leben!* – Пусть...), например, (27):

(27) *Sie sind mir verhasst, Hélène Kohler, ich kann Sie nicht mehr riechen, denn Sie stinken nach Mord wie Ihr hündischer Vater und nicht nur nach Schnaps und Hurerei wie ich. Sie **sollen** lebendigen Leibes verfaulen, ich wünsche Ihnen den Krebs in Ihre werte Gebärmutter, denn kämen Sie mit einem kleinen Stüssi-Leupin nieder, ginge es mit unserer Welt zu Ende, sie wäre zu zerbrechlich, ein solches Monstrum zu tragen* (F. Dürrenmatt, Justiz). – Вы ненавистны мне, Элен Колер, я вас теперь на дух не переношу, от вас, как и от вашего поганого папеньки, разит убийством, а не водкой и распутством, как от меня. **Желаю вам** сгнить заживо, Элен Колер, желаю вам заполучить рак в вашу драгоценную матку, потому что, если вам удастся произвести на свет маленького Штюсси-Лойпина, нашей земле придет конец, уж слишком она хрупкая, чтобы носить на себе такое чудище (Ф. Дюрренматт, Правосудие).

С одной стороны, говорящий высказывает своё мнение относительно того, что должно произойти с этой женщиной, но так как он произносит это ей в лицо в прямой речи, получается, что это его пожелание ей, и он даже сам употребляет в том же предложении глагол *wünschen* – желать. Точно так же проинтерпретирован этот отрывок и в переводе – «желаю вам сгнить...». Это примеры изоморфизма глаголов *sollen* и *wollen*.

Sollen обладает значением передачи чужой речи, то есть указывает на то, что сказанное является мнением другого человека, а не говорящего, и говорящий дистанцируется от этих слов. В следующем примере (28) как раз это явление – кроме вводной конструкции «Jetzt hieß es...» («Если верить слухам...» в русском переводе) писатель также употребляет и форму Конъюнктив I *solle*, чтобы дополнительно подчеркнуть дистанцирование говорящего от этой информации из-за высокой степени неуверенности в истинности сказанного.

(28) *Einmal war er Olympiasieger im Fechten – weshalb man ihn den Olympia-Heinz nannte – einmal Schweizermeister im Pistolenschießen gewesen und war immer noch ein bekannter Golfspieler, einmal hatte er eine Galerie geführt, die nicht rentierte. Jetzt hieß es, er **solle** der Hauptsache nach Vermögen verwalten. Ich*

grüßte, sie nickten (F. Dürrenmatt, Justiz). – Когда-то он был олимпийским чемпионом в фехтовании, за что и получил прозвище Хайнц Олимпиец, когда-то он стал чемпионом Швейцарии по стрельбе из пистолета, а известным игроком в гольф он оставался до сих пор; еще когда-то он содержал картинную галерею, которая не окупалась. Теперь же, если верить слухам, он преимущественно управлял чужими капиталами. Я поздоровался, они кивнули (Ф. Дюрренматт, Правосудие).

В некоторых случаях глагол *sollen* может употребляться в функции глагола *dürfen*, как, например, в (29). Детям *не позволено* чувствовать и вести себя свободно:

(29) *Den Kindern von Nichtkönigen oder Nichtmillionären, jedenfalls den Jungen, wird zuerst einmal zugebrüllt: «Du bist hier nicht zu Hause», eine dreifache Unterstellung, weil vorausgesetzt wird, dass man sich zu Hause wie ein Schwein benimmt, dass man sich nur wohlfühlt, wenn man sich wie ein Schwein benimmt, und dass man sich als Kind um keinen Preis wohlfühlen soll* (H. Böll, Ansichten eines Clowns). – На некоролевских и немиллионерских детей, особенно если это мальчики, все орут: «Здесь ты не дома», трижды ложная педагогическая посылка: во-первых, устанавливается, что дома дети ведут себя как свиньи, во-вторых, предполагается, будто дети чувствуют себя хорошо, только если они ведут себя как свиньи, и, в-третьих, ребенку внушают, что ему нигде **не разрешено** чувствовать себя хорошо (Г. Бёлль, Глазами клоуна).

Анализ представленных выше и аналогичных примеров подтверждает, что глагол *sollen* может реализовывать не только своё основное модальное значение обязанности, предписания, но и значения, которые обычно соотносятся с другими модальными глаголами. Среди 500 проанализированных примеров с глаголом *sollen* случаев его изоморфизма отмечено 107.

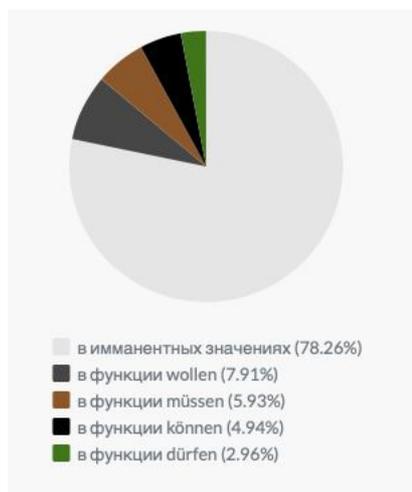

Рис. 4. Соотношение случаев употребления глагола *sollen* (%)

Итак, основные значения глагола *sollen* следующие – выразить рекомендацию, указание, требование исполнения правил, норм, приличий, предписаний. В особом контексте *sollen* также выражает вежливую просьбу, будущее время, определенную степень сомнения говорящего, пожелание, возможность, служит передаче чужой речи. Некоторые из этих значений являются периферийными для *sollen*, а другие относятся к сфере функционирования других модальных глаголов.

2.1.5. Глагол *dürfen*

Изначальное значение модального глагола *dürfen*, согласно данным этимологического словаря Герхарда Кёблера – нуждаться. В настоящее время такое значение уже считается устаревшим, но оно сохранилось у современного глагола *bedürfen*. Значение «нужды» является для *dürfen*, таким образом, изначальной, предмодальной семантикой, которая сформировалась в конце древневерхненемецкого периода [Köbler, Deutsches Etymologisches Wörterbuch: URL]. Этимологический словарь под редакцией В. Пфайфера подтверждает эту гипотезу [Etymologisches... 2018: 215], а в словаре Аделунга дано больше информации – раньше для глагола *dürfen* было характерно значение «посметь, осмелиться, отважиться», хотя также есть версия, что это

не одно из старых значений *dürfen*, а отдельный, также претерито-презентный, глагол *türren* «сметь, осмеливаться, отваживаться», который из-за звукового сходства смешался с *dürfen*. В качестве второго исторического значения *dürfen*, помимо «посметь», указано «иметь власть что-то сделать, иметь позволение, полномочия» – то есть значение, которое считается актуальным и на данный момент [Grammatisch-Kritisches Wörterbuch: URL].

Важный момент в историческом развитии значений глагола *dürfen* заключается в том, что у него полностью сменилась сфера модального функционирования – от обозначения модальности необходимости *dürfen* перешёл к выражению модальности возможности, что будет проиллюстрировано ниже, когда проанализируем словарные статьи толковых словарей современного немецкого языка. Не все учёные готовы прокомментировать такое смещение модального значения, например, для составителей этимологического словаря Wahrig процесс формирования современного значения остается неясным [Wahrig Herkunftswörterbuch: URL], а составители уже упомянутых выше этимологических словарей Аделунга и Герхарда Кёблера связывают этот феномен с употреблением *dürfen* в отрицательных конструкциях. С учётом общих тенденций, имевших место в немецком языке – а именно смены прямого отрицания на косвенное, – исследователи предполагают, что изначально глагол *dürfen* употреблялся только с отрицанием, а в результате влияния *negatio obliqua* стал употребляться без отрицания, но смысл самого предложения при этом не менялся – предложение оставалось отрицательным. Раньше отрицание ставилось с глаголом, а позднее с отрицанием стал употребляться другой член предложения (*notwendig, dass nicht...* «нужно, чтобы не...» → *nicht notwendig, dass* «не нужно, чтобы...»), и именно в таких контекстах осуществлялся переход от значения необходимости в значение возможности [DWDS: URL].

Как уже было упомянуто выше, на данный момент для *dürfen* актуальным и основным является значение возможности – мочь, имея право. Представленные в словарных статьях значения глагола *dürfen* следующие:

- иметь разрешение, дозволение;
- быть вправе делать что-то;
- часто этот глагол употребляется в высказываниях с отрицанием, содержащих пожелание или просьбу;
- *dürfen* смягчает однозначные утверждения, выражает степень вероятности;
- *dürfen* в значении «нуждаться» считается устаревшим [DWDS: URL] [Duden 2001: 415] [Wahrig 2000: 253].

В.А. Мазурова приблизительно формулирует инвариантное значение *dürfen* – допустимость/недопустимость любого рода: с точки зрения морали, законов, собственных интересов и т.д. (в русском языке регулярно повторяющимися лексическими средствами выражения данного значения являются предикативы «можно/нельзя» и глагол «мочь») [Мазурова 2005: 11].

Рассмотрим основные и дополнительные контекстные функции глагола *dürfen* на примерах из художественных текстов. Как было показано выше, разрешение, право на что-то или, наоборот, запрет – основное модальное значение *dürfen*, актуальное в современном немецком языке (в настоящем материале это 410 примеров из 500). Такая реализация *dürfen* представлена в представленном ниже фрагменте:

(30) *Vielleicht richtet sich die göttliche Fügung überhaupt nicht auf mich, sondern gegen Pelissier! Das könnte sehr wohl möglich sein! Wie anders nämlich wäre Gott imstande, Pelissier zu strafen, als dadurch, dass er mich erhöhte? Mein Glück wäre infolgedessen das Mittel göttlicher Gerechtigkeit, und als solches **dürfte** ich nicht nur, ich müsste es akzeptieren, ohne Scham und ohne die geringste Reue...* (P. Süskind, *Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders*). – Может, кара Божья ожидает вовсе не меня, а Пелисье! Это весьма и весьма возможно! А чем же еще Господь сумел бы покарать Пелисье, как не моим возвышением? Следовательно, мое счастье есть орудие промысла Божия, и я не только **имею**

право, я обязан его принять как таковое, без стыда и раскаяния... (П. Зюскинд, Парфюмер: История одного убийцы).

Этот пример представляет нам не только подчеркнутое и очевидное употребление глагола *dürfen* в основном значении, но и его контекстное противопоставление глаголу *müssen*: герой рассуждает, что принять свою счастливую судьбу ему не просто позволено, а он даже обязан это сделать.

Следующий отрывок содержит описание социальной и политической ситуации в стране, и такой фрагмент как нельзя более подходящий для демонстрации значения права на совершение действия без негативных последствий.

(31) *Wichtig ist, dass die Wahrheit gesagt werden kann und dass man den Kampf für sie führen darf und nicht gleich nach Witzwil kommt. Das ist in der Schweiz möglich, wir wollen das ruhig zugeben und auch dankbar dafür sein, wir haben uns vor keinem Regierungs – und Bundesrat zu fürchten, oder wie die Räte alle heißen. Freilich, es muss mancher dabei in Lumpen gehen und lebt etwas ungemütlich ins Blaue hinein. Dass dies eine Schweinerei ist, gebe ich zu* (F. Dürrenmatt, Der Verdacht). – Для этого нужно больше, чем одно поколение; и когда, наконец, его построят, он будет не лучше, чем старый. Важно то, что можно сказать правду и что ради нее **можно** бороться – и за это не попадешь в тюрьму. В Швейцарии это возможно, мы должны это признать и быть благодарны за то, что можем не бояться ни государственного, ни кантонального, никаких других советов. Конечно, многим за это придется ходить в лохмотьях и жить в нищете. Признаю, это свинство (Ф. Дюрренматт, Подозрение).

В этом примере интересно то, как употреблены в одном предложении и с очень близким значением модальные глаголы *können* и *dürfen*. Переводчик использует для выражения на русском языке одинаковое слово – «можно», но оттенок значения у двух немецких глаголов разный, хотя и кажется, что они синонимичны. В отношении правды сказано только, что она «может быть произнесена» (*kann gesagt werden*), то есть в Швейцарии есть физические,

медийные и иные условия для этого; а в отношении говорящего субъекта – что за правду для него не будет никаких негативных последствий, то есть даётся общественное разрешение на высказывание правды.

Представленный выше случай употребления *dürfen*, хотя и демонстрирует его употребление в основном значении, позволяет нам логически перейти к контекстной функции данного глагола. Если в (31) речь шла об «общественном разрешении» на говорение правды, то в (32) глагол *dürfen* выражает мысль о недопустимости действия из соображений безопасности.

(32) *Das ist nun einmal unsere Aufgabe, dass wir die Unmenschlichkeit in jeder Form und unter allen Umständen bekämpfen. Aber es ist nun eben wichtig, wie wir kämpfen, und dass wir auch ein wenig klug dabei vorgehen. Der Kampf gegen das Böse darf nicht ein Spiel mit dem Feuer sein. Doch gerade Sie, Fortschig, spielen mit dem Feuer, weil Sie einen guten Kampf unklug führen, gleich einem Feuerwehrmann, der Öl spritzt statt Wasser. Wenn man die Zeitschrift liest, die Sie herausgeben, dieses armselige Blättchen, meint man gleich, die ganze Schweiz müsse abgeschafft werden. Dass in diesem Lande vieles — und wie vieles! — nicht in Ordnung ist, davon kann ich Ihnen doch auch ein Lied singen, und ein wenig grau geworden bin ich schließlich auch darüber* (F. Dürrenmatt, Der Verdacht). – Это наша задача – бороться с бесчеловечностью в любой форме и при любых обстоятельствах. Не менее важно, как мы боремся и насколько умно мы это делаем. Борьба со злом **не должна** превращаться в игру с огнем. И именно вы, Форчиг, ведете игру с огнем, потому что боретесь неумными методами, вы уподобляетесь пожарнику, заливающему огонь вместо воды маслом. Когда читаешь ваш жалкий листок, то кажется, что всю Швейцарию необходимо упразднить. Я вам могу пропеть длинную песню о том, что в этой стране многое и многое не в порядке и что это одна из причин, от которых я поседел (Ф. Дюрренматт, Подозрение).

Характерно, что в (32) *dürfen* употреблён с отрицанием, а, как было отмечено выше, именно употребление в контекстах с отрицанием раньше, в

истории немецкого языка, уже привело к тому, что *dürfen* стал использоваться для выражения не характерного для него изначально типа модальности. Так и здесь выражаемое значение – не модальность возможности, типичная для *dürfen* на данный момент, а скорее долженствование, необходимость соблюдения меры предосторожности. Если неразумно превратить борьбу со злом в игру с огнём, то всех ждёт самое худшее. Это пример изоморфизма глаголов *dürfen* и *müssen*.

В интерпретации следующего примера (33) на русском языке подчёркивается не позволение и право на действие, а своего рода обязательство, то есть опять же выражается хрестоматийно не зафиксированный для современного *dürfen* тип модальности, а тип модальности, характерный для выражения через *sollen*.

(33) *Erika durfte sich neben die Großmutter setzen, und Ida nahm, ohne die Rückenlehne zu benützen, auf einem Sessel Platz und begann zu häkeln* (Th. Mann, Buddenbrooks). – Эрику усадили рядом с бабушкой, Ида присела на кончик кресла и взялась за рукоделие (Т. Манн, Будденброки).

Конечно, то, как текст оригинала был воспринят переводчиком – его субъективное восприятие и творческий процесс передачи мыслей на языке перевода. Однако, то, что подобный случай не единственный, даёт основания полагать, что предмодальная семантика глагола *dürfen* и присущая ему первичная модальная семантика из сферы модальности необходимости проявляются до сих пор – корни этого в истории развития немецкого языка и в этимологических связях между модальными и немодальными глаголами.

В следующем примере (34) *dürfen* передает идею убеждения, употребляясь также в функции глагола *sollen*, но в другой ситуации:

(34) *Frau Gast öffnete. Ach, dich habe ich ja ganz vergessen! «Nochmals meinen herzlichsten Glückwunsch zum Geburtstag», sagte Pünktchen. Darf man näher treten? – dann kam Anton und begrüßte sie und den Dackel. Weiße Haare kann man deinetwegen kriegen! – sagte sie vorwurfsvoll. «Wir haben dich gesucht wie eine Stecknadel»* (E. Kästner, Pünktchen und Anton). – Фрай Гаст открыла

дверь. – Ах, про тебя-то я и забыла! – Еще раз примите мои самые сердечные поздравления, – благовоспитанно проговорила Кнопка. – **Может быть, нам стоит** познакомиться поближе? Тут появился Антон и приветствовал Кнопку и Пифке. – Из-за тебя и поседеть можно! – с укоризной сказала Кнопка. – Мы как безумные тебя искали (Э. Кестнер, Кнопка и Антон).

Отличительные черты фрагмента (34) – ситуация диалога. Глагол *dürfen* звучит мягко и вежливо, но при этом служит действенным способом убеждения собеседника. Мягкость и не слишком высокая интенсивность настойчивости глагола *dürfen* послужила тому, что он стал употребляться во многих устойчивых конструкциях вежливости в речи. В таких фразах обычно нет реального запроса на разрешение, но есть принятая в языке обходительная и деликатная форма, например, (35):

(35) *Ungestümes Klopfen. Dann: Angelina! Mirjam wollte gehen; ich hielt sie zurück: «Darf ich vorstellen: die Tochter eines lieben Freundes – Frau Gräfin». «Nicht einmal vorfahren kann man mehr. Überall das Pflaster aufgerissen. Wann werden Sie einmal in eine menschenwürdige Gegend siedeln, Meister Pernath?» (G. Meyrink, Der Golem).* – Громкий стук в дверь, и...Ангелина! Мириам хотела уйти, но я удержал ее. **Позвольте** представить: дочь моего друга... графиня... Невозможно проехать. Всюду испорчена мостовая. Когда же поселитесь в достойном вас месте, майстер Пернат? (Г. Майринк, Голем).

Подобные (35) фрагменты характеризуются изоморфизмом *dürfen* и *wollen*. Следующий пример (36) также демонстрирует употребление *dürfen* в составе устойчивой фразы «*Darf ich bitten*», в которой, разумеется, непосредственно словарное модальное значение *dürfen* уже стёрто, наблюдается феномен изоморфизма *dürfen* и *wollen*:

(36) *Ein Wagen wurde sichtbar, in dem ein vornehm gekleideter älterer Herr an der Seite einer etwas jüngern üppigen und geschminkten Dame saß. Der Marchese, flüsterte Olivo seinem Begleiter zu, er ist auf dem Wege zu mir. Der Wagen hielt. Guten Abend, mein trefflicher Olivo, rief der Marchese, darf ich Sie bitten, mich mit dem Chevalier von Seingalt bekanntzumachen? Denn ich zweifle*

nicht, dass ich das Vergnügen habe, mich ihm gegenüber zu sehen. Casanova verbeugte sich leicht. Ich bin es, sagte er. Und ich der Marchese Celsi, – hier die Marchesa, meine Gattin. Die Dame reichte Casanova die Fingerspitzen; er berührte sie mit den Lippen (A. Schnitzler, Casanovas Heimfahrt). – Показалась карета, где сидели хорошо одетый пожилой господин с более молодой пышной и накрашенной дамой. – Маркиз, – шепнул Оливо своему спутнику. – Он едет ко мне. Карета остановилась. – Добрый вечер, дорогой Оливо! – воскликнул маркиз. – **Не познакомите ли** вы меня с шевалье де Сенгаль? Не сомневаюсь, что имею удовольствие видеть его перед собой. Казанова слегка поклонился: – Да, это я. – А я – маркиз Чельси, а это – маркиза, моя супруга. Дама протянула Казанове кончики пальцев; он прикоснулся к ним губами (А. Шнитцлер, Возвращение Казановы).

Контекст показывает, что после произнесения этой устойчивой фразы говорящий даже не ждёт реакции собеседника, а продолжает говорить. Значит, в предложениях такого типа – вопросительных без вопросительного слова в рамках прямой речи, обращённой к собеседнику, – *dürfen* склонен быть использован для создания более вежливой атмосферы, а не с целью получить разрешение на что-то.

Пример (37) иллюстрирует изоморфизм глаголов *dürfen* и *können*. Речь идёт о том, что женщина не сможет в одиночку справиться со всеми обязанностями, при этом по-немецки эта идея выражена через форму конъюнктива глагола *dürfen*, а не *können*, что было бы логичным.

(37) *Ihre Frau hat Ruhe nötig, besonders in der Nacht, und Mamsell Severin allein dürfte doch wohl nicht ausreichen... wie wäre es mit einer Pflegerin, lieber Senator?* (Th. Mann, Buddenbrooks). – Госпоже Перманедер нужен покой, особенно в ночное время, а мамзель Зеверин одной, конечно, не управиться. Что, если бы взять сиделку, любезный господин сенатор? (Т. Манн, Будденброки).

Анализ представленных выше и аналогичных примеров подтверждает, что глагол *dürfen* может реализовывать не только своё основное модальное

значение возможности, но и значения, которые обычно соотносятся с другими модальными глаголами. Среди 500 проанализированных примеров случаев изоморфизма *dürfen* отмечено 90.

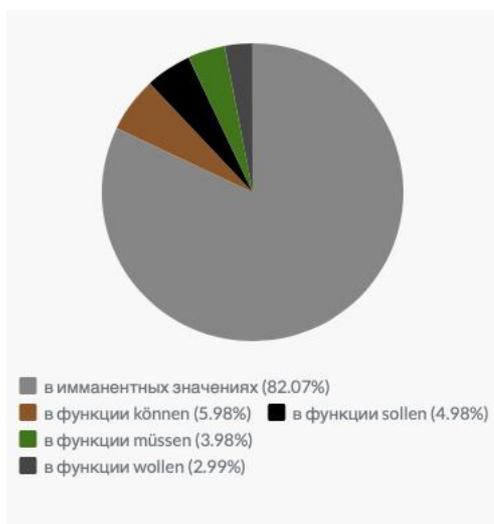

Рис. 5. Соотношение случаев употребления глагола *dürfen* (%)

Итак, основное значение *dürfen* – выражение семантики возможности на основе того, что кто-то имеет разрешение, позволение или право на действие, то есть в связи с третьей стороной, третьим лицом. Этот глагол имеет и много контекстных функций – в первую очередь, это дополнительные оттенки вежливости, которые *dürfen* придаёт высказыванию, а также – что кажется необычным, но объясняется историей развития значений глагола *dürfen* и его этимологической взаимосвязи с другими модальными глаголами, – употребление его для выражения совершенно иного типа модальных отношений – долженствования.

2.1.6. Глагол *mögen*

Глагол *mögen* имеет глубокие индоевропейские этимологические корни. Первые исторические значения, имевшие место ещё с восьмого века, на которые указывают этимологические словари, это «быть сильным, властным, быть в состоянии, мочь, иметь возможность». В этимологических словарях (например, в этимологическом словаре В. Брауна) приводятся примеры сходно

звучащих корней в разных индоевропейских языках, в том числе и негерманских, например, русский глагол «мочь». В современном немецком языке прослеживается даже связь с *Macht* – власть, а исходное значение *mögen* в почти неизменном виде законсервировалось в современных словах *vermögen*, *möglich*, *Möglichkeit* [Etymologisches... 2018: 540]. Дальнейшее развитие значения *mögen* и его переход от «мочь» к «любить» в словаре Клуге, например, названы «неясными» [Kluge 2002: 627], а в словаре под редакцией В. Пфайфера представлена позиция о том, что такое изменение произошло через употребление *mögen* в конструкциях с отрицанием, начиная с XVI в. [Etymologisches... 2018: 540]. Такая же гипотеза представлена в словаре *Wahrig Herkunftswörterbuch* [Wahrig Herkunftswörterbuch: URL], а составители этимологического словаря под редакцией В. Пфайфера приводят аналогии из литовского языка *magėti* ‘*gefallen, angenehm sein*’, *magùs* ‘*anziehend, lockend*’, где видно, что это, возможно, тот самый корень (в литовском языке сохранились многие древние варианты индоевропейских корней) с теми самыми значениями «нравиться, быть приятным», «быть привлекательным, притягательным» [Etymologisches... 2018: 540].

В толковом словаре немецкого языка Аделунга, где перечислены бывшие актуальными в XVII-XVIII вв. значения *mögen*, написано, что этот глагол означает «*sowohl können, als wollen*», то есть «как *мочь*, так и *хотеть*». Далее значения раскрываются, имеется в виду «как субъективная, так и объективная сила, власть, возможность, умение что-то делать, не иметь противоречия, не иметь препятствий». Значение, близкое к *wollen*, согласно Аделунгу, при употреблении *mögen* в индикативе, чаще встречается в предложениях с отрицанием, а при употреблении *mögen* в конъюнктиве – в утвердительных предложениях. Значение «иметь причину для совершения действия» уже тогда было названо устаревшим. В сфере торговли употреблялось в основном как сегодняшнее *dürfen*, то есть «иметь разрешение, позволение» [Grammatisch-Kritisches Wörterbuch: URL]. В этом словаре также даётся значение «равнодушия, попустительства, своего рода дозволения» – пусть делает, как

хочет; и эпистемическое значение – предположение, некоторая вероятность события. Такие употребления *mögen* до сих пор имеют место в немецком языке.

Современные значения *mögen*, представленные одновременно во многих толковых словарях, можно сгруппировать и сформулировать так:

➤ Немодальное значение – любить что-то, стремиться к чему-то, симпатизировать чему-то или кому-то.

Модальные значения:

➤ Хотеть чего-то – часто в конъюнктиве, однако, и при употреблении в индикативе, в особенности, в предложениях с отрицанием, может употребляться как синоним *wollen* – иметь склонность, желание и возможность что-то сделать.

➤ Выражение того, что говорящий желает реализации сказанного – соответствует русскому «хоть бы!».

➤ Выражение того, что говорящий не против реализации сказанного, допускает это; при этом говорящий никогда не является в этом случае грамматическим субъектом предложения; соответствует русским конструкциям типа «пусть делает, что хочет».

➤ Выражение того, что названное событие имеет определенную долю вероятности – предположение; часто указывают, что в этом значении *mögen* очень близок к *können*, так как тоже выражает надежду, предположение, возможность. [Duden 2001: 1093] [Wahrig 2000: 640-641] [DWDS: URL].

Некоторые особенности употребления и значений *mögen* содержатся в словарных статьях только некоторых толковых словарей, например, в словаре «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» отмечается, что в швейцарском варианте немецкого языка *mögen* синонимичен *können*; также там описано такое его значение, как выражение требования – в таком случае *mögen* уже выступает как синоним *sollen* («пусть кто-то что-то сделает») [Duden 2001: 1093]. В словаре немецкого языка «Wahrig» в подпункте немодального

употребления *mögen* отдельно указано значение «охотно/неохотно есть какую-то еду» [Wahrig 2000: 640-641].

Грамматические справочники по-разному подходят к вопросу о том, каким образом включать *mögen* в число модальных глаголов. Например, в книге по немецкой грамматике «Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache» К.-Э. Зоммерфельдта и Г. Штарке в число *modale Hilfsverben*, то есть «модальных вспомогательных глаголов», модализирующих отношения между субъектом и выражаемым смысловым глаголом действием в аспектах необходимости, воли, возможности, желания, способности или неизвестности, включен *mögen* [Sommerfeldt, Starke 1992: 55]. В книге «Grundriss der deutschen Grammatik» при перечислении немецких глаголов, неоспоримо являющихся модальными, назван в том числе и *mögen*, а в следующей группе – группе спорных случаев, то есть тех глаголов, по поводу которых мнения исследователей расходятся, модальные они или нет – присутствует форма *möchten*. Авторы делают оговорку, что как такового инфинитива *möchten* ещё не существует, а в списке он приведён лишь как наименование лексической парадигмы [Grundriss... 2001: 90]. Относительно *möchten* есть много разногласий, во-первых, по поводу того, считать ли его отдельным глаголом, а не только формой глагола *mögen*. Например, в указанном выше источнике написано, что *möchten* «этимологически родственен глаголу *mögen*», значит, авторы его считают отдельным глаголом. Они ссылаются на изданную в 1896 г. грамматику Блатца, где, согласно их цитате, *möchten* ещё не был никак отдельно представлен, а был лишь формой конъюнктива глагола *mögen*. Сегодня же, по мнению авторов грамматики Grundriss, конструкция «*ich möchte...*» в немецком языке однозначно воспринимается как настоящее время, и значит не то же самое, что «*ich mag*». В пользу того, что это всё-таки до сих пор единый глагол, приведён только тот аргумент, что у *mögen* и *möchten* совпадают некоторые формы – например, претеритум «*ich mochte*» [Grundriss... 2001: 90].

Вопросу *mögen* и *möchten* и их разграничению посвящены отдельные научные исследования. Например, в статье «*Möchten ist nicht mögen: ein siebtes Modalverb im Deutschen*» (*Möchten* – это не *mögen*: седьмой модальный глагол в немецком) автор А. Нэф с опорой на корпусные исследования утверждает, что в современном немецком языке *mögen* и *möchten* далеко разошлись на морфологическом, синтаксическом и прагматическом уровнях [Näf 2011: 127].

Обычно считается, что в силу семантики модальные глаголы, хотя и используются часто для выражения требований, запретов и разрешений, всё же не имеют и не могут иметь формы императива, однако авторы грамматики Grundriss говорят, что для глаголов *mögen*, *wollen* и формы *möchten* «можно представить себе императивное употребление», потому что «вполне имеет смысл требовать от человека хотеть чего-то определенного». При этом они не приводят никакого конкретного примера такого императива [Grundriss... 2013: 91]. А.Л. Зеленецкий и О.В. Новожилова, говоря о предложениях с императивно-оптативным презенсом конъюнктива, приводят такой пример: *Möge unsere Heimat gedeihen!* – Пусть наша Родина процветает!, при этом форма императива сохраняется и в варианте предложения с безличным субъектом *es*: *Es möge unsere Heimat gedeihen!* [Зеленецкий, Новожилова 2003: 78]. *Möge er im Frieden ruhen!* – также распространенная формула высокопарного императива.

Глагол *mögen* – многозначный ввиду своей этимологии и предмодальной семантики, в которой смешаны и «мочь», и «желать». Сегодня *mögen* имеет значения «хотеть» (волитивный модус) и «любить» (эмотивный модус). В эпистемическом употреблении он значит «вероятность, возможность», при этом степень вероятности выше, чем у глагола *können* в эпистемическом употреблении, но ниже, чем у *müssen* и *dürfen* [Grundriss... 2001: 97]. В эпистемическом употреблении *mögen* чаще встречается в текстах письменной речи и помимо степени вероятности передает оттенок того, что данная информация не имеет большого значения: *Das mag alles so sein und seine Richtigkeit haben.* – Это может быть так и может иметь место.

Эпистемическому употреблению *mögen* (а также *müssen*) посвящено исследование Д. Гамона [Gamon 1994]. В волитивном употреблении, то есть в ситуациях, когда говорящий высказывает своё личное желание и волеизъявление, *mögen* звучит вежливее, чем конструкции с *wollen*: авторы сравнивают *Ich möchte jetzt gerne gehen. – Ich will jetzt gehen* [Kleine Enzyklopedie 2001: 1894]. В эпистемическом употреблении *mögen* находится в сфере «возможности», а не «долженствования», в волитивном употреблении находится в сфере «долженствования», причем в цитируемой нами грамматике он везде записан в виде сразу двух форм – *mögen/möchte*, чего нельзя сказать ни об одном другом модальном глаголе – они все представлены только своими инфинитивами [Kleine Enzyklopedie 2001: 1910].

В.А. Мазурова приблизительно формулирует инвариантное значение *mögen* – желание (хотеть, хотеться), либо возможность (мочь) [Мазурова 2005: 11].

Обратимся к примерам употребления глагола *mögen* в художественном дискурсе в разных функциях. Первое значение, которое, говоря о *mögen*, сразу следует отделить от остальных – немодальное. Этот глагол чаще других модальных глаголов употребляется в современном немецком языке в своём немодальном значении «любить, симпатизировать»:

(38) *Vor uns liegen sehr gefährliche Zeiten und es ist wichtig, dass wir zusammenhalten, du und ich! Ich... ich mag dich wirklich gern* (К. Гир, Smaragdgrün). – Нас ждут опасные времена, и очень важно, чтобы мы держались вместе, ты и я! Я... ты мне правда очень **нравишься** (К. Гир, Изумрудная книга).

В примере (38) дополнение выражено не инфинитивом основного смыслового глагола, как это обычно бывает в случае с модальными глаголами, а существительным в винительном падеже, как в случаях с немодальными переходными глаголами, например, *lieben* ‘любить’ или *gern haben* ‘симпатизировать’. В эмпирическом материале данного исследования случаев немодального употребления *mögen* было 216 из 500.

Далее примеры употребления *mögen* в его основном модальном значении – он передаёт желание говорящего. Для выражения желания *mögen* часто употребляется в форме конъюнктива, как было указано выше. Считается, что для выражения желания говорящего *mögen* звучит вежливее, чем *wollen* [Kleine Enzyklopedie 2001: 1894]. Нам представляется, что выбор в пользу *möchte*, а не *will* совершается не только из соображений вежливости речи, а и для того, чтобы передать менее интенсивное желание, придать ему меньшую силу. Эта тенденция демонстрируется в примере (39).

(39) «*Diese Steinfeldler*», – *sagte Stella*, «*die möchte ich einmal sehen*» (S. Lenz, Schweigeminute). – Такие каменные поля, – сказала Стелла, – мне **хотелось бы** разок увидеть (З. Ленц, Минута молчания).

Интересно отметить случаи имплицитной, вежливой императивности значения глагола *mögen*, как у глагола *sollen*, например (40):

(40) *Aber den Vorhang möchte ich auf der Seite. Und das Fenster offen* (F. Dürrenmatt, Der Verdacht). – Отодвиньте в сторону занавес и откройте окно (Ф. Дюрренматт, Подозрение).

Говорящий эту реплику формально высказывает своё желание, но прагматика высказывания интерпретируется и переводчиком, и нами однозначно как повелительное наклонение, требование к работникам. Можно было бы подумать, что дело в разнице культур и в том, как вежливые немецкие фразы воспринимают и передают средствами русского языка носители русского языка (например, переводчики). Но такая же формулировка встречается и в обратных случаях, где изначально мысль была сформулирована на русском языке, в произведении М. Фрая, а далее воспринята и воспроизведена на немецком языке в тексте перевода:

(41) Для начала займемся расстановкой точек над некоторыми фундаментальными «i» (М. Фрай, Чужак). – *Vorab möchte ich ein paar grundlegende Dinge sagen* (M. Frei, Der Fremdling).

В представленных выше примерах (40) и (41) *mögen* употреблён в форме конъюнктива претеритум, но это не единственная форма данного модального

глагола, которая может передавать значение приказа. Также *mögen* может быть в форме конъюнктива презенс. Это значение характерно для глагола *sollen*, то есть, можно сказать, что *mögen* в этих примерах употребляется в значении глагола *sollen*, например, (42):

(42) На последних глотках напитка его и обжёг сердитым взглядом Юрий Сергеевич, ловко ввинтившийся в полуоткрытую дверь и гаркнувший на охранника, **чтобы тот** «обеспечил приватность» (С. Лукьяненко, Спектр). – *Als er die letzten Schlucke trank, traf ihn ein erboster Blick Juri Sergejewitschs, der sich geschickt durch die halb offene Tür geschlängelt hatte und den Wachmann anblaffte, dieser möge dafür sorgen, dass sie ungestört blieben* (S. Lukjanenko, Spektrum).

В примере (42) очевидно, что (er) *möge* значит «пусть он сделает», «он должен сделать», и в переводе следующего отрывка из произведения Г. Грасса также присутствует форма (ich) *möge* – «я должен»:

(43) *Dieser noch zu liefernde Nachtrag scheint ihm, dem Boss, besonders wichtig zu sein: Ich möge mein kleinteiliges Wissen nicht mehr zurückhalten, sondern der Reihe nach von Tullas Fuchs berichten, auch wenn mir dieses aus der Mode gekommene Kleidungsstück zutiefst verhasst sei* (G. Grass, Im Krebsgang). – Эта лиса показалась ему, моему Заказчику, вдруг чрезвычайно выразительной деталью: я, видите ли, **должен** не держать про себя кучу разрозненных заметок, а раскопать в них и связно изложить историю сей украшавшей Туллу лисы, хотя лично мне подобный предмет туалета глубоко ненавистен (Г. Грасс, Траектория краба).

Важно отметить, что представленные фрагменты представляют собой передачу долженствования в косвенной речи, это особенно ярко видно в примере (44):

(44) Так вот, она просила, чтобы я зашел в столовую, передал официантке, чтобы ей ужин в номер принесли (А. Маринина, Игра на чужом поле). – *Nun, sie bat mich, in den Speisesaal zu gehen, um der Bedienung auszurichten, man möge ihr das Abendessen aufs Zimmer bringen* (A. Marinina, Auf fremdem Terrain).

В (44) Это пример изоморфизма глаголов *mögen* и *sollen*.

Выражение именно вежливой просьбы, на наш взгляд, является настолько частотной функцией *mögen*, причём, не только в форме *möchten*, а и в формах индикатива, что может быть выделено в качестве отдельной контекстной функции данного глагола. Это иллюстрирует следующий пример:

(45) *«Im Gegenteil», sagte der mittlere der Herren, «möchte das Fräulein nicht zu uns hereinkommen und hier im Zimmer spielen, wo es doch viel bequemer und gemütlicher ist?»* (F. Kafka, Die Verwandlung). – Напротив, – сказал средний жилец, – **не угодно ли** барышне пройти к нам и поиграть в этой комнате, где, право же, гораздо приятнее и уютнее? (Ф. Кафка, Превращение).

В (45) мужчина предлагает девушке войти и делает это не просто вежливо, а даже в некотором возвышенном стиле, называя её в третьем лице. Следующий пример (46) показывает наряду с просьбой вежливое предложение:

(46) *Ich wollte Sie fragen, ob Sie dieses Zimmer übernehmen möchten? «Ich freute mich, denn es war der intimste und abgelegenste Raum, man hatte darin völlig seine Ruhe und einen schönen Blick in eine Kastanie. «Außerdem sollten Sie Urlaub machen, solange man noch irgendwo Sonne tanken kann», fuhr er fort. Er meinte es gut, aber mir war nicht so recht nach Urlaub zumute* (I. Noll, Der Hahn ist tot). – Я хотел бы спросить вас, как вы смотрите на то, чтобы переехать в этот кабинет и обосноваться в нем? Я обрадовалась, потому что это была самая дальняя, уютная комната. Здесь всегда было тихо, а под окном рос великолепный каштан. – Кроме того, вам бы не помешал отпуск, пока окончательно не похолодало, - продолжал он. Очевидно, шеф хотел сделать мне приятное, но в отпуск я не собиралась (И. Нолль, Мертвый петух).

Интересно, что в (46) использованы сразу два модальных глагола – *wollen* и *mögen*, а далее ещё *sollen*, но для выражения непосредственно предложения автор выбирает именно *mögen* – подобные фрагменты характеризуются изоморфизмом глаголов *mögen* и *wollen*.

Также есть много примеров ситуаций, когда *mögen* помогает говорящему показать своё безразличие, равнодушие, попустительство по отношению к тому, что кто-то что-то сделает, как в (47):

(47) «*Dann **mag** er laufen und Sie will ich nie mehr sehen*», sagte K. wütend vor Enttäuschung und gab dem Studenten einen Stoß in den Rücken, dass er kurz stolperte, um gleich darauf, vor Vergnügen darüber, dass er nicht gefallen war, mit seiner Last desto höher zu springen (F. Kafka, Der Prozess). – Ну и **пусть** убирается, я вас я тоже видеть не желаю, – сказал К. и, разочарованный, злой, изо всех сил толкнул студента в спину; тот споткнулся, но, обрадовавшись, что удержался на ногах, еще выше подскочил на месте со своей ношей (Ф. Кафка, Процесс).

В (47) *mögen* в форме настоящего времени третьего лица единственного числа значит, что говорящий не только не против, но ему даже всё равно, уйдёт ли этот человек. Такие эмоциональные высказывания возможны не только в отношении третьего лица, но и при прямом обращении к собеседнику, например (48):

(48) «*Sie sind dessen unfähig*», sagte er «*ich kenne Sie besser als Sie glauben, und Sie **mögen** schimpfen und mir drohen, soviel Sie wollen, ich sage Ihnen, das Schreckliche an Ihnen ist, dass Sie ein unschuldiger, fast möchte ich sagen, reiner Mensch sind*» (H. Böll, Ansichten eines Clowns). – Вы на это неспособны, – возразил он, – я вас знаю лучше, чем вы думаете; ругайтесь **сколько хотите**, угрожайте мне, я вам все равно скажу: самое ужасное в вас то, что вы человек незащищенный, я даже сказал бы – чистый (Г. Бёлль, Глазами клоуна).

В (48) значение *mögen*, на наш взгляд, смешанное – здесь ощущается не только безразличие, но и уступка – сколько бы вы ни ругались, на меня это не действует. Значение уступки тоже выделено нами как одна из контекстных функций *mögen*.

Следующая контекстная функция глагола *mögen* – выражение желательности определенного события или действия. Пример (49) иллюстрирует это значение. Можно отметить, что в этом значении форма *möge*

часто сопровождается особенным лексическим окружением – в предложении присутствует также немодальный глагол с семантикой желательности, например, *hoffen* – надеяться:

(49) Экспедиция № 3 находится сейчас в этой аудитории. И мне оч-ч-чень хочется надеяться, что ее не постигнет печальная участь второй экспедиции! Я буду и впредь беспощаден к нытикам и паникерам (В. Сорокин, Путь Бро). – Von der Expedition No. 3, die sich nun in diesem Hörsaal zusammengefunden hat, kann ich nur *hoffen*, dass sie das traurige Schicksal der zweiten nicht ereilen **möge!** Nörglern und Panikmachern gegenüber werde ich auch künftig gnadenlos sein (W. Sorokin, Bro).

В (50) интересное сочетание *möchte* и *möge* – в одном предложении есть сразу две функции *mögen* – выражение своего личного желания и общей желательности события:

(50) Одного хочу – чтоб это вечно было (В. Сорокин, Лед). – Möchte nur eins – es **möge** nicht aufhören (W. Sorokin, Ljod. Das Eis).

Mögen в своей этимологии имеет тесную связь с другими модальными глаголами. Особенно ярко это ощущается в его изоморфизме с глаголом *können*. Например, в (51), несмотря на то что *leiden mögen* уже стало устойчивым выражением, *mögen* значит буквально «*можете* ли вы терпеть Антона», а никак не «любить», «хотеть» и т.п., если перечислять все другие словарные значения данного глагола.

(51) *Mögt ihr den Anton gut leiden? Ich hab ihn sehr gern* (E. Kästner, Pünktchen und Anton). – Вам **нравится** Антон? А я его просто люблю (Э. Кестнер, Кнопка и Антон).

В примере (52) глагол *mögen* выступает в функции глагола *müssen*. Очевидно, что переводчик отталкивается от русского контекста ситуации, в которой человек *вынужден* просить о помощи, но для выражения необходимости решить возникшую проблему выбирает не *müssen*, а *mögen*:

(52) *Я не решился послать вам зов, поскольку **вынужден** просить о большой услуге! – с порога заявил сэр Маклук. Одной рукой он держался за*

грудь, другой отчаянно жестикулировал (М. Фрай, Чужак). – Ich wollte nicht per Stummer Rede mit Ihnen in Kontakt treten, denn ich bin in Bedrängnis und **möchte** Sie um einen großen Gefallen bitten, rief Makluk schon am Eingang. Die eine Hand hielt er vor die Brust, mit der anderen gestikulierte er wild umher (M. Frei, Der Fremdling).

Вероятнее всего, переводчик очень хорошо почувствовал прагматику слова «вынужден», и глагол *mögen* помог ему не только передать просьбу о помощи, но и смягчить её, сделав как бы менее настойчивой, что в лингвокультурном плане имеет большое значение для носителей немецкого языка.

При анализе примеров встречаются случаи употребления *mögen* в составе эмоционально окрашенных высказываний в функции глагола *müssen*, например, в (53) явно чувствуется эмотивный компонент раздражения говорящего, который выражается не только лексически и знаками препинания, но и подчёркивается этим глаголом: по сравнению с *müssen* глагол *mögen* смягчает эту эмоцию.

(53) *Was für ein Unwetter mochte draußen sein?* (F. Kafka, Der Prozess). – И что за скверная погода на улице! (Ф. Кафка, Процесс).

На наш взгляд, одинаковое эпистемическое употребление *mögen* и *können* кристаллизовалось в лексике немецкого языка также в виде устойчивого выражения «*mag sein*», с которым в русском языке обычно сопоставляют «может быть». Также есть выражение «*kann sein*», имеющее то же самое значение – вероятность события или действия составляет примерно 50 процентов [Беляева, 2020: 46]. «*Mag sein*» – очень частотное выражение, в эмпирическом материале данного исследования таких случаев был 21. Например, (54):

(54) *Mag sein, dass das Schicksal, nein, der Zufall, nein, die strengen Bedingungen des Versailler Vertrages ihm zu dem modern ausgerüsteten Schiff verholpen haben* (G. Grass, Im Krebsgang). – **Вероятно**, судьба, нет – случай, нет – строгие условия Версальского договора помогли Александру Маринеско

стать командиром этой подводной лодки, созданной по последнему слову военной техники (Г. Грасс, Траектория краба).

Капитану третьего ранга Александру Маринеско было дано в командование подводное судно класса «Сталинец», о котором он мог только мечтать. Это по праву можно считать стечением обстоятельств, судьбой, ведь этот капитан не был у советского руководства на лучшем счету – они не в полной мере оценили его заслуги, хотя и не принижали его. Так как неоспоримых причин доверить капитану такое хорошее судно не было, Г. Грасс использует *mögen* – этот глагол, особенно в сочетании со словами *Schicksal* ‘судьба’, *Zufall* ‘совпадение’, показывает, что вероятность события была, но даже не близкая к ста процентам.

Нередки случаи изоморфизма *mögen* с глаголом *dürfen* в его основном модальном значении обусловленной внешне возможности – то есть права или разрешения, которое имеет субъект на совершение действия, как, например, в следующем фрагменте (55):

(55) *Er ist – und, bitte, der Mann hat vor über zweihundert Jahren gelebt, man möge es ihm nachsehen! – der Ansicht, dass die Handlungen von Frauen ausschließlich von Emotionen bestimmt werden, während Männer sich nur von der Vernunft leiten lassen, und dass es daher besser für mich wäre, wenn meine Zeitsprungpartnerin in mich verliebt wäre, damit ich ihre Handlungen im Zweifel kontrollieren könnte* (К. Гир, Smaragdgrün). – Он считает – и учти, он жил более двухсот лет тому назад, это **можно** извинить, – что действия женщин определяются эмоциями, тогда как мужчины руководствуются разумом, и что поэтому для меня было бы лучше, если моя партнерша по прыжкам во времени была бы влюблена в меня, чтобы в сложных случаях я мог бы контролировать ее поведение (К. Гир, Изумрудная книга).

Из примера (55) очевидно, что есть основания простить обсуждаемому персонажу его сексизм и стереотипы: говорящий как бы даёт на это разрешение ввиду того, что человек жил очень давно и не мог быть сформирован современной прогрессивной средой. Конечно, смысл,

передаваемый глаголом в каждом предложении, никогда не бывает плоским и односторонним, поэтому здесь присутствуют и другие оттенки – уступка, убеждение.

Хотелось бы отметить еще одну контекстную функцию глагола *mögen* – выражение будущего времени и готовности к совершению действия, что, по сути, тоже является отнесенностью к будущему. В примере (56) это адекватно передано и в переводе: говорящий не хочет повторять ошибок прошлого в будущем.

(56) *Weiter weiß ich vorderhand nichts. – Sag's doch dem Schupo dort. Der nimmt ihn hopp. – Ich mag nicht. Ich habe bei uns in Neustadt was ausgefressen. Da sind sie nun vielleicht scharf auf mich* (E. Kästner, *Emil und die Detektive*). – **Не буду.** В Нойштадте был у меня один случай... короче, в полиции ко мне могут отнестись с подозрением (Э. Кестнер, *Эмиль и сыщики*).

Анализ представленных выше и аналогичных фрагментов подтверждает, что глагол *mögen* может реализовывать не только своё основное модальное значение возможности или желания, но и значения, которые обычно соотносятся с другими модальными глаголами. Среди 500 проанализированных примеров с глаголом *mögen* случаев его изоморфизма отмечено 75.

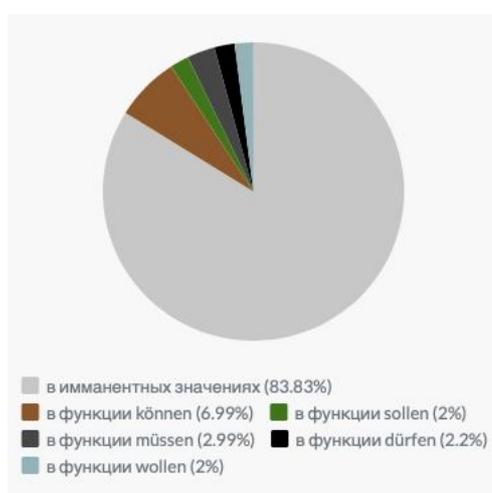

Рис. 6. Соотношение случаев употребления глагола *mögen* (%)

Итак, основные модальные значения глагола *mögen* следующие – желание, безразличие и попустительство, определенная степень уверенности говорящего. В особом контексте *mögen* также выражает вежливую просьбу, будущее время, желательность, служит передаче чужой речи – в основном как побуждение к действию. Некоторые из этих значений являются периферийными для *mögen*, а некоторые – относятся к сфере функционирования других модальных глаголов.

2.2. Изоморфизм как семантико-функциональный феномен немецких модальных глаголов

2.2.1. Маркеры изоморфизма модальных глаголов

Как показывает анализ, причины подвижности границ между типами модальности и способами их выражения кроются в этимологии и истории развития немецких модальных глаголов и в современном немецком языке во многом определяются контекстом их употребления. На это обращают внимание как зарубежные, так и отечественные германисты. Так, А.В. Аверина выделяет ряд синтаксических признаков, которые влияют на семантику модальных глаголов, например, в некоторых типах придаточных предложений они не могут выражать семантику предположения [Аверина 2010: 303]. Авторы грамматики Duden отмечают, наряду с прочим, что модальный глагол, управляющий перфектным инфинитивом, как правило, употреблён эпистемически, а модальный глагол, управляющий перфектным инфинитивом в будущем времени и сопровождающийся указанием временного ориентира, с наибольшей вероятностью употреблён экстрасубъективно, то есть субъект действия не будет источником модальности [Duden. Grammatik 2009: 1270].

В настоящем исследовании оказались выделены следующие общие маркеры изоморфизма модальных глаголов: тип субъекта действия,

особенности лексического окружения и определенные синтаксические конструкции. Было проанализировано 3000 примеров употребления модальных глаголов, из них 479 примеров отличаются изоморфизмом модальных глаголов – примерно одна шестая часть от общего числа.

Неодушевлённый субъект действия. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на изоморфизм модальных глаголов в предложениях с неодушевлённым подлежащим, в том числе безличным субъектом «es» (52 случая).

Например, в следующем фрагменте из романа современного австрийского писателя Д. Глаттауэра *sollen* теряет свойственную ему семантику предписания, а выражает возможность и условие того, что героиня совершит опечатку: если после буквы «e» следует буква «i», то она ошибётся, – то есть *sollen* выполняет функции глагола *können*.

(57) *Lieber Herr Leike, das ist mir jetzt wirklich überaus peinlich. Ich habe leider einen chronischen «Ei»-Fehler, also eigentlich einen «E»-vor-«I»-Fehler. Wenn ich schnell schreibe, und es soll ein «I» folgen, rutscht mir immer wieder ein «E» hinein* (D. Glattauer, Gut gegen Nordwind).

В произведении австрийской писательницы К. Нёстлингер «Лети, майский жук!» описана ситуация, когда отец самовольно вернулся с войны, и теперь он должен оставаться незамеченным и скрываться дома. *Sollen* выражает здесь семантику долженствования, что свойственно глаголу *müssen*, и желательности – что свойственно глаголу *wollen*. Эта многослойная модальность усиливается частицей **ja**, которая относится к числу лексических маркеров изоморфизма (см. 2.2.1, п. 3).

(58) *Mein Vater blieb immer im Haus. Es sollte ihn ja niemand sehen* (Chr. Nöstlinger, Maikäfer flieg!). – Отец не выходил из дома, чтобы его никто не увидел (К. Нёстлингер, Лети, майский жук!).

В связи с этим вернее был бы следующий вариант перевода: «ведь никто не должен был его видеть», либо «он совсем не хотел попасться кому-либо на глаза». То есть следовало бы передать и прагматику модальной частицы.

В следующем примере (59) использование *sollen* в ситуации возможности адекватно передано и в переводе.

(59) *Es soll schon vorgekommen sein, dass einer aus Angst zum Helden wird. Ich jedenfalls, ich muss zur Juli gehen!* (Chr. Nöstlinger, Maikäfer flieg!). – От страха **можно** сделаться героем. Мне придётся им стать. Я должен идти к Юли (К. Нёстлингер, Лети, майский жук!).

В примере (60) немецкая переводчица однозначно интерпретировала ситуацию в романе Л. Улицкой как (не)возможность совершения действия (в данном случае героине не удастся правильно разложить пасьянс), но взяла для ее передачи глагол *wollen* в значении *können*. В сочетании с неодушевлённым подлежащим он подчёркивает эмоциональный накал ситуации.

(60) Второй месяц не получается. Что-то у меня не сходится (Л. Улицкая, Сквозная линия). – *Seit einem Monat probiere ich daran herum. Sie will einfach nicht aufgehen* (L. Ulitskaja, Die Lügen der Frauen).

Подобные ситуации встречаются часто, например:

(61) Этот хронический дождь, похоже, действительно **зарядил** на сакральные сорок дней (Л. Улицкая, Сквозная линия). – *Dieser chronische Regen schien wirklich die sakralen sieben Wochen dauern zu wollen* (L. Ulitskaja, Die Lügen der Frauen).

Героиня предполагает, что прогноз погоды может оправдаться и дождь действительно будет идти сорок дней.

Неопределённо-личное подлежащее «man». Другой маркер изоморфизма модальных глаголов – их употребление в предложениях, где подлежащее выражено неопределённо-личным местоимением «man». В эмпирическом материале настоящего исследования это 46 примеров.

В (62) герои беседуют о том, что недопустимо, непозволительно бросить подозрение на человека, опираясь лишь на одну фотографию. При этом автор выбирает глагол *können*, а не *dürfen*, хотя по значению подошел бы именно второй: говорящий старается переубедить своего собеседника и говорит о том,

что для того, чтобы подозревать, необходимо иметь более серьезные доказательства, что чётко подмечено в переводе.

(62) *Ich möchte das nicht, verstehst du? Ich bin ein alter Arzt und möchte niemandem Böses getan haben. Dein Verdacht ist ein Wahnsinn. Man kann doch nicht auf eine bloße Fotografie hin einen Menschen einfach verdächtigen, um so weniger, als das Bild nicht viel vom Gesicht zeigt. Und außerdem war er in Chile, das ist eine Tatsache. «Was er denn dort gemacht habe, warf der Kommissär ein. Er habe in Santiago eine Klinik geleitet, sagte Hungertobel* (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Я бы не хотел этого, ты понимаешь? Я старый врач и не хотел бы причинить кому-либо зло. Твое подозрение беспочвенно. **Нельзя** же из-за одной фотографии сразу заподозрить человека, тем более что на ней почти не видно лица. Кроме того, он был в Чили, а это – факт. – Что же он там делал? – спросил комиссар. – Он руководил в Сантьяго клиникой, – сказал Хунгертобель (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

Обезличенное **man** в сочетании с модальным глаголом, как правило, сигнализирует о каком-то обобщении, подведении итога, результате размышлений. И в конкретной модальной ситуации это еще и сигнал о том, что читателю следует внимательнее отнестись к значению используемого автором глагола. Например, в (63) глагол *müssen* выражает не необходимость, своё основное модальное значение, а возможность: главный герой произведения «Хомо Фабер» говорит не о том, что человеку приходится пересматривать свои видеозаписи, а о том, что их можно пересмотреть как фильм, когда уже теряется непосредственная связь с твоей жизнью в реальном моменте.

(63) *Ich filme nichts mehr. Wozu! Hanna hat recht: nachher muss man es sich als Film ansehen, wenn es nicht mehr da ist, und es vergeht ja doch alles – Abschied* (M. Frisch, *Homo Faber*). – Я больше не снимаю. К чему? Ганна права: потом всё это смотришь как фильм; этого всё равно уже нет, и удержать это невозможно... Прощание (М. Фриш, *Хомо Фабер*).

Модальные частицы. К лексическим маркерам изоморфизма немецких модальных глаголов относятся, в первую очередь, усилительные частицы **ja** и **doch**, которые помогают почувствовать прагматику высказывания и определить модальность ситуации. Немецкие лингвисты также называют эти частицы «оттеночными» (*Abtönungspartikeln*). Семантика этих слов проявляется только в контексте, выполняемые функции у каждой конкретной частицы могут быть очень разными в зависимости от контекста [Горбачевская 2005: 22].

Частицы являются незнаменательными словами, они неизменяемы, а их основные функции тесно связаны с процессом коммуникации. Так как частицы не имеют собственного лексического значения, их сущность – выполняемая ими в коммуникации функция. Р.И. Бабаева описывает частицы в рамках прагматических категорий. Частицы играют важную роль в высказывании – они помогают реципиенту понять намерения говорящего правильно. Фокус исследования был направлен в первую очередь на частицы *ja* и *doch*, которые чаще всего встречались в актуальных для нас фрагментах текстов. Р.И. Бабаева пишет, что эти частицы имеют несколько основных функций – делают иллюкцию аргумента более категоричной, усиливая ее, или более мягкой, ослабляя ее. Кроме того, частицы делают высказывание более эмоциональным, придавая ему оттенки удивления, возмущения и т.д. [Бабаева 2008: 21].

Наблюдения подтверждают и дополняют эти тезисы. В ходе исследования встретилось 28 примеров с частицами **ja** и **doch**. **Ja** смягчает эмоциональность высказывания, делая его общим философским рассуждением и обозначая очевидность утверждения, а **doch** однозначно усиливает эмоциональность. Например, в предложении *Komm ja nicht zu spät.* (*Ты уж не задерживайся*) – требование, выраженное императивом, становится предупреждением, а не приказом: тот, к кому обращена эта реплика, уже не раз опаздывал. Подобные высказывания выполняют функцию дополнения и пояснения обстоятельств и предмета разговора. Причем очевидность

дополнительных обстоятельств является частью пропозиции, поэтому в развитии беседы можно предположить дальнейшие разъяснения. В этом разница употребления в данной ситуации частицы **doch**, которая является маркером противоречия и настойчивой уверенности говорящего в своей правоте [Горбачевская 2003: 37-38].

В примере (64) частица *doch* в сочетании с восклицательным характером предложения сигнализирует об усилении модальности, присущей глаголу *dürfen*:

(64) *Das durfte doch wohl nicht wahr sein! Lucas hatte siebenunddreißig Jahre damit verbracht, eine Rätselaufgabe für mich auszuknobeln? Wahrscheinlich würde ich tagelang Buchstaben auszählen müssen* (К. Гир, Smaragdgrün). – О, не может быть! Лукас потратил тридцать семь лет, чтобы составить для меня очередную загадку?! Мне теперь придется дни напролет считать буквы (К. Гир, Изумрудная книга).

В этом примере изоморфизм глаголов *dürfen* и *können*.

В следующем примере в переводе также выбрана частица *doch*, чтобы усилить модальное значение глагола *wollen*:

(65) Не одному же вам идти по степи? Джим останется переночевать, у него здесь много приятелей (С. Лукьяненко, Спектр). – *Schließlich wollen Sie doch wohl nicht allein durch die Steppe marschieren? Jim bleibt nämlich über Nacht bei uns, er hat hier viele Freunde* (S. Lukjanenko, Spektrum).

В этом примере изоморфизм глаголов *wollen* и *sollen*. Так же и в следующем фрагменте присутствует не просто описание возможности, что соответствовало бы модальному значению *können*, а скорее рекомендацию:

(66) *Dann habe ich so etwas wie dich nicht mehr auf dem Gewissen. Ich hätte dich schon längst hinter Schloss und Riegel stecken sollen und dabei einen Fang getan, der mir in ganz Europa hoch angerechnet worden wäre. Du wirst es nicht tun, weil du weißt, wofür ich kämpfe, antwortete der Jude unbeweglich. Du könntest dir doch wirklich einmal so etwas wie Papiere verschaffen, schlug der Alte vor. Ich habe zwar nicht viel übrig für dergleichen; aber irgendeine Ordnung muss in Gottes*

Namen sein (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Будем считать, что моя совесть чиста. Тебе повезло, что я на пенсии. В противном случае я должен бы тебя арестовать. [...] Почему бы тебе не выправить документы? – продолжал старик. – Хотя я сам их не очень чту, однако порядок должен быть во всем (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

В представленном выше примере (66), хотя по-немецки и звучит «Ты можешь сделать себе документы», это скорее можно интерпретировать как рекомендацию или даже попытку уговорить собеседника, так как употреблена усилительная модальная частица *doch*. Доказательством этому служит в том числе глагол с семантикой говорения *schlug vor* ‘предложил’, который следует за прямой речью героя. В этом примере изоморфизм глаголов *können* и *sollen*.

Модальная частица *ja*, напротив, смягчает тон высказывания, делая речь более доброжелательной и менее категоричной, что влияет и на семантику модальных глаголов в таком контексте.

Следующий пример – беседа Анны Карениной и архитектора, в ходе которой оказывается, что Анна разбирается в архитектуре, и они обсуждают, какие недостатки имеет постройка:

(67) Я говорила, что надо было фундамент поднять, – сказала Анна. – Да, разумеется, лучше бы было, Анна Аркадьевна, – сказал архитектор, – да уж упущено. – Да, я очень интересуюсь этим, – отвечала Анна Свяжскому, выразившему удивление к ее знаниям по архитектуре. – Надо, чтобы новое строение соответствовало больнице. А оно придумано после и начато без плана (Л. Толстой, *Анна Каренина*). – *Ich habe gleich gesagt, die Grundmauer müsste höher angelegt werden, sagte Anna. Ja, natürlich, das wäre das beste gewesen, Anna Arkadjewna, versetzte der Baumeister. Aber das ist nun einmal unterlassen. Ja, ich beschäftige mich sehr mit diesem Bau, sagte Anna zu Swijaschski, der sein Erstaunen über ihre Kenntnisse vom Bauwesen ausdrückte. – Das neue Gebäude sollte ja eigentlich in der ganzen Bauart dem Krankenhause entsprechen. Aber der Entschluss, es zu bauen, wurde erst nachträglich gefasst, und der Bau ist dann ohne rechten Plan begonnen worden* (L. Tolstoj, *Anna Karenina*).

Оправдываясь, архитектор признает, что здание должно выглядеть иначе – в немецком переводе употреблён глагол *sollen*, но в сочетании с частицей *ja*, поэтому высказывание звучит не категорично. Это не чей-то приказ и не чья-то воля, а представления героини о здравом смысле: постройки должны сочетаться между собой. Передавая значение долженствования из соображений здравого смысла, *sollen* здесь употреблён в функции глагола *müssen*.

Частица *ja* является маркером вероятного употребления *dürfen* в функции глагола *können* – выражения возможности, о чём свидетельствует следующий пример:

(68) *Die Magd hatte indes einen großen irdenen Krug mit quellkaltem Wasser heraufgebracht, und Casanova wusch sich den ganzen Leib, was ihn sehr erfrischte; dann legte er sein besseres, eine Art von Staatsgewand an, wie er es schon gestern abend getan hätte, wenn er nur Zeit gefunden, die Kleidung zuwechseln; doch war er's nun ganz zufrieden, dass er heute in vornehmerer Tracht als am vergangenen Tag, ja gewissermaßen in einer neuen Gestalt vor Marcolina erscheinen durfte* (A. Schnitzler, *Casanovas Heimfahrt*). – Служанка принесла между тем большой глиняный кувшин холодной родниковой воды, и Казанова вымылся весь, что очень его освежило; затем он надел свое парадное платье, в которое он нарядился бы еще накануне вечером, если бы у него нашлось время переодеться; но теперь он был очень доволен тем, что может явиться перед Марколиной в более достойном виде, чем вчера, и как бы предстать перед нею в новом облике (А. Шницлер, *Возвращение Казановы*).

Казанова рассуждает сам с собой и радуется, что теперь он в свежей и нарядной одежде, а значит, сможет выглядеть в глазах женщины лучше, чем накануне. Здесь речь идет именно о возможности, которую предоставляет ситуация, а не о разрешении.

Инфинитивные конструкции с речевыми глаголами. Модальный глагол обычно является частью составного глагольного сказуемого и дополняется инфинитивом, который является смысловым глаголом

предложения. Была выявлена зависимость изменения контекстной семантики и прагматики модальных глаголов от того, каким именно смысловым глаголом они дополняются в предложении. Л.М. Васильев выделяет следующие группы глаголов: глаголы состояния, движения, речи (актуально для настоящего исследования), деятельности (актуально для настоящего исследования). Последняя группа – глаголы деятельности, – подразделяется на деятельность физическую и психическую [Васильев 1981: 54]. Первая группа – это речевые глаголы, 41 пример в материале исследования.

В примере (69) изоморфизм глаголов *können* и *dürfen*: *können*, инвариантным значением которого является потенциальная модальность, то есть выражение возможности, в сочетании с глаголом *sagen* ‘говорить’, выражает разрешение:

(69) *Zu Mutter **kannst** du Susan Jakowlewna **sagen**, aber du **kannst** es auch lassen* (L. Ulitskaja, Die Lügen der Frauen). – Матушку можно звать Сюзен Яковлевна, а **можно** и никак не звать (Л. Улицкая, Сквозная линия).

В рассказе немецкого писателя В. Борхерта модальный глагол *mögen* сопровождается глаголом *nennen* ‘называть’, и он имеет здесь значение нереализованной возможности.

(70) *Wenn sich dieses Ganze da vor mir, das ich gar nicht Mensch **nennen mag**, dieser nachgemachte Mensch, nicht bewegen würde, könnte man diese Glatze für eine leblose Perücke halten* (W. Borchert, Die Hundeblyume). – Если бы это существо передо мной, которое **невозможно** даже назвать человеком, это подобие человека не двигалось, то его лысину можно было бы принять за безжизненный парик (В. Борхерт, Желтомордик).

Следующий пример (71) тоже содержит глагол *nennen* ‘называть’ и тоже характеризуется изоморфизмом модальных глаголов. Глагол *sollen* здесь выражает желательность: творческие поиски, по мнению говорящего, лучше было бы назвать иначе.

(71) *Eine Generation von Schwätzern würde ihnen nicht ausreichen. Das ungestüme Suchen der Künstlerseele. Sogar Marie glaubte daran. Peinlich, es gibt*

so etwas ähnliches, man sollte es nur anders nennen (Н. Böll, Ansichten eines Clowns). – Одного поколения пустозвонов им явно недостаточно. Бурные порывы творческой души! Даже Мария в это верила. Самое неприятное, что нечто похожее существует на самом деле, только это **следовало бы назвать** иначе (Г. Бёлль, Глазами клоуна).

В ситуации, представленной в (72), есть обязательство – по правилам игры, проигравший обязан рассказать историю. Однако в немецком переводе для выражения данного значения выбран не глагол *sollen*, а *müssen*.

(72) Проигравший **рассказывал** историю – смешную, страшную, веселую, по заказу общества (Л. Улицкая, Сквозная линия). – *Wer verlor, musste eine Geschichte erzählen – lustig, gruselig, komisch, je nach Wunsch der anderen* (L. Ulitskaja, Die Lügen der Frauen).

Одна из граней употребления модальных глаголов на немецком языке – стремление сделать свою речь более вежливой, митигация, коммуникативное смягчение. Внимательное отношение к вопросам речевого этикета – одна из характерных черт культуры немецкоязычных стран, вследствие этого в языке закрепились многие речевые клише с модальными глаголами для выражения вежливости. В первую очередь это касается глаголов *können* и *dürfen*, которые очень часто используются для того, чтобы сделать речь более вежливой. При этом значение самого модального глагола в составе этих фраз не всегда проступает ярко и может пересекаться с границами значений других модальных глаголов. Так, в (73) глагол *dürfen*, во-первых, сигнализирует о намерении говорящего звучать вежливо, а, во-вторых, выражает несвойственные ему модальные значения.

В (73) два шахматиста играют партию, находятся в довольно формальной обстановке, стараясь соответствовать требованиям этикета, хотя они оба раздражены. Игроки обращаются друг ко другу на Вы. Один из шахматистов, чемпион мира, очень гордится своими заслугами в спорте и от этого ведёт себя высокомерно, и в намеренно вежливой, возможно, даже лицемерной форме просит второго игрока не стучать пальцами по столу. При этом он, конечно,

не спрашивает разрешения на то, чтобы попросить об этом, а использует устоявшуюся в языке фразу «*darf ich Sie bitten*», где глагол *dürfen* выражает скорее возможность, и употребляется в функции глагола *können*: могу ли я вас попросить?

(73) *Dr. B., der immer unbeherrschter gewartet hatte, konnte seine Spannung nicht mehr verhalten; er rückte hin und her und begann unbewusst mit den Fingern auf dem Tisch zu trommeln. Abermals hob Czentovic seinen schweren bäurischen Kopf. Darf ich Sie bitten, nicht zu trommeln? Es stört mich. Ich kann so nicht spielen. Ha! lachte Dr. B. kurz. Das sieht man* (St. Zweig, Schachnovelle). – Доктор Б., самообладание которого явно улетучивалось, не мог скрыть своего нервного раздражения. Он ни минуты не сидел спокойно и теперь принялся бессознательно барабанить по столу пальцами. Чентович снова поднял свою тяжелую мужицкую голову. – Могу я просить вас перестать барабанить по столу? Мне это мешает. Я так не могу играть. – Ха... – ответил доктор Б. – Оно и видно! (Ст. Цвейг, Шахматная новелла).

Инфинитивные конструкции с глаголами мышления. Вторая семантическая группа глаголов, являющихся маркером изоморфизма модальных глаголов – глаголы с семантикой умственной и психоэмоциональной деятельности. В эмпирическом материале это 50 примеров. На первом месте по частотности употребления в этой группе стоит глагол *denken* ‘думать’. Сочетание «*denken müssen*» в целом можно интерпретировать как «не мочь не думать о чём-то». Это даёт основание определить семантику модального глагола в этом частотном сочетании как потенциальную модальность, выражение возможности или невозможности.

(74) *Wenn jemand mit der rechten Hand (zum Beispiel) um den Hinterkopf greift, um sich an der linken Schläfe zu kratzen, so frappiert es mich, ich muss sofort an meinen Vater denken* (M. Frisch, Homo Faber). – Если кто-нибудь при мне потрет правой рукой (к примеру) левый висок, то меня это поразит, я сразу вспомню отца (М. Фриш, Хомо Фабер).

В (74) герою не подумать об отце невозможно, знакомый жест сразу вызывает воспоминания.

Второй по частотности глагол в этой группе – *glauben* ‘верить’. Сочетания «*glauben dürfen*» и «*glauben wollen*», наряду с подобными, стали устойчивыми, в них теряется изначальное значение модального глагола и границы семантики разных модальных глаголов в сочетании с *glauben* становятся подвижными. Собственное модальное значение *dürfen* – иметь разрешение на что-то. Управляя глаголом *glauben*, *dürfen* выражает скорее призыв к действию, стремление убедить собеседника, то есть деонтическую модальность.

Герой «Шахматной новеллы», бывший заключенный, над которым проводился психологический эксперимент, рассказывает о своём ужасном опыте новому знакомому и убеждает его, что обращение не было человеческим. *Поверьте* – это императив, это показатель изоморфизма *dürfen* и *sollen* (75).

(75) *Ein eigenes Zimmer in einem Hotel – nicht wahr, das klingt an sich äußerst human? Aber Sie dürfen mir glauben, dass man uns keineswegs eine humanere, sondern nur eine raffiniertere Methode zudachte, wenn man uns «Prominente» nicht zu zwanzig in eine eiskalte Baracke stopfte, sondern in einem leidlich geheizten und separaten Hotelzimmer behauste* (St. Zweig, Schachnovelle). – Отдельная комната в отеле – звучит необычайно гуманно, не правда ли? Но **поверьте**, они вовсе не собирались создавать нам человеческие условия. Вместо того чтобы загнать нас, «видных людей», в ледяные бараки по двадцать человек в комнатухе, они предоставили нам сравнительно теплые номера в отеле, но при этом они руководствовались тонким расчетом (Ст. Цвейг, Шахматная новелла).

Одни из типичных глаголов с семантикой умственной и психоэмоциональной деятельности – *verstehen* ‘понимать’ и *wissen* ‘знать’. В сочетании с ними глагол *sollen* может выражать необходимость, как в примере (76).

(76) *Dann seine wohlmeinende Frage, ob das Fräulein meine Braut sei, und unsere Verlegenheit. Wir sollten verstehen: die Schweiz sei ein kleines Land, kein*

Platz für zahllose Flüchtlinge, Asylrecht, aber Hanna hätte doch Zeit genug gehabt, ihre Auswanderung zu betreiben (М. Frisch, Homo Faber). – Затем последовал доброжелательный вопрос: является ли фройляйн моей невестой? и наше замешательство. Мы **должны понять**, что Швейцария – маленькая страна и не может принять бесчисленных беженцев. Право убежища? Да, конечно, но фройляйн успеет уладить все свои дела и подготовиться к отъезду (М. Фриш, Хомо Фабер).

Героев никто не «заставлял» понимать, почему Швейцария строго относилась к количеству беженцев, им самим нужно было понимать это, чтобы принять верное решение. Акцент здесь ставится на том, что так сложились обстоятельства, при том, что обычно значение необходимости под давлением обстоятельств выражается глаголом *müssen*.

В (77) персонаж рассуждает о том, что необходимо для того, чтобы успешно сыграть в шахматы с самим собой. Эти правила ему никто не диктует, это его внутренняя потребность, при этом Ст. Цвейг употребляет глагол *sollen*, а не *müssen*.

(77) *Bildeten nun Schwarz und Weiß ein und dieselbe Person, so ergäbe sich der widersinnige Zustand, dass ein und dasselbe Gehirn gleichzeitig etwas wissen und doch nicht wissen sollte, dass es als Partner Weiß funktionierend, auf Kommando völlig vergessen könnte, was es eine Minute vorher als Partner Schwarz gewollt und beabsichtigt* (St. Zweig, Schachnovelle). – Если бы один и тот же человек пожелал одновременно быть и черными, и белыми, создалось бы бессмысленное положение, при котором один и тот же мозг в одно и то же время знает что-то и не знает; делая ход в качестве белых, он **должен** был бы как по команде **забыть** о том, какой хитрый план задумал перед этим, будучи черными (Ст. Цвейг, Шахматная новелла).

Инфинитивные конструкции с глаголами чувственного восприятия. Лексический маркер изоморфизма модальных глаголов – управление глаголом, выражающим чувства, эмоции и физические ощущения человека. В основном это касается глагола *müssen*, который в подобных предложениях

выражает семантику возможности – как в примере (78). В эмпирическом материале таких примеров было 34.

(78) *Diskussion mit Hanna! – über Technik (laut Hanna) als Kniff, die Welt so einzurichten, dass wir sie nicht erleben müssen* (М. Frisch, Homo Faber). – Спор с Ганной о технике. По её мнению, техника – это уловка, хитрость, с помощью которой хотят так перестроить мир, чтобы там не было места чувству (М. Фриш, Хомо Фабер).

Эти предложения можно проинтерпретировать так: по мнению Ганны, создание техники преследует своей целью такое переустройство мира, чтобы люди *не могли* испытывать чувства.

Переводчица рассказа В. Борхерта «Желтомордик» на русский язык формулирует подобную мысль как «не могу не ненавидеть», то есть эксплицитно подчёркивает, что в предложении такого типа явно читается потенциальная модальность.

(79) *Du wirst mich deswegen hassen, ebenso sinnlos und unbegründet, wie ich die Perücke hassen muss, weil ich ihr Hintermann bin* (W. Borchert, Die Hundeblyume). – Ты будешь меня за это ненавидеть, так же бессмысленно и необоснованно, как я **не могу не ненавидеть** этого парика, потому что иду за ним (В. Борхерт, Желтомордик).

В (80) герой рассказывает, что его спутница невольно смеялась над его шутками, даже находя их неуместными:

(80) *Am meisten frappierte mich, wie sie im Gespräch...ihren Rossschwanz in den Nacken wirft... Vor allem aber: das kleine und kurze Rumpfen ihrer Stirne zwischen den Brauen, wenn sie einen Witz von mir, obschon sie lachen muss, eigentlich blöd findet* (М. Frisch, Homo faber). – Больше всего меня поражало, как Сабет в разговоре ... резким движением откидывала конский хвост... Но самым удивительным было, как она внезапно на миг хмурила брови, когда, смеясь моей шутке, всё же находила её плоской (М. Фриш, Хомо Фабер).

Придаточные предложения с союзом *ob*. Употребление модального глагола в составе придаточного предложения имеет свои особенности. Это

касается разных типов придаточных предложений, например, значительную роль играют модальные глаголы при оформлении субъектных придаточных (*Wer will haben, der muss graben* и т.п.). В эмпирическом материале настоящего исследования встретилось 17 примеров изоморфизма модальных глаголов *sollen* и *wollen* в сложноподчиненных предложениях, где придаточное вводится союзом *ob*. Глагол *sollen* может выражать семантику желательности и неуверенности, но в примере (81) *sollen* также выражает семантику возможности:

(81) *Aber da schien noch etwas anderes zu sein, etwas mörderisch Gutes, was in diesem Garten duftete, ein Geruch so exquisit, wie er ihn in seinem Leben noch nicht – oder doch nur ein einziges Mal – in die Nase bekommen hatte... Er musste näher an diesen Duft heran. Er überlegte, ob er einfach durch die Toreinfahrt in das Anwesen eindringen sollte. Aber da waren unterdessen so viele Leute mit dem Abladen und dem Kontrollieren der Fässer beschäftigt, dass er sicher aufgefallen wäre. Er entschloss sich, die Straße zurückzugehen, um eine Gasse oder einen Durchlass zu finden, der vielleicht an der Querseite des Hauses entlangführte. Nach wenigen Metern hatte er das Stadttor am Beginn der Rue Droite erreicht* (P. Süskind, *Das Parfüm: Die Geschichte eines Mörders*). – Казалось, там было еще что-то, какое-то убийственно прекрасное благоухание; он никогда в жизни – или нет, лишь один-единственный раз в жизни воспринимал обонянием столь изысканный аромат. Его потянуло приблизиться. Он подумал, нельзя ли попытаться проникнуть в усадьбу просто через арку ворот. Но там столько людей занималось разгрузкой и проверкой бочек, что он наверняка привлек бы к себе внимание. Он решил вернуться назад по улице, чтобы найти проулок или проход, который вел бы вдоль поперечной стороны дома. Остановился у городских ворот в начале улицы Друат (П. Зюскинд, *Парфюмер: история одного убийцы*).

Очевидно, что в этом случае герой уже захотел приблизиться к манящему запаху, и теперь думает лишь о том, представляется ли *возможным* проникнуть в сад. Оценив ситуацию, он решает пойти в обход. В его

размышлениях не стоит вопрос в целом о том, стоит ли заходить в сад: его волнует лишь, каким образом он *сможет* это сделать. Следовательно, глагол *sollen* выражает здесь потенциальную модальность.

В примере (82) *sollen* передает нехарактерную для него модальность необходимости:

(82) *Ich stopfte mir alle erreichbaren Kissen in den Rücken, legte mein wundes Bein hoch, zog das Telefon näher und überlegte, ob ich nicht doch in die Küche gehen, den Eisschrank öffnen und die Kognakflasche herüberholen sollte* (Н. Böll, *Ansichten eines Clowns*). – Я подложил под спину все подушки, какие только оказались под рукой, устроил больную ногу повыше и пододвинул к себе телефон; я никак не мог решить, надо ли пойти на кухню, открыть холодильник и переправить в комнату бутылку коньяку (Г. Бёлль, *Глазами клоуна*).

Герой здесь размышляет, нужна ли ему эта бутылка коньяка в комнате.

Восклицательные предложения. Восклицательные предложения – это экспрессивные, эмоционально окрашенные высказывания. В эмпирическом материале в 83 подобных примерах наблюдается изоморфизм модальных глаголов. Пример (83) иллюстрирует, как *müssen* употреблён в функции глагола *sollen*. Сохранена и стандартная синтаксическая форма приказа – краткая фраза с восклицанием:

(83) *Nie sagte die Großmutter etwas Freundliches zum Großvater. Dauern hieß es: Leopold, du **musst** gehen! Leopold, du **musst** die Kohlen aus dem Keller holen! Leopold, mach das Fenster zu! Leopold, dreh das Licht ab!...* (Chr. Nöstlinger, *Maikäfer flieg!*). – Бабушка не говорила дедушке добрых слов. Только без конца **приказывала**: Леопольд, пора идти! Леопольд, принеси уголь из кладовки! Леопольд, закрой окно! Леопольд, включи свет! (К. Нёстлингер, *Лети, майский жук!*)

В восклицательных предложениях *wollen* передает значение будущего времени:

(84) *Ich hasse sie wirklich so sehr, dass ich mich leicht in einen Wutausbruch hineinsteigern könnte, bei dem ich mich zu sehr entblößen würde. Ich will nie wieder von ihr reden, nie!* (W. Borchert, Die Hundebblume). – Я, действительно, так его ненавижу, что легко могу прийти в ярость и слишком откровенно показать себя. Никогда больше **не буду** говорить о нем, никогда! (В. Борхерт, Желтомордик).

Вопросительные предложения. Вопросительные предложения могут содержать прямой либо риторический вопрос. Во многих случаях – из наших примеров это 71, – вопросительный характер является маркером изоморфизма модальных глаголов.

Рассказчик в «Шахматной новелле» задаёт риторический вопрос, который можно дословно перевести: как же быстрая слава только *могла* не вскружить такую пустую голову? *Sollen* в отрывке (85) передаёт, с одной стороны, степень вероятности, с другой стороны, семантику возможности.

(85) *«Aber wie sollte ein so rascher Ruhm nicht einen so leeren Kopf beduseeln?», schloss mein Freund, der mir gerade einige klassische Proben von Czentovics kindischer Präpotenz anvertraut hatte* (St. Zweig, Schachnovelle). – Разумеется, как и следовало ожидать, легко добытая слава вскружила такую пустую голову, заключил мой друг и привел несколько классических примеров того, как Чентович с чисто детским тщеславием стремился занять положение в обществе (Ст. Цвейг, Шахматная новелла).

(86) – риторический вопрос: что я *смогу* делать с «этой теоретической абракадаброй»? *Sollen* также выражает потенциальную модальность, а высказывание характеризуется эмоцией недоумения.

(86) *Aber was sollte mir dieses theoretische Zeug? Schach kann man doch nicht spielen ohne einen Partner und schon gar nicht ohne Steine, ohne Brett* (St. Zweig, Schachnovelle). – Но для чего нужна была мне эта теоретическая абракадабра? В шахматы нельзя играть в одиночку, тем более без фигур и без доски (Ст. Цвейг, Шахматная новелла).

Кроме того, *sollen* в вопросительных предложениях может выражать семантику предложения (своей помощи) – как в следующем примере:

(87) *Soll ich's Ihnen mal holen und vorlesen?* (Н. Böll, *Ansichten eines Clowns*). – Хотите, я принесу газету и прочту вам? (Г. Бёлль, Глазами клоуна). Собеседнику предлагают послушать, как ему будут читать газету, и вместо глагола *wollen* используется *sollen*. Встречается и семантика необходимости:

(88) А Юра, брат мой, вообще никогда никого не дразнит, потому что **зачем** сильному и умному других дразнить? (Л. Улицкая, Сквозная линия). – *Mein Bruder Jura, der hänselt nie jemanden, weil, warum sollte einer, der stark und klug ist, andere hänseln?* (L. Ulitskaja, *Die Lügen der Frauen*).

Глагол *können* употребляется в значении глагола *sollen*, выражая значение побуждения к действию – пример (89).

(89) *Du, können wir nicht sprechen?* (М. Frisch, *Homo Faber*). – Слушай, разве мы не можем поговорить как люди? (М. Фриш, *Хомо Фабер*).

В данном примере Вальтер обращается к Ганне, по сути, с просьбой – давай поговорим. Его не интересует ответ на вопрос – «да, можем», или «нет, не можем», а он хочет именно получить результат – поговорить с Ганной. Значение разрешения, права на что-то – модальное значение глагола *dürfen*, однако в вопросительных предложениях эту функцию может выполнять глагол *können*.

Итак, маркерами изоморфизма немецких модальных глаголов являются: тип субъекта действия (неодушевлённый, неопределённо-личное подлежащее *man*), особенности лексического окружения (модальные частицы *ja* и *doch*, речевые глаголы, а также глаголы мышления и чувственного восприятия как инфинитивная часть составного глагольного сказуемого) и такие синтаксические конструкции, как придаточные предложения с союзом *ob*, восклицательные и вопросительные предложения. Составлена диаграмма, которая иллюстрирует встречаемость перечисленных выше маркеров.

Рис. 7. Соотношение маркеров контекстного изоморфизма немецких модальных глаголов (%)

Диаграмма наглядно показывает, что эмоционально окрашенные восклицательные и вопросительные предложения чаще других характеризуются изоморфизмом употребленных в них модальных глаголов. Сильно влияет на выбор модального глагола тип грамматического субъекта, особенно в предложениях с безличными подлежащими, в том числе *es* и *man*. Семантика психоэмоциональной деятельности у основного смыслового глагола (*думать, говорить, понять...*) также часто соседствует с размытостью границ между значениями употребляемых модальных глаголов. Небольшой, но заметный процент случаев, характеризующихся изоморфизмом модальных глаголов, приходится на предложения с частицами *ja* и *doch*, а также сложноподчинённые предложения с союзом *ob*.

В следующем подпункте будут рассмотрены особенности изоморфизма глаголов в высказываниях с разными видами модальности.

2.2.2. Изоморфизм модальных глаголов в ситуации уверенности/неуверенности говорящего

Степень уверенности говорящего в сообщаемом от несомненной достоверности исходя из опыта и чувственного восприятия до вероятности разной степени является сферой действия эпистемической модальности. Модальные глаголы – одно из лексико-грамматических средств выражения этой модальности в немецком языке, об этом подробно пишет Р.Д. Шакирова в статье «Контекстно-семантические особенности функционирования модальных глаголов *müssen, mögen, können, dürfen*», особенно выделяя в этой связи роль перечисленных в названии статьи модальных глаголов [Шакирова 2012: 116].

Е.В. Боднарук пишет, что модальные глаголы в эпистемическом употреблении обычно находятся в форме третьего лица, обязательно сопровождаются инфинитивом основного смыслового глагола I или II и всегда употребляются только в формах презенса и претерита, редко встречаются в вопросительных и придаточных предложениях [Боднарук 2019: 71]. Эпистемические значения немецких модальных глаголов можно следующим образом расположить в порядке убывания модальной силы: *müssen / nicht können, dürfen, können, mögen*. *Sollen* и *wollen* имеют эвиденциальное употребление и отсылают к источнику информации, служат передаче чужой речи. Изоморфизм модальных глаголов в предложениях с эпистемической модальностью выявить трудно, так как семантика высказывания сильно зависит от субъективного мнения говорящего, от того, насколько достоверной он считает информацию, насколько надёжными для него являются имеющиеся аргументы. Не зря этот вид модальности называют также «субъективной модальностью». Одну и ту же ситуацию разные люди могут описать с помощью разных модальных глаголов в эпистемическом употреблении, так как в большей или меньшей степени доверяют источнику информации, например: *Es ist schon Abend, er muss/müsste zu Hause sein (= kann nur).* / *Es ist*

schon Abend, er dürfte zu Hause sein. / Es ist schon Abend, er kann/könnte zu Hause sein. / Es ist schon Abend, er mag zu Hause sein. Так как важной составляющей ситуативного контекста здесь являются представления говорящего, скрытые от наших глаз, интерпретация с точки зрения изоморфизма модальных глаголов представляется затруднительной. Однако в ходе анализа были обнаружены несколько тенденций эпистемического употребления модальных глаголов.

В подобных предложениях глагол *können* с отрицанием становится антонимической парой глагола *müssen*, как в (90):

(90) *Der letzte Artikel erschien in der «Lancet» noch im Januar fünfundvierzig, einige Monate bevor er in die Schweiz zurückkehrte. Das ist gewiss ein Beweis, dass unser Verdacht eine rechte Eselei war. Ich schwöre dir, mich nie mehr als Kriminalist zu versuchen. Der Mann auf dem Bild kann nicht Emmenberger sein, oder die Fotografie ist gefälscht. Das wäre ein Alibi, sagte Bärlach und faltete den Anzeiger zusammen* (F. Dürrenmatt, Der Verdacht). – Последняя статья появилась в «Ланцете» в январе сорок пятого года, незадолго до того, как он вернулся в Швейцарию. Конечно, это доказательство того, что наше подозрение было беспочвенно. Заклинаю тебя в будущем не испытывать меня в качестве криминалиста. Мужчина на фотографии **не может быть** Эменбергером, или это подделка. – Да, это было бы алиби, – сказал Берлах и свернул объявления (Ф. Дюрренматт, Подозрение).

В этом примере глагол *können* с отрицанием передаёт семантику эпистемической модальности, показывает высокую степень вероятности ситуации и по выражаемому значению приближается к глаголу *müssen*.

Наклонение как языковая категория само по себе тоже имеет модальную окраску. Императив выражает повеление, можно сказать, что императив и *sollen* – синонимичные по смыслу, но различные по прагматике средства выражения одного и того же значения. Конъюнктив и индикатив не имеют закрепленного за собой модального значения, но являются показателями двух сторон реальности: объективно существующей и воображаемой. Все виды

модальных отношений могут быть выражены как в индикативе для описания того, что произошло, происходит или произойдёт, так и в конъюнктиве для описания гипотетических ситуаций в прошлом, настоящем и будущем. Отношения изоморфизма, имеющиеся внутри системы немецких модальных глаголов, проявляются как в изъявительном, так и в сослагательном наклонении, поэтому в эмпирическом материале настоящего исследования есть предложения в обоих наклонениях.

2.2.3. Изоморфизм модальных глаголов в ситуации побуждения к действию, долженствования и необходимости

Как уже отмечалось, ситуации деонтической модальности, то есть побуждения к действию, долженствования и необходимости, больше характерны для текстов информативного типа, но многозначность и широта семантики модальных глаголов ярче всего проявляются в художественном дискурсе. Здесь присутствуют все оттенки деонтической модальности: приказ/призыв, предписание, просьба, рекомендация, разрешение, убеждение. Классическими средствами выражения деонтической модальности являются глаголы *müssen* (долженствование с внутренним источником модальности) и *sollen* (долженствование с внешним источником модальности). Особый интерес представляют случаи появления в модальном контексте глаголов с противоположной имманентной семантикой, например, *können* для выражения модальности побуждения в тех ситуациях, где обычно ставится глагол *müssen*. Рассмотрим несколько примеров.

(91) *Das kannst du doch nicht machen! Nimm mal an, die gehen los und finden unsere Momo wirklich* (М. Энде, Момо). – *Этого делать нельзя!* Представь, что полиция ее найдет (М. Энде, Момо).

Из примера (91) очевидно, что глагол *können* здесь имеет модальное значение **призыва**, которое обычно выражается глаголом *müssen*. Типичной в

данном случае является восклицательная конструкция с усилительной частицей **doch**.

В следующем примере (92) с помощью глагола *können* одному из героев дается **инструкция**, как выбраться с места действия, чтобы не встретиться с одной особой. Таким образом, *können* в данном контексте берет на себя функции глагола *sollen*:

(92) «*Verdammt!*» sagt Brüggemann. «*Wie komme ich hier raus? Ist dies eine Sackgasse?*» «*Zum Glück nein*», erwidere ich. «*Sie können hinten herum durch die Gärten zur Bleibtreustraße entkommen*» (E. M. Remarque, Der schwarze Obelisk). – Черт побери! говорит Брюггеман. Как же мне отсюда выбраться? У вас тут тупик? К счастью, нет, отвечаю я. Вы *можете* уйти садами, через Блейбтройштрассе (Э. М. Ремарк, Чёрный обелиск).

В речевой формуле **просьбы** в виде вопроса глагол *können* является еще и маркером вежливости:

(93) «*Kann ich den Herrn Direktor sprechen?*» fragte eine Kinderstimme (E. Kästner, Pünktchen und Anton). – Могу я поговорить с господином директором? спросил детский голос (Э. Кестнер, Кнопка и Антон).

В ситуации **убеждения** *können* употребляется часто в клишированных фразах и оборотах в сочетании с глаголами речевых или мыслительных действий: *могу поклясться*, *можете поверить* и т.п., смягчая, таким образом, скрытый императив. Например:

(94) *Gott ist viel barmherziger als die Priester, das können Sie mir glauben* (E. M. Remarque, Der schwarze Obelisk). – Бог гораздо милосерднее священника, **поверьте** мне (Э.М. Ремарк, Чёрный обелиск).

Русский перевод здесь эксплицитно выражает эту иллокуцию. Такой же имплицитный императив наблюдается в примере (6), где изоморфизм *dürfen* и *müssen* подчёркивается маркером *man*.

(95) *Wann wird er mich untersuchen? fragte er. Jetzt, antwortete Hungertobel. Der Arzt spürte, wie der Alte munter wurde. Dann nimm hier Abschied von mir, Samuel, sagte Bärlach, du kannst dich nicht verstellen, und man darf nicht wissen,*

dass wir Freunde sind. Von diesem ersten Verhör wird viel abhängen. Verhör? wunderte sich Hungertobel. Was denn sonst? antwortete der Kommissär spöttisch. (F. Dürrenmatt, *Der Vedacht*). – Когда он меня обследует? – спросил он. – Сейчас, – ответил друг. Врач почувствовал, что старик приободрился. – Тогда давай простимся, – сказал Берлах. – **Никто не должен знать**, что мы друзья. От этого первого допроса зависит очень многое. – Допроса? – удивился Хунгертобель. – Конечно, – ответил комиссар насмешливо (Ф. Дюрренматт, *Подозрение*).

Люди не должны знать о дружбе врача с Берлахом из соображений необходимости, безопасности – это ситуация требования, инструкции, в которой модальное значение обычно выражается глаголом *müssen* или *sollen*, но в сочетании с *man* может быть выражено *dürfen*. В примере (7) глагол *können* выполняет семантическую функцию *sollen*, что также подчёркивается неопределенно-личным подлежащим *man*:

(96) *Hans Castorp hörte den Vetter sagen, dass man nun aufstehen und sich zur Vespermahlzeit bereit machen könne* (G. Grass, *Im Krebsgang*). – Ганс Касторп услышал голос кузена, напоминавшего ему, что пора вставать и готовиться к ужину (Г. Грасс, *Траектория краба*).

Можно предположить, что кузен говорил вежливо, поэтому автор нашёл способ выразить распоряжение менее категорично, выбрав глагол с более мягкими интенциями, однако, это всё ещё распоряжение.

Глагол *wollen* – один из наиболее однозначных глаголов, обладает семантикой желания и в определенных условиях может выражать будущее время. В (97) чувствуются оттенки желательности и будущего времени, но присутствует также и деонтическая модальность, *wollen* употреблён тождественно глаголу *müssen*:

(97) *Ich überlegte, ob ich nicht zu Bett gehen wollte, ich spürte meinen Magen, und wir saßen zu nahe bei der Musik, ein Heidenlärm, dazu dieser kunterbunte Karneval* (M. Frisch, *Homo Faber*). – Я подумывал о том, не пойти ли мне спать. Я снова чувствовал, что у меня есть желудок, и к тому же мы сидели слишком

близко от оркестра, музыка оглушала, а тут ещё, куда ни глянь, пестрота и бестолочь карнавала. (М. Фриш, Хомо Фабер).

В (97) Вальтер, главный герой, конечно, размышляет о том, *нужно* ли ему идти спать, а не *хочет* ли он. Если бы он хотел спать, то никаких сомнений у него бы не было, Вальтер почувствовал бы это. А вот «нужно ли» – об этом можно поразмышлять, взвесив за и против, чем он и занимается, оценивая своё состояние желудка, оркестр с музыкой и людей вокруг. Употребление модального глагола в придаточном предложении с союзом *ob* является, как было сказано, одним из маркеров изоморфизма.

Лексические маркеры представлены модальными частицами, например, *doch*, как в следующем примере:

(98) Давид вздохнул: «Ой, Мартин, только не надо этих детективных подковырок... Вы вернулись один» (С. Лукьяненко, Спектр). – *Kommen Sie, Martin, seufzte David. Auf diese detektivischen Spitzfindigkeiten wollen wir doch verzichten... Sie kehren allein zurück* (S. Lukjanenko, Spektrum).

В немецком переводе русское «не надо» передано как *wollen verzichten*, в обратном переводе дословно «*хотим* отказаться». Модальная частица *doch* поддерживает и усиливает семантику необходимости, и в сочетании с ней *wollen* звучит более категорично и выражает деонтическую модальность.

(99) *Das Abreisen damals hatte also nichts geholfen, und ich konnte nun, da es freilich nötiger war, doch noch die Suppe ausfressen* (H. Hesse, Peter Camenzind). – Отъезд мой тогда ничего не изменил, и теперь, когда это стало уже настоящей необходимостью, я **должен** был расхлебывать эту кашу (Г. Гессе, Петер Каменцинд).

(100) *Aber sonst kann es doch recht störend wirken, besonders wenn in der Nähe dann noch eine leere Schnapsflasche in der frühen Sonne glänzt* (E.M. Remarque, Der schwarze Obelisk). – Но вообще надгробия всё же должны мешать любви, особенно если поблизости валяется ещё пустая бутылка из-под водки, поблескивая в лучах восходящего солнца (Э.М. Ремарк, Черный обелиск).

Примеры (99) и (100) демонстрирует изоморфизм *können* и *müssen*, маркером которого также является частица **doch**, она увеличивает модальную силу. В переводе эта мысль также передана в русле деонтической модальности, поэтому в русском варианте написано не «мог расхлебывать», а «должен был» в (99) и «должны мешать» вместо «могут мешать» в (100).

Тип предложения – восклицательное или вопросительное – тоже может быть маркером изоморфизма модальных глаголов в ситуации долженствования. В частности, призыва. Они придают особую прагматическую и эмоциональную нагрузку таким высказываниям. Например, в (101) форма императива – это приказ, призыв, побуждение, а семантика *dürfen* смягчает его, смягчает этот приказ и делает его выражение более вежливым и не таким прямолинейным и навзчивым, как это было бы с глаголом *müssen*. В реальной коммуникации говорящему нужно учитывать большее число факторов, таких как вежливость, желание добиться своей цели, выразить свои чувства и др.

(101) *Wir dürfen das nicht denken!* (F. Dürrenmatt, *Der Verdacht*). – Мы не должны этого думать (Ф. Дюрренматт, Подозрение).

В (101) *dürfen* выполняет семантическую функцию глагола *müssen*, так как источник модальности в этом случае – сами говорящие, а не какие-то внешние силы и обстоятельства. Восклицательные предложения в силу своей эмоциональности звучат более категорично и напористо, если в них, к тому же, есть усилительная модальная частица *doch*, например в (102) подчёркивается императив:

(102) *So betrachtest, kannst du doch sehr schön weitermachen wie bisher!* (M. Ende, *Momo*). – Пойми это и продолжай жить, как жил до сих пор! (М. Энде, *Момо*).

В ситуациях деонтической модальности актуален такой маркер изоморфизма, как управление инфинитивными конструкциями с глаголами мышления. Пример (103) демонстрирует это:

(103) *Wie konnte ich auch nur von der Möglichkeit sprechen, die unfehlbare Richtschnur der geistigen Vision an den groben Mitteln des Augenscheins nachmessen zu wollen! Mirjam schien Ähnliches zu denken, nach dem Erstaunen in ihren Mienen zu schließen. «Sie dürfen es nicht so wörtlich nehmen», entschuldigte ich mich. Voll Aufmerksamkeit sah sie zu, wie ich mit dem Griffel die Form vertiefte. «Es muss unendlich schwer sein, alles dann haargenau auf Stein zu übertragen? «Das ist nur mechanische Arbeit. So ziemlich wenigstens (G. Meyrink, Der Golem).*

– Как решился я говорить о возможности проверять непогрешимое суждение внутреннего зрения грубыми средствами глаз! Мириам, по-видимому, думала то же самое, судя по удивленному выражению ее лица. – Вы не должны понимать этого так буквально, – пытался я поправиться. Она с большим внимание следила, как я водил грифелем. – Должно быть, очень трудно перенести это потом в совершенной точности на камю. Это механическая работа, или близкая к тому... (Г. Майринк, Голем).

Помимо того, что *dürfen* дополняется конструкцией «wörtlich nehmen» – «воспринимать буквально», он употреблён с отрицанием, что также влияет на интерпретацию его значения. Говорящий убеждает свою собеседницу, что она не должна воспринимать его слова буквально, и это не стандартное значение *dürfen* ‘иметь разрешение’, а скорее значение вежливого совета, свойственное глаголу *sollen*.

Одной из задач настоящего исследования было верифицировать обнаруженные нами закономерности через сравнение средств выражения модальности в дискурсах разной направленности. Как показало исследование, наибольшее разнообразие способов выражения побуждения к действию наблюдается в текстах художественной литературы – текстах экспрессивного типа – с индивидуальным стилем и отходом от усредненных норм. Для наглядности было проведено сравнение текстов художественной литературы, научно-популярный текстовый материал экономических журналов и юридические тексты конституции и договора. В каждом виде текстов были определены доминирующие ситуации, которые расположили по принципу

убывания иллокуции: приказ/призыв, предписание, просьба, рекомендация, разрешение, убеждение.

Тексты экономической тематики отличаются информативностью, научно-популярным стилем изложения, использованием научных терминов, а также средств образности и выразительности языка, в том числе идиоматики и оборотов, типичных для эссе. Характерные ситуации в текстах экономической тематики – предписание, рекомендация, убеждение. Эксплицитные маркеры предписания – это глаголы *müssen* и *können*, как в следующем примере: *Wir müssen uns immer wieder neu beweisen* [Harvard Business manager, 11]. Средства выражения рекомендации довольно разнообразны – это устойчивые декларативные конструкции типа *Es gilt, ... + zu + Inf.*, модальный глагол *sollen* в конъюнктиве; формы потенциального конъюнктива. Многие средства выражения рекомендации не очевидны – например, описательная конструкция *Wenn ..., dann + конъюнктив*, конструкция с глаголом *bekommen + zu + Inf.* с модализирующей семантикой побуждения. При необходимости оказать влияние на читателя или собеседника могут быть выбраны персуазивные стратегии убеждения через рациональные доводы или уговора через воздействие на чувства. Явные средства выражения персуазивности в научно-популярных публицистических текстах – это чей-то авторитет либо авторитетные результаты опроса общественного мнения, оформленные в виде констатации фактов. Ядро данного ФСП составляют глаголы *müssen* и *können*, например: (104) ... *wer einen völlig neuen Zugang zum Immobilieninvestment sucht, kann sich mit kleinen Beträgen an Crowdfunding probieren* [Gewinn, 25: URL].

В текстах юридического дискурса устанавливаются отношения между субъектами права в рамках системы общеобязательных социальных, политических, экономических и культурных норм. Юридический текст имеет информативные и предписывающие функции. Передача информации в этом случае осуществляется через юридические термины и устойчивые клише. Для юридических текстов типичны повторы и избыточность как гарант

однозначного толкования. Для сравнения был выбран текст международного соглашения между Россией и Германией [Abkommen: URL] и законодательный акт – текст конституции ФРГ [Grundgesetz: URL]. В юридических текстах должны употребляться только однозначно трактуемые языковые средства [Томсон 2015: 329-330], поэтому в таком случае имеют место только эксплицитные маркеры деонтической модальности. Любопытно, что глагол *müssen* в юридических текстах присутствует в минимальном количестве, а чаще всего используется глагол *gelten*: (105) *Dieses Abkommen gilt für Personen, die in einem Vertragsstaat oder in beiden Vertragsstaaten ansässig sind* [Abkommen: URL]. В ситуации разрешения и запрета палитра языковых средств шире. Это конструкции с оборотами: *verboten/(un)zulässig/unverletzlich sein, gewährleistet/entschieden werden, bedürfen, sein + zu + Infinitiv, können, dürfen* и др.: (106) *Niemand darf wegen seines Geschlechtes, seiner Abstammung, seiner Rasse, seiner Sprache, seiner Heimat und Herkunft, seines Glaubens, seiner religiösen oder politischen Anschauungen benachteiligt oder bevorzugt werden* [Grundgesetz: URL]. Подробнее об этом аспекте исследования можно прочитать в нашей статье [Горбачевская, Леонтьева: Способы... 2021].

В художественном дискурсе, напротив, присутствуют все перечисленные выше ситуации деонтической модальности. Художественные тексты характеризуются наиболее широким арсеналом средств выражения модальности.

2.2.4. Изоморфизм модальных глаголов в ситуациях желательности/нежелательности и возможности/невозможности события

Как указано в п. 1.3, волюнтативная (желательность) и потенциальная (возможность) модальности тесно связаны и имеют в немецком языке некоторые общие средства выражения. Для выражения значений модальности желательности в порядке убывания модальной силы используются глаголы

müssen (уверенное интенсивное волеизъявление), *sollen* (предписание, дистанцированное волеизъявление) и *wollen* (желание). В сочетании с некоторыми языковыми единицами-маркерами эти значения могут быть переданы другими модальными глаголами, для которых эта семантика в целом не характерна.

Такие факторы, как наличие в предложении отрицания и безличного обобщённого грамматического субъекта, могут влиять на выбор модального глагола. Как упоминалось выше, глагол *wollen* менее остальных изменил свою исконную суть – очевидное волеизъявление. В этом же значении встречаются примеры с глаголом *sollen* в вопросительных конструкциях риторического типа, например:

*Warum soll ich **nicht** verlieren? = Ich will **nicht** verlieren*

*Sollte ich das vergessen? = Ich will **nicht** vergessen*

Для выражения значений модальности возможности в порядке убывания иллюстрации используются глаголы *können* (постулирование возможности), *dürfen* (разрешение, позволение) и *mögen* (реализация чьего-то желания). При анализе примеров в НКРЯ встретились примеры, где семантику возможности передаёт не *können*, а *sollen*. На это могут влиять вопросительная форма предложения и сильная эмоциональная окраска высказывания, например, вопрос жизни и смерти в (107).

(107) *Quatsch, sagte er, lassen Sie doch die Seele aus dem Spiel. Wir könnten natürlich Mainz wegen Vertragsbruchs verklagen und würden wahrscheinlich gewinnen – aber ich rate ab. Ein halbes Jahr Pause – und ich baue Sie wieder auf. Und wovon **soll** ich leben? – fragte ich. Na, sagte er, ein bisschen wird Ihr Vater doch rausrücken* (Н. Böll, *Ansichten eines Clowns*). – Чепуха, – сказал он, – давайте сбросим душу со счетов. Конечно, мы можем подать на Майнц в суд за нарушение контракта и, наверное, выиграем дело... но я вам не советую. Полгодика перерыва... и я опять поставлю вас на ноги. А на что **я буду жить?** – спросил я. – Ну, – сказал он, – надеюсь, ваш папаша все же раскошелится (Г. Бёлль, *Глазами клоуна*).

Герой не интересуется мнением собеседника и не ждет его распоряжения, а недоумевает, на какие средства он *сможет* жить, если они не подадут в суд с попыткой выиграть деньги или отец не даст ему денег на жизнь. Это вопрос с оттенком риторичности. Далее герои будут обсуждать возможные варианты заработка – стать бродячим фокусником или найти «добрую подружку» и жить за ее счет.

Исконное немодальное значение *mögen* – любить, от которого пошло развитие семантики данного глагола к значениям желания и возможности, поэтому существует и семантическая взаимосвязь глаголов *mögen* и *wollen* – их изоморфизм, как в следующем примере:

(108) *Der liebe Gott wird das nicht wollen...* (Th. Mann, Buddenbrooks). – Господь *не попустит*... (Т. Манн, Будденброки).

В указанном отрывке женщина отчаянно молится и надеется, что Бог не отвернется от её просьбы. На наш взгляд, можно допустить такую интерпретацию предложения: это будет «не по душе» Богу, не понравится Ему, и, соответственно, Он не допустит *возможности* такого развития событий.

2.2.5. Прагматика изоморфизма модальных глаголов в ситуациях вежливой коммуникации

Язык – инструмент не только отражения, но и формирования реальности, в которой живут его носители [Маслова 1997: 5]. Средства языка являются средствами фиксации информации об окружающем мире, а также средствами формирования наших представлений о нём. Модальные глаголы сами по себе часто становятся маркерами вежливой речи в немецком языке. Категория вежливости играет важную роль в формировании языковой картины мира, поэтому важно рассмотреть функционирование модальных глаголов в ситуациях вежливой коммуникации. Многие аспекты этой темы раскрыты у Х. Люгера (Lüger 2002), а ещё ранее – в (Lakoff 1973) и (Brown, Levinson 1978).

Для носителей немецкого языка бывает важно соблюсти предельную вежливость, особенно в ситуациях деловой коммуникации, поэтому часто выбираемые конструкции и обороты становятся завуалированными настолько, что, например, настоятельная просьба сделать ксерокопии звучать как *Könnten Sie das bitte kopieren?* – досл.: *Вы не могли бы это, пожалуйста, скопировать?*), а в русском языке, например, на вежливое обращение будет указывать только слово *пожалуйста*, а сама просьба будет скорее выражена императивом (*Сделайте, пожалуйста, копии этих документов*). «В немецком языке есть определенные языковые структуры, в которых модальные глаголы используются, в первую очередь, для придания речи вежливого оттенка. В этом случае доминирует не их семантика, а их прагматика, модальные значения уходят на второй план, что и обуславливает изоморфизм этих глаголов. Например, как правило, продавец обращается к покупателю с предложением помочь, которое оформлено как вопрос: *Vam помочь?* – досл.: *Я могу Вам быть полезным?* По-немецки это будет звучать и как *Kann ich Ihnen behilflich sein?* и как *Darf ich Ihnen behilflich sein?* Обе фразы являются взаимозаменяемыми, поскольку в данном речевом клише категория вежливости выступает на первый план, а внутренняя семантика физической возможности у глагола *können* и получения разрешения у глагола *dürfen* не имеют значения и затушевываются». [Горбачевская, Леонтьева: Феномен...: 2021].

При изучении немецкого языка как иностранного студенты получают эти лингвокультурно значимые знания уже на первых этапах изучения языка. В учебниках указано, например, что в вежливой коммуникации присутствует функциональная синонимия глаголов *können* и *dürfen*, а также других глаголов: «Bei der höflichen Bitte benutzt man entweder die Modalverben *könnte* und *dürfte*, die Hilfsverben *wäre* und *hätte* oder die Umschreibung mit *würde* (В вежливой просьбе употребляют или модальные глаголы *könnte* и *dürfte*, или вспомогательные глаголы *wäre* и *hätte*, или описательную конструкцию с *würde*)» [Em. Hauptkurs 1997: 121]. В эмпирическом материале данного

исследования есть много фрагментов, наглядно демонстрирующих этот факт, которые можно найти в Приложении 2.

Основное назначение модальных глаголов, которые используются в ситуациях вежливой коммуникации – оформить речь участников коммуникации в соответствии с устоявшимися в обществе нормами вежливости. Выявленные нами закономерности в употреблении немецких модальных глаголов можно представить в виде следующей схемы (рис. 8).

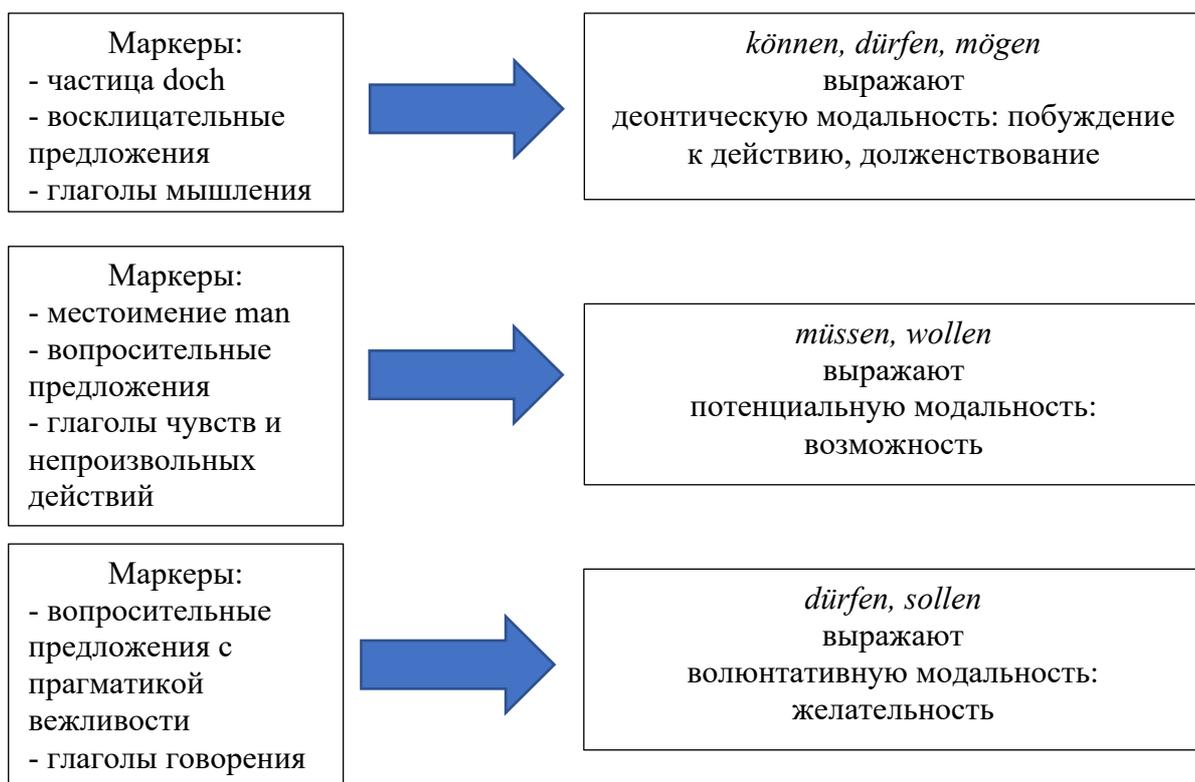

Рис. 8. Роль грамматических и лексических маркеров в ситуациях изоморфизма немецких модальных глаголов.

В результате исследования была составлена шкала изоморфизма немецких модальных глаголов, где по горизонтальной оси расположены модальные глаголы в порядке увеличения их потенциальной способности употребляться в функции других модальных глаголов, а по вертикальной оси – процентное соотношение таких случаев в эмпирическом материале исследования.

Рис 9. Шкала контекстного изоморфизма немецких модальных глаголов

Шкала наглядно показывает, что в художественном дискурсе одни модальные глаголы более, а другие менее активно могут выступать в ситуации контекстного изоморфизма по отношению к другим глаголам. Кривая глагола *wollen* расположена ниже остальных, что означает, что этот глагол в наименьшем проценте случаев был употреблён в функции других модальных глаголов. Известно, что *wollen* считается по большей части моносемантическим глаголом, в процессе исторического развития его значение не испытывало больших изменений, связанных с другими модальными глаголами, поэтому на данном этапе он менее подвержен влиянию дискурсивного пространства художественного дискурса. Кривая глагола *sollen* расположена выше остальных – это означает, что этот глагол, напротив, был употреблён в несвойственных ему функциях в наибольшем числе примеров. До своего актуального значения *sollen* прошёл длинный путь исторического развития и имеет тесные этимологические и прагматические связи с другими модальными глаголами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ контекстного употребления модальных глаголов показал, что появление в определенных ситуациях наряду с имманентной составляющей их семантики несвойственных им значений является достаточно типичным – примерно одна шестая часть примеров характеризуется изоморфизмом модальных глаголов. Изначально модальные глаголы были знаменательными, обозначали «душевное состояние» в широком смысле и благодаря этой общей «предмодальной» семантике могут в современном немецком языке в зависимости от контекста реализовывать одни и те же модальные оттенки. Кроме того, на особенности употребления влияет и процесс исторического развития модальных глаголов, сопровождавшийся дублирующими и пересекающимися значениями внутри группы модальных глаголов, и, в целом, нечеткость границ между функционально-семантическими полями разных типов модальности. Явление контекстного изоморфизма в немецком языке связано с определенными сигналами – лексико-грамматическими маркерами. Такими иллокутивными маркерами являются: неодушевлённый субъект, неопределённо-личное подлежащее *man*, модальные частицы, инфинитивные конструкции с речевыми глаголами, инфинитивные конструкции с глаголами мышления, инфинитивные конструкции с глаголами чувственного восприятия, придаточные предложения с союзом *ob*, восклицательные и вопросительные предложения. Они неоднозначно проявляются в разных ситуациях модальности. В ряде случаев маркеры могут свидетельствовать о высокой вероятности изоморфизма модальных глаголов.

Когда модальные глаголы используются в качестве маркеров вежливой речи, они, как правило, стоят в относительно устойчивых речевых конструкциях, и их семантика при этом отходит на второй план, уступая место прагматике и обеспечивая изоморфизм модальных глаголов.

Глаголы *sollen* и *dürfen* лидируют на шкале употребления по отношению к другим модальным глаголам: это 22% и 18% от общего числа рассмотренных

примеров с этими глаголами. *Sollen* и *dürfen* также обладают широким диапазоном изоморфизма – могут употребляться в значении глаголов *können*, *müssen*, *wollen*, и, соответственно, *dürfen* и *sollen*. Глаголы *müssen* и *wollen* оказались наименее активными в плане употребления в значении других модальных глаголов – это 12% и 11% от общего числа рассмотренных примеров с этими глаголами.

Процент случаев изоморфизма относительно каждого модального глагола довольно высок – это значительная доля от общего объёма материала, от 12 до 22%. Можно вывод, что феномен изоморфизма немецких модальных глаголов – системное явление, характерное для художественного дискурса. Потенциальная способность модальных глаголов употребляться в несвойственных для них функциях обусловлена особенностями дискурсивного пространства и историей развития значений немецких модальных глаголов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественный текст является продуктивным и качественным эмпирическим материалом для лингвистических исследований, поскольку он отражает не только идиостиль автора, но и эпоху и культуру мира, в котором тот живёт. Художественный дискурс рассматривается в данном исследовании как инструмент условного общения автора и реципиента, в процессе которого реципиент методом когнитивной интерпретации пытается реконструировать замысел и коммуникативные намерения автора. Язык художественного дискурса отражает особенности современного писателю языка.

Универсальная языковая категория модальности настолько многогранна, что до сих пор нет единого мнения относительно её дефиниции, подвидов, способов выражения. В каждом языке выражение модальности имеет свои лингвокультурные особенности и развивается вместе с социумом, говорящим на этом языке, отражая изменения в его истории и мировосприятии. Германисты едины в определении полевой структуры функционально-семантических разноуровневых средств выражения этой категории. На периферии функционально-семантического поля (ФСП) модальности будут находиться модализирующие глаголы, различные синтаксические структуры и лексические показатели соответствующего вида модальности. К ядру ФСП модальности относят базисные модальные глаголы. В немецком языке это *können, dürfen, mögen, müssen, sollen, wollen*, которые стали объектом данного исследования.

Как текстоформирующая категория модальность присутствует во всех типах текстов, однако наиболее полно, разнообразно и ярко она представлена в текстах художественной литературы. Поэтому, говоря о значении и роли художественной литературы в образовании, просвещении и развитии мировой культуры, лингвисты подчёркивают ещё и уникальную возможность, которую дают эти тексты для исследований и языка автора, и языка его эпохи.

Материалом исследования стали тексты современной художественной литературы на немецком языке, в которых наблюдается наибольшее разнообразие способов выражения разных видов модальности.

Широкий художественный контекст позволяет наиболее чётко по сравнению с другими дискурсами проследить феномен изоморфизма модальных глаголов в немецком языке. Основной фокус исследования был сделан на эпистемической (степень уверенности говорящего), деонтической (побуждение к действию, степень долженствования и необходимости), волеуказательной (степень желательности), потенциальной (степень возможности) модальностях.

Контекстный изоморфизм немецких модальных глаголов как семантико-функциональный феномен возникает в результате того, что в их значении остались рудименты знаменательных значений с общей семой «душевного состояния» в широком смысле. У глагола *können* это было «знать, понимать», *dürfen* – «нуждаться, испытывать недостаток», *mögen* – «иметь силу, быть в состоянии», *müssen* – «иметь случай, возможность, быть связанным клятвой», *sollen* – «быть должным, иметь долг – *schuldig sein*», у глагола *wollen* индоевропейская семантика волеизъявления осталась без изменения. Помимо влияния общей этимологии, может быть отмечена проницаемость границ между разными типами модальности, которая также влияет на возможность употребления глаголов синонимично друг другу.

Выделенные нами в ходе анализа маркеры сигнализируют о системном изоморфизме немецких модальных глаголов, который проявляется в различных модальных ситуациях. Такими иллокутивными маркерами являются: неодушевлённый субъект действия, неопределённо-личное подлежащее *man*, модальные частицы, инфинитивные конструкции с речевыми глаголами, инфинитивные конструкции с глаголами мышления, инфинитивные конструкции с глаголами чувственного восприятия, придаточные предложения с союзом *ob*, восклицательные и вопросительные предложения.

В ситуациях деонтической модальности наиболее яркие маркеры – употребление модальной частицы *doch*, восклицательный характер предложения и инфинитивные конструкции с глаголами мышления. Эти маркеры позволяют модальным глаголам с имманентно меньшей модальной силой – *können*, *dürfen*, *mögen* – выразить долженствование и побуждение к действию. В ситуациях потенциальной модальности часто встречаются следующие маркеры: инфинитивные конструкции с глаголами чувственного восприятия, неопределенно-личное подлежащее *man*, вопросительные предложения. В сочетании с этими маркерами модальность возможности выражается глаголами *müssen* и *wollen*, а также наблюдается изоморфизм *dürfen* и *können*, которые изначально выражают разные аспекты возможности. В ситуациях волюнтаривной модальности особую роль играют следующие маркеры, как инфинитивные конструкции с глаголами говорения и вопросительные предложения с прагматикой вежливости. В таких предложениях глаголы *sollen* и *dürfen* выражают нехарактерную для них модальность желательности. Следует отметить, что изоморфизм модальных глаголов в предложениях с эпистемической модальностью выявить трудно, так как важной составляющей ситуативного контекста здесь являются представления говорящего, скрытые от наших глаз.

Подводя итог исследования, можно сказать, что в семантике каждого модального глагола в немецком языке есть центральное, имманентное значение, отражающее определённый тип модальности, а в зависимости от ситуативного, грамматического, лексического контекста, оно дополняется значениями других типов модальности. Дифференциация значений модальных глаголов показывает их тесную системную связь, на основе которой возникает их изоморфизм, когда разные глагольные формы передают одни и те же семантико-прагматические характеристики. Наличие контекстных маркеров разного порядка – лексических, синтаксических и ситуативных, – показывает, что на значение модального глагола активное влияние оказывает весь контекст в целом. Сфера модальных отношений

подвижна и семантические границы внутри группы модальных глаголов проницаемы. Значительное количество примеров, повторяемость и регулярность закономерностей во взаимосвязи контекста и того значения, в котором употреблён модальный глагол, доказывают системный характер такого семантико-функционального феномена, как контекстный изоморфизм немецких модальных глаголов.

В результате анализа теоретических источников было сформулировано понятие контекстного изоморфизма модальных глаголов. Изоморфизм немецких модальных глаголов, а именно контекстный изоморфизм – это феномен их функционально-семантического тождества, в основе которого лежит контекстная синонимия, сопровождаемая определёнными лексическими и синтаксическими маркерами, которые конкретизируют пересекающиеся значения этих модальных глаголов в данной ситуации. Повторяемость подобных ситуаций указывает на системный характер явления контекстного изоморфизма. При этом выделяются маркеры, сигнализирующие о типичном контексте изоморфного употребления.

В результате работы подтвердилась **гипотеза** исследования: изоморфизм немецких модальных глаголов в художественном дискурсе является их типичным свойством и обусловлен комплексом влияния факторов их предмодальной семантики, истории развития, актуального функционирования и дискурсивным пространством. **Перспективы исследования** представляются нам в изучении изоморфизма не только имманентно модальных, но и модализирующих глаголов и конструкций. Исследование может быть продолжено в других дискурсах. На основе полученных результатов возможно создание сборника упражнений на употребление модальных глаголов в немецком языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: Учеб. для студ. вузов. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 286 с.
2. Аверина, А.В. Стилистический аспект функционально-семантического поля: на примере поля эпистемической модальности немецкого языка: дис. д-ра филол. наук. 10.02.04. – М., 2010. – 447 с.
3. Аверина, А.В. Модальность и отрицание в немецком языке // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. – 2018. – №1. – С. 57–67.
4. Адамец, П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности // Ceskoslovenska rusistica. – 1968. – №2. – Т. 13. – С. 88–94.
5. Адмони, В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка. 4-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1986. – 329 с.
6. Алпатов, В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
7. Анохина, С.П., Кострова, О.А. Сравнительная типология немецкого и русского языков: Учеб. пособие. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2006. – 120 с.
8. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
9. Аракин, В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1989. – 158 с.
10. Арама, Б.Е., Шахнарович А.М. Интонация и модальность. – М.: РАН, Институт языкознания, 1997. – 110 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.

12. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
13. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд, испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
14. Бабаева, Р.И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект): автореф. дисс... д-ра филол. наук. 10.02.04. – М., 2008. – 42 с.
15. Бабакина, Т.Н. Становление модальных глаголов как выразителей внутренней модальности в немецком языке (на материале древне-, средне- и ранненововерхненемецкого языков) // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология. – 2006. – № 4 (55). – С. 38–45.
16. Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
17. Базалина, Е.Н. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в художественном тексте (сопоставительный анализ немецкого и русского языков): дисс... канд. филол. наук. 10.02.20. – Краснодар, 2001. – 227 с.
18. Базалина, Е.Н. Художественный текст и модальность // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 7. – С. 75–76.
19. Балакина, А.А. К проблеме формирования функционально-грамматической специфики несобственно модальных глаголов в немецком языке // Вестник ТГПУ, №10 (151) / 2014. – с. 9–15.
20. Балакина, А.А. Модальные глаголы немецкого языка: от этимологии к прагматике // Язык и культура, 2011. – № 4 (16). – С. 5–20.
21. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: УРСС, 2001. – 416 с.
22. Балли, Ш. Язык и жизнь / пер. с фр.; вступ. статья В.Г. Гака. – М.: УРСС, 2003. – 232 с.
23. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. – М.: УРСС, 2001. – 360 с.

24. Бахтиозина, М.Г. Образ автора и феномен речевого воздействия в литературно-художественном тексте // Материалы Второго Международного научного семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения». – Прага: University of West Bohemia. – 2016. – С. 81–91.
25. Беляева, Е.И. Функционально-семантическое поле модальности в русском и английском языках. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 180 с.
26. Беляева, И.Г. Bunte Grammatik: Учеб. пособие. – М.: Прометей, 2020. – 134 с.
27. Блох, М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.
28. Блох, М.Я., Аверина, А.В. Поле эпистемической модальности в пространстве текста: монография. – М.: МПГУ, 2011. – 156 с.
29. Богана, Ж., Бондаренко, Е.В. К вопросу об основных признаках языкового системного изоморфизма // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика, 2011, №3. – С. 5–8.
30. Бондаренко, В.Н. Виды модальных значений // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 54–61.
31. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
32. Бочарова, М.А. Явление изоморфизма в русском терминоведении // Вестн. РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010. – № 3. – С. 40–45.
33. Бубнова, Г.И. Б. Е. Арама, А.М. Шахнарович. Интонация и модальность. Рецензия на монографию // Филологические науки. – 1998. – №4, – С. 109–112.
34. Бунтман, Н.В., Зализняк, А.А., Зацман, И.М., Кружков, М.Г. и др. Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросслингвистических баз данных. // Информатика и ее применения. – 2014. – № 2. – С. 98–110.
35. Валгина, Н.С. Теория текста: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 173 с.

36. Валимова, Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1967. – 331 с.
37. Ваулина, С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). – Калининград, Изд-во Калинингр. ун-та, 1993. – 143 с.
38. Васильев, А.Д., Васильева, С.П. Актуальные направления развития современной социолингвистики // Вестн. КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2018. – № 2 (44) – С. 153–160.
39. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.
40. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
41. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. / предисл. Н. Шведовой. – М.: Наука, 1975. – 559 с. – С. 53–87.
42. Вишнякова, О.Д. Анализ дискурса в научной парадигме лингвистического знания // Сборник научных и учебно-методических тр. Выпуск 17 / под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. – М.: КДУ : Добросвет, 2020. – С. 200–215.
43. Гак, В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1978. – С. 19–27.
44. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
45. Галкина-Федорук, К.М. Безличные предложения в современном русском языке. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1958. – 332 с.
46. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 7-е. изд – М.: Либроком, 2009. – 144 с.

47. Гамкрелидзе, Т.В. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 5–9.
48. Гарбовский, Н.К. Формы выражения модальности во французских военных текстах // Сборник статей №18. – 1982. – М.: Воен. Краснознам. ин-т. – С. 22–28.
49. Гетьман, З.А., Архипович, Т.П. Модальность как общетекстовая категория // Вестн. МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 34–48.
50. Голоднов, А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом медиадискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дисс...д-ра филол. наук. 10.02.04. – Спб., 2011. – 43 с.
51. Гончаров, А.А., Инькова, О.Ю., Кружков, М.Г. Методология аннотирования в надкорпусных базах данных // Системы и средства информатики. – 2019. – № 2. – С.148–160.
52. Горбачевская, С.И. Частицы *ja* и *denn* и их русские эквиваленты // Сборник докладов 9-й межд. конф. «Россия и Запад: диалог культур». – М.: МГУ, 2003. – С. 35–43.
53. Горбачевская, С.И. Немецкие модальные частицы как иллокутивные индикаторы (опыт сравнительно-сопоставительного анализа) // Вестн. МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 21–30.
54. Горбачевская, С.И. Изоморфизм средств выражения субъективной модальности как переводческая проблема // Преподаватель XXI век. Общероссийский журнал о мире образования. – 2012. – № 3. – С. 302–306.
55. Горбачевская, С.И., Леонтьева, В.А. Способы выражения деонтической модальности в текстах разных жанров (на материале немецкого языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – с. 42–51.

56. Горбачевская, С.И., Леонтьева, В.А. Феномен изоморфизма в системе модальных глаголов немецкого языка // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 1. – С. 354–365.
57. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
58. Давлетбаева, А.Ф. Репрезентация категории модальности в русском и китайском языках: дисс... канд. филол. наук. 10.02.20. – Уфа, 2019. – 236 с.
59. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
60. Дешериева, Т.И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. – 1987. – №1. – С. 34–46.
61. Добровольский, Д.О. Беседы о немецком слове. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 744 с.
62. Добровольский, Д.О. Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2015. – Вып. 6. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – С. 411–446.
63. Добровольский, Д.О., Зализняк, Анна А. Немецкие конструкции с модальными глаголами и их русские соответствия: проект надкорпусной базы данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам межд. конф. «Диалог». Вып. 17 (24). – М.: Изд-во РГГУ. 2018. – С. 164–176.
64. Добровольский, Д.О., Зализняк, Анна А. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов // Вопросы языкознания. – 2021. – № 6. – С. 22–39.
65. Донскова, О.А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте: на материале англо-американской драмы XX века: дисс...канд. филол. наук. 10.02.04. – М., 1982. – 184 с.

66. Евсеева, И.В. Изоморфизм единиц лексики, словообразования и синтаксиса. // Сб. тезисов межд. науч. симпозиума «Русская грамматика 4.0» – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 82–86.
67. Егорова, О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы / под науч. ред. Н.А. Голубевой. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2016. – 189 с.
68. Едличко, А.И. Функционирование интернационализмов в художественном дискурсе (на материале новеллы Гюнтера Грасса *Im Krebsgang*) // Культурно-языковые контакты. – Т.8. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – С. 29–33.
69. Ермолаева, Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. – М.: Наука, 1987. – 127 с.
70. Ермолаева, Л.С. Система средств выражения модальности в современных германских языках: на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1964. – 15 с.
71. Жирмунский, В.М. История немецкого языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз. – 1948. – 299 с.
72. Жирмунский, В.М. Общее и германское языкознание. – Л.: Наука, 1976. – 698 с.
73. Зайнуллин, М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1986. – 124 с.
74. Зализняк, Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: ЯСК. – 2006. – 671 с.
75. Заманова, И.В. Изоморфизм номинативных моделей абстрактных субстантивов душевного и физического состояний // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Сер. «Філологія», 2020. – Вип. 85. – С. 48–53.
76. Зацман, И.М., Гончаров, А.А. Информационные трансформации параллельных текстов в задачах извлечения знаний // Системы и средства информатики. – 2019. – № 1. – С. 180–193.

77. Зацман, И.М., Егорова, А.Ю., Мамонова, О.С. Надкорпусные базы данных в лингвистических проектах // Системы и средства информатики. – 2019. – № 3. – С. 77–91.
78. Зеленецкий, А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания. – М.: Академия, 2003. – 395 с.
79. Зеленщиков, А.В. Пропозиция и модальность. –2-е изд., доп. – М.: Либроком, 2010. – 216 с.
80. Земская, Ю.Н., Панченко, Н.В., Качесова, И.Ю., Комиссарова, Л.М. Теория текста: Учеб. пособие. – М.: Флинта, 2012. – 224 с.
81. Золотова, Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 105–114.
82. Золотова, Г.А. О модальности предложения в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1962. – № 4. – С. 65–79.
83. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
84. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 524 с.
85. Игнатьева, Н.В. Модальные средства в языке романа Э. Войнич «Овод»: текстообразующий и переводческий аспекты: автореф. дис... канд. филол. наук. 10.02.20. – Краснодар, 2007. – 23 с.
86. Калинин, С.С. Изоморфизм языкового и генетического кодов и его значение для осмысления принципов языкового анализа // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 11: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск: «ИВЦ Минфина», 2017. – С. 237–239. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/179841/1/С.С.Калинин%20Изоморфизм%20языкового%20и%20генетического%20кодов%20и%20его%20значение%20для%20осмысления%20принципов%20языкового%20анализа.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).

87. Карасик, В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. научн. тр. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ, 1998. – С. 185–197.
88. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
89. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
90. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.: URSS, 2011. – 112 с.
91. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде науч. док. 10.02.19. – М., 2003. – 90 с.
92. Ключев, Е.В. Речевая коммуникация: Учеб. пособие. – М.: Рипол классик, 2002. – 320 с.
93. Кобозева, И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 7–21.
94. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. 3-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
95. Колшанский, Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 94–98.
96. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика. 20-е изд., стер. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
97. Копытов, О.Н. Модус на пространстве текста. – Хабаровск: Изд-во ХГИИК, 2012. – 299 с.
98. Корди, Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. – Л.: Наука, 1988. – 164 с.
99. Краснова, Т.И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.

100. Крылова, Э.Б. Будущность или модальность: есть ли будущее у датского языка? // Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. – М: Индрик, 2011. – С. 192–202.
101. Крашенинникова, Е.А. Модальные глаголы в немецком языке. – М.: Учпедгиз, 1954. – 126 с.
102. Кронгауз, М.А. Семантика: Учебник. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
103. Крушельницкая, К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков / предисл. М.Н. Попова. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 272 с.
104. Кубрякова, Е.С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / ред. С.А. Ромашко – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 6–25.
105. Лашина, Л.А., Пригоровская, Т.М. Проблема изоморфизма на разных уровнях языковой системы // Вестн. науки и образования, 2019. – № 23–1 (77). – URL: <http://scientificjournal.ru/images/PDF/2019/VNO-77/problema-izomorfizma.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).
106. Левицкий, А.Э. Дискурсивная ситуация и проблема понимания в аспекте референтности и коммуникативности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – №1. – С. 12–22.
107. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. – СПб.: «Искусство – СПб», 2005. – 704 с.
108. Лекант, П.А. Модальность и вводность // Вопросы лингвистики. Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – М., 2000. – С. 34–42.
109. Ляпон, М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 303–304.
110. Ляпон, М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. — М.: ЯСК, 2010. – 528 с.

111. Мазурова, В.А. Перевод высказываний с модальными глаголами с немецкого языка на русский: дис... канд. филол. наук. 10.02.20. – М., 2005. – 172 с.
112. Макаев, Э.А. К вопросу об изоморфизме // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 50–56.
113. Манерко, Л.А. Типы знаний, воплощенные в художественном и академических дискурсах // Вестн. МГЛУ. – 2012. – Вып. 6. – Т. 2. – С. 56–70.
114. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
115. Мельничук, О.А. Стратегии художественного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1 (34). – С. 125–135.
116. Милосердова, Е.В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 196 с.
117. Москальская, О.И. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache = Теоретическая грамматика немецкого языка для ин-тов и фак-тов иностр. яз. Учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 344 с.
118. Немец, Г.П. Семантика метаязыковых субстанций. – М.: Акад. пед. наук; Краснодар: Куб. гос. ун-т, 1999. – 739 с.
119. Общее языкознание: Хрестоматия / сост. Б.И. Косовский, Н.А. Павленко; под ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 415 с.
120. Овсепян, А.О. Просодические средства выражения модальности (на материале русского и английского языков). – URL: http://pglu.ru/editions/un_reading/list.php?SECTION_ID=394 (дата обращения: 09.02.2022).
121. Падучева, Е.В. Статьи разных лет. – М.: ЯСК, 2009. – 728 с.
122. Панфилов, В.З. Грамматика и логика (грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения) / под общей ред. члена-корр.

- АН СССР В.М. Жирмунского (отв. ред.), проф. М.М. Гухман, проф. С.Д. Кацнельсона. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 80 с.
123. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
124. Парина, И.С. Корпусный анализ и лексикографическое описание лингвоспецифичных идиом немецкого языка. // Русская германистика: Ежегодник Рос. союза германистов. Т. 16: Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. – С. 301–311.
125. Пауль, Г. Принципы истории языка / пер. с нем. под ред. А.А. Холодовича, вступ. статья С.Д. Кацнельсона. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – 500 с.
126. Полубиченко, Л.В. Роль и место художественной литературы в подготовке лингвиста // Вест. Моск. гос. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 4. – С. 145–158.
127. Прохоров, Е.Ю. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 224 с.
128. Прошина, З.Г., Прошина, У.М. Вариативность, норма и корпусная лингвистика в учебном дискурсе // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – № 1. – С. 36–43.
129. Рахманова, Н.И., Цветаева, Е.Н. История немецкого языка. От теории к практике: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 2004. – 334 с.
130. Рогожникова, И.Н. Семантическая структура немецких модальных глаголов в составе директивных речевых актов: дис... канд. филол. наук. 10.02.04. – Волгоград, 2006. – 171 с.
131. Реукова, Н.В. Лексико-грамматические средства выражения вежливости в современном немецком языке: дис...канд. филол. наук. 10.02.04. – М., 2005. – 183 с.

132. Романова, Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: дис... д-ра филол. наук. 10.02.01. – Спб., 2004 г. – 418 с.
133. Романова, Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.
134. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
135. Соколовский, Я.В. Изоморфизм фреймовой структуры концептов в дискурсе оригинала и перевода // Вест. Ирк. гос. линг. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 129–135.
136. Соколовский, Я.В. Русско-китайские языковые параллели: лингвистический и переводческий аспект // Russian Language and Literature Studies. – 2008. – № 21. – С. 47–49.
137. Солганик, Г.Я. Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта : Наука. – 2010. – 136 с.
138. Солодуб, Ю.П., Альбрехт, Ф.Б., Кузнецов, А.Ю. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2005. – 304 с.
139. Стеблин-Каменский, М.И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» // WORD, 1967. – Vol. 23: 1–3. – С. 494–499.
140. Сулейманова, О.А., Фомина, М.А. Роль субъекта в характере репрезентации его бытия (на материале глаголов *стоять, лежать, сидеть*) // Вест. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 23–39.
141. Тарланов, З.К. О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 55–63.
142. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – М.: Слово, 2000. – 262 с.
143. Тичер, С., Мейер, М., Водак, Р., Веттер, Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с нем. – Харьков: Гуманитарный центр, 2017. – 356 с.
144. Томсон, Г.В. Юрислингвистика. Модальное поле нормативных актов // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 2. – С. 326–338.

145. Тюленев, С.В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
146. Федуленкова, Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм аллегорических фразеологизмов в германских языках (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Вестн. ОГУ. – 2006. – № 11. – С. 203–207.
147. Худяков, А.А. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2005. – 256 с.
148. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.
149. Шакирова Р.Д. Контекстно-семантические особенности функционирования модальных глаголов müssen, mögen, können, dürfen в эпистемической функции. // Вест. Башкирского ун-та, Разд. Филология и искусствоведение. – 2012. – № 1. – С. 113–116.
150. Шарандин, А.В. Немецкие модальные глаголы в функции выражения эпистемической модальности. // Вест. МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 4. – С. 42–51.
151. Шведова, Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
152. Шмелева, Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Клобуковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 78–100.
153. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / отв. ред. В.Н. Комиссаров. – М.: Межд. отн-я, 1978. – С. 16–24.
154. Admoni, W. Der deutsche Sprachbau: Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1986. – 336 с.
155. Bäuml, M.A. Die Behandlung der Modalverben – eine überflüssige Aufgabenstellung für den Sprachlehreunterricht der Volksschule?.

https://epub.ub.uni-muenchen.de/2966/1/Behandlung_Modalverben_2966.pdf
(accessed: 09.02.2022).

156. Beaugrande A.R., Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 303 S.
157. Bech, G. Das semantische System der deutschen Modalverba // Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague – 1949. – Nr. 4. – S. 384–400.
158. Bechmann, S. Bedeutungswandel deutscher Verben. Eine gebrauchstheoretische Untersuchung // Tübinger Beiträge zur Linguistik 543. – Tübingen: Narr, 2013. – S. 120–124.
159. Bechmann, S. Er braucht nicht kommen: Semantische Überlegungen zur grammatischen Paradigmatisierung von «brauchen» als Modalverb. – URL: <https://docserv.uni-duesseldorf.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-28806/Brauchen%20als%20Modalverb.pdf> (accessed: 09.02.2022).
160. Brown, P., Levinson, S. Universals of language usage: Politeness phenomena // E. Goody (ed.). Questions and Politeness Strategies in Social Interaction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – Pp. 56–310.
161. Buscha, J., Heinrich, G., Zoch, I. Modalverben: Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – 8., durchges. Aufl. – Leipzig: Langenscheidt : Enzyklopädie, 1993. – 55 S.
162. de Smet, H., D’hoedt, F., Fonteyn, L., van Goethem, K. The changing functions of competing forms: Attraction and differentiation // Cognitive Linguistics. – 2018. – Vol. 29, № 2. – Pp. 197–234.
163. Diewald, G. A model for relevant types of contexts in grammaticalization. New reflections of grammaticalization // I. Wisher, G. Diewald (eds.) Typological Studies in language. – Amsterdam: Benjamins, 2002. – Vol.49. – Pp. 103-120.
164. Diewald, G. Die Interdependenzen von Kontexttypen bei Grammatikalisierungsprozessen illustriert am Beispiel der deutschen Modalverben // Abraham W., Leiss E. (Hgg.) Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. – Tübingen: Stauffenburg, 2009. – S. 101–122.

165. Ehrich, V., Reis, M. Projekt B3: Modalverben und Modalität im Deutschen. – URL: <https://www.lingexp.uni-tuebingen.de/sfb441/b3/b3altantrag.pdf> (accessed: 09.02.2022).
166. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik. Bd. 2. Der Satz. 4., akt. u. überarb. Aufl. – Stuttgart, Weimar: Metzler. – 2013. – 535 S.
167. Fix, U., Poethe, H., Yos, G. Textlinguistik und Stilistik für Einsteiger. Ein Lehr- und Arbeitsbuch. 3. Aufl. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. – 236 S.
168. Fritz, G. Deutsche Modalverben 1609. Epistemische Verwendungsweisen. Ein Beitrag zur Bedeutungsgeschichte der Modalverben im Deutschen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 113. – Tübingen: Niemeyer, 1991. – S. 28–52.
169. Gamon, D. On the development of epistemicity in the German modal verbs mögen and müssen // Acta Linguistica Historica. – 1994. – Vol 14. – Pp. 125–176.
170. Geith, V. Der Konjunktiv als Mittel der Bedeutungsschattierung // Pandaemonium. – 2016. – № 29. – Pp. 53–94.
171. Grammatisches Informationssystem IDS-Grammis. – URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/progr@mm/1699> (accessed: 09.02.2022)
172. Hansen, B. The German Modal Verb müssen and the Slavonic Languages – The Reconstruction of a Success Story // Scando-Slavica Tomus. – 2000. – Vol. 46. – Pp. 77–92.
173. Haspelmath, M. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries // Cognitive Linguistics. – 2008. – Vol. 19, no. 1. – Pp. 1–33.
174. Helbig, G., Buscha, J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Leipzig: Langenscheidt, 1996. – 743 S.
175. Hentschel, E., Weydt, H. Handbuch der deutschen Grammatik. 4., vollst. überarb. Aufl. – Berlin, Boston: de Gruyter, 2013. – 472 S.
176. IDS-Grammatik: Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker (Hgg.). – Berlin, New York: de Gruyter, 1997. – Bd. I – S. 1–952; Bd. II – S. 953–1680; Bd. III – S. 1681–2569.

177. Jachnow, N., Meckovskaja, S. Modalität und Modus, Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen. – Wiesbaden: Harrassowitz. – 1994. – 412 S.
178. Jäntti, A. Zum Begriff der Modalität in der Sprachforschung: Probleme der Modalität in der Sprachforschung. – Jyväskylä: Universität Jyväskylä, 1989. – S. 11–36.
179. Jäntti A. Zur Rolle der Illokution beim semantischen Wandel einiger Modalverben // Festschrift für Lauri Seppänen zum 60. Geburtstag. – Tampere, 1984. – S. 171–185.
180. Johnen, Th. Zur Herausbildung der Kategorie Modalverb in der Grammatikographie des Deutschen (und des Portugiesischen) // *Pandaemonium germanicum*. – 2006. – Nr. 10. – S. 283–338.
181. Kortmann, B. Theories and Methods in Linguistics. – URL: <https://biblio.ugent.be/publication/8526736/file/8526737.pdf> (accessed: 09.02.2022).
182. Kratzer, A. Modality // A. von Stechow, D. Wunderlich (Hgg.). *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*: (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, Bd. 6). – Berlin etc.: de Gruyter, 1991. – S. 639–650.
183. Krifka, M. Modalität und Konditionalsätze. – URL: <https://silo.tips/download/11-modalitt-und-konditionalstze> (accessed: 09.02.2022).
184. Lemnitzer, L.; Zinsmeister, H. *Korpuslinguistik. Eine Einführung*. 2., durchges. und akt. Aufl. – Tübingen: Narr, 2010. – 213 S.
185. Lakoff, R. The logic of politeness; or, minding your p's and q's // *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. – Chicago: Illinois, 1973. – Pp. 292–305.
186. Los verbos modales. Formas y funciones. Otros verbos que se usan como modales. – URL: https://www.cede.es/PDF/Aleman/temario_aleman.pdf (accessed: 09.02.2022).
187. Lüger, H.-H. *Höflichkeitsstile*. 2., kor. Aufl. – Frankfurt am Main: Lang. – 2002. – 353 S.

188. Lühr, R. Modalverben als Substitutionsformen des Konjunktivs in früheren Sprachstufen des Deutschen // Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen. – Tübingen: Niemeyer, 1997. – S. 177–208.
189. Moskalskaja, O.I. Deutsche Sprachgeschichte = История немецкого языка: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2003. – 288 с.
190. Näf, A. Möchten ist nicht mögen: ein siebtes Modalverb im Deutschen / Travaux neuchâtelois de linguistique. – 2011. – Vol. 55. – S. 111–137.
191. Neibauer, J. Pragmatik. Eine Einführung. 2., verb. Aufl. – Tübingen: Stauffenburg, 2008. – 208 S.
192. Öhlschläger, G. Zur Syntax und Semantik der Modalverben im Deutschen. – Tübingen: Niemeyer, 1989. – 270 S.
193. Palmer, F. Mood and Modality. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 236 p.
194. Palmer, F. Negation and modality in Germanic languages // T. Swan, O.J. Westvik (eds.). Modality in Germanic languages: historical and comparative perspective. – Berlin etc.: de Gruyter, 1997. – Pp. 133–149.
195. Paul, H. Deutsche Grammatik. Band II. Teil III: Flexionslehre. – Halle (Saale): Niemeyer, 1954. – 345 S.
196. Sommerfeldt, K.-E.; Starke, G. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 2., neu bearb. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 296 S.
197. Szczepaniak, R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. – Tübingen: Narr, 2009. – 211 S.
198. Ulvestad, B. Die epistemischen Modalverben *werden* und *müssen* in pragmalinguistischer Sicht. – URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/2206/file/Ulvestad_Die_epistemischen_Modalverben_1984.pdf (accessed: 09.02.2022).
199. Warnke, I.H., Spitzmüller, J. Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik // Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen. – Berlin etc: de Gruyter, 2008. – S. 3–54.

200. Wiemer, B. Einführung in die Linguistik // Vorlesung. Teil III: Semantik-Pragmatik. – 2005. – 289 S.
201. Wierzbicka, A. The semantics of modality // Folia Linguistica. – 1987. – Vol. 21/1. – Pp. 25-43.
202. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin etc., 2003. – p. 497.
203. Zengin, D. Modalitätsverben im Deutschen // Journal of Social Sciences. – 2003. – Nr. 30. – S. 33–54.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

204. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 569 с.
205. Новая философская энциклопедия. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2001. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec884f219e418110e4f8ec> (дата обращения: 09.02.2022).
206. Словарь литературоведческих терминов / ред. Шабанова Н.А. – URL: <https://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456> (дата обращения: 09.02.2022).
207. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1986. – 1600 с.
208. Электронный словарь «Академик». – URL: <https://academic.ru> (дата обращения: 09.02.2022).
209. Энциклопедический онлайн-словарь. – URL: <http://www.onlinedics.ru/> (дата обращения: 09.02.2022).
210. Маковский, М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. – М.: Азбуковник, 2004. – 630 с.

211. Языкознание. БЭС / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 683 с.
212. Busmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. 2., völl. neu bearb. Aufl. Stuttgart: Kröner, 1990. – 904 S.
213. Duden-Onlinewörterbuch. – URL: <https://www.duden.de> (accessed: 09.02.2022).
214. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. – URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB> (accessed: 09.02.2022).
215. DeutschPlus. – URL: <https://www.deutschplus.net/pages/Modalitatsverben> (accessed: 09.02.2022)
216. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de> (accessed: 09.02.2022).
217. Duden. Die Grammatik. – Bd. 4. – 8. überarb. Aufl. – Mannheim: Duden, 2009. – 1343 S.
218. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – 4., neu bearb. und erweit. Auflage. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 1892 S.
219. Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Bd. 7. – 5., völl. neu bearb. u. erweit. Aufl. – Mannheim: Duden, 2013. – 954 S.
220. Grammatisch-Kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart (Ausgabe letzter Hand, Leipzig 1793–1801), digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21. – URL: <https://www.woerterbuchnetz.de/Adelung> (accessed: 09.02.2022).
221. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / unter der Leit. von W. Pfeifer. – Berlin: Akademie, 1989. – 1665 S.
222. Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache / W. Fleischer (Hg). – Frankfurt am Main: Peter Lang. – 2001. – 2845 S.
223. Kleines linguistisches Wörterbuch. – URL: <https://www.mediensprache.net/de/basix/lexikon/?qu=us> (accessed: 09.02.2022).

224. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / bearb. von E. Seebold. – 24., durchges. und erw. Aufl. – Berlin etc.: de Gruyter, 2002. – 482 S.
225. Lingoda. – URL: <https://www.lingoda.com> (accessed: 09.02.2022).
226. Mackensen, L. Ursprung der Wörter; Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Frankfurt am Main etc.: Ullstein. – 1988. – 446 S.
227. Köbler, G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch. – 1995. – URL: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (accessed: 09.02.2022).
228. Wahrig: Der kleine Wahrig. Wörterbuch der deutschen Sprache. – Gütersloh, München: Bertelsmann, 2000. – 1152 S.
229. Wahrig Herkunftswörterbuch. – URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/LGTD5YSLDLRWHYKHTES2QR5D3WLDQYXU> (access: 28.04.2022)

ИСТОЧНИКИ ПРАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Борхерт, В. Вольфганг Борхерт в переводе на русский язык. Немецко-русские параллельные тексты: учебно-практическое пособие = Wolfgang Borchert in Russischer Übersetzung. Deutsch-russische Paralleltexpte / сост. и пер. с нем. яз. С.И. Горбачевская и Т.А. Меркиш. – М.: Наука, 2021. – 438 с.
2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ), немецко-русский подкорпус параллельных текстов. 2003-2022. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-parade.html> (дата обращения: 09.02.2022)
3. Нёстлингер, К. Лети, майский жук! / пер. Э. Ивановой – М.: Контакт-Культура, 2006. – 223 с.
4. Улицкая, Л. Сквозная линия: повесть. – М.: Эксмо, 2009. – 229 с.
5. Фриш, М. Номо Фабер / пер. Л. Лунгиной. – СПб.: Азбука, 2000. – 282 с.
6. Цвейг, С. Шахматная новелла / пер. В. Ефановой – М.: Правда, 1956. – 48 с.
7. Abkommen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Russischen Föderation zur Vermeidung d Doppelbesteuerung auf dem Gebiet der Steuern vom Einkommen und vom Vermögen. – URL:

- <https://germania.diplo.de/blob/1238758/7bdb0f47ea3b7b881ecd14df70334385/1996-abkommen-doppelbesteuerung-data.pdf> (дата обращения: 09.02.2022)
8. Delfin. Arbeitsbuch. Lehrwerk für Deutsch als Fremdsprache. – Ismaning: Hueber, 2002. – 504 S.
 9. Em. Hauptkurs. Deutsch als Fremdsprache für die Mittelstufe / Balme M., Schwalb S., Weers D. Perimann. – Ismaning: Hueber, 1997. – 168 S.
 10. Frisch, M. Homo faber. Ein Bericht. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. – 237 S.
 11. Gewinn. Das Wirtschaftsmagazin für Ihren persönlichen Vorteil. Oktober 2017. – URL: <https://www.facebook.com/WirtschaftsmagazinGEWINN/> (дата обращения: 09.02.2022).
 12. Glattauer, D. Gut gegen Nordwind. – München: Goldmann, 2008. – 288 S.
 13. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. – URL: <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz> (accessed: 28.04.2022).
 14. Harvard Business manager, deutsche Ausgabe / spezial. – Hamburg, 2019. – URL: <https://www.manager-magazin.de/harvard/print/hmsp/index-2019-1.html> (accessed: 09.02.2022).
 15. Nöstlinger, K. Maikäfer flieg! Mein Vater, das Kriegsende, Cohn und ich. –Berlin: Beltz & Gelberg, 2001. – 223 S.
 16. Ulitzkaja, L. Die Lügen der Frauen. – München: Hanser, 2002. – 165 S.
 17. Zweig, S. Schachnovelle. – Zürich: Diogenes, 2019. – 112 S.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Сводная таблица случаев контекстного изоморфизма

Модальный глагол 1	Модальный глагол 2	Маркеры изоморфизма	Соотношение с общим числом примеров с модальным глаголом 1 (%)
<i>müssen</i>	<i>(nicht) können</i>	Инфинитивная конструкция с глаголами чувственного восприятия или с глаголом <i>denken</i> ; неопределённо-личное подлежащее « <i>man</i> »	8%
<i>müssen</i>	<i>sollen</i>	Восклицательное предложение	4%
<i>müssen</i>	<i>wollen</i>	Первое лицо; указание на срочность; действие признаётся необходимым и желательным	4%
<i>können</i>	<i>dürfen</i>	В вежливых вопросах; неопределённо-личное подлежащее « <i>man</i> »; с отрицанием; инфинитивная конструкция с глаголом говорения	7%
<i>können</i>	<i>sollen</i>	Модальная частица <i>doch</i> ; вопросительное предложение	6%
<i>nicht können</i>	<i>müssen</i>	Восклицательное предложение	4%
<i>wollen</i>	<i>sollen</i>	В особых конструкциях « <i>Wollen wir...</i> », « <i>man...</i> »; инфинитивная конструкция с глаголом мышления; модальная частица <i>doch</i> ; восклицательное предложение	4%
<i>wollen</i>	<i>müssen</i>	инфинитивная конструкция с глаголом мышления; модальная частица <i>doch</i>	2%
<i>wollen</i>	<i>können</i>	Неодушевлённый субъект действия	4%
<i>wollen</i>	<i>mögen</i>	Вопросительные предложения, ситуации выбора	2%

<i>sollen</i>	<i>wollen</i>	В вежливых вопросах, приглашениях и предложениях; инфинитивная конструкция с глаголом говорения; в придаточном предложении с союзом <i>ob</i>	8%
<i>sollen</i>	<i>müssen</i>	Модальная частица <i>ja</i> ; инфинитивная конструкция с глаголом говорения или мышления; в придаточном предложении с союзом <i>ob</i>	6%
<i>sollen</i>	<i>können</i>	Подлежащее <i>es</i> ; вопросительное предложение; в придаточном предложении с союзом <i>ob</i>	5%
<i>sollen</i>	<i>dürfen</i>	С отрицанием	3%
<i>dürfen</i>	<i>können</i>	Модальная частица <i>ja</i> ; инфинитивная конструкция с глаголом говорения	6%
<i>dürfen</i>	<i>sollen</i>	С отрицанием; инфинитивная конструкция с глаголом <i>glauben</i>	5%
<i>dürfen</i>	<i>müssen</i>	С отрицанием; модальная частица <i>doch</i>	4%
<i>dürfen</i>	<i>wollen</i>	Инфинитивная конструкция с глаголом говорения	3%
<i>mögen</i>	<i>können</i>	В особых конструкциях « <i>leiden mögen</i> », « <i>mag sein</i> »; инфинитивная конструкция с глаголом говорения	7%
<i>mögen</i>	<i>sollen</i>	Форма Konjunktiv I; форма третьего лица	2%
<i>mögen</i>	<i>müssen</i>	Восклицательное предложение	3%
<i>mögen</i>	<i>dürfen</i>	Неопределённо-личное подлежащее « <i>man</i> »	2%
<i>mögen</i>	<i>wollen</i>	вопросительное предложение	2%

Приложение 2. Примеры контекстного изоморфизма

Уровень изоморфизма	Пример контекста (нем.)	Комментарий	Перевод (рус.)
müssen – können	Ich musste plötzlich gähnen. Es war unhöflich, aber unvermeidlich, und ich war mir der Peinlichkeit durchaus bewusst. Es tat mir leid, dass ich ausgerechnet jetzt gähnen musste .	глагол непроизвольного действия, близко к чувствам (зевнуть)	Вдруг я зевнул. Это было невежливо, но я ничего не мог поделать, хотя ясно сознавал, как это некстати. Жаль, что именно в эту минуту я не мог сдержать зевка.
müssen – können	Wenn du meine Bedingung [...] nicht wahrnehmen, sondern hier arbeiten willst, müssten eigentlich – na, ich dachte, zweihundert Mark im Monat reichen.	Неодушевленный субъект	Если ты не хочешь принять мое условие [...] если ты намерен работать здесь, то, собственно говоря, я думаю, так сказать, двести марок в месяц будет достаточно.
müssen – können	Ich filme nichts mehr. Wozu! Hanna hat recht: nachher muss man es sich als Film ansehen, wenn es nicht mehr da ist, und es vergeht ja doch alles.	man	Я больше не снимаю. К чему? Ганна права: потом всё это смотришь как фильм; этого всё равно уже нет, и удержать это невозможно...
müssen – können	Am meisten frappierte mich, wie sie im Gespräch... ihren Rossschwanz in den Nacken wirft... Vor allem aber: das kleine	Глагол непроизвольного действия	Больше всего меня поражало, как Сабет в разговоре ... резким движением откидывала конский хвост... Но самым удивительным было, как она внезапно на миг хмурила брови, когда, смеясь моей шутке, все же находила её плоской.

	und kurze Rümpfen ihrer Stirne zwischen den Brauen, wenn sie einen Witz von mir, obschon sie lachen muss , eigentlich blöd findet.		
müssen – können	Ich musste plötzlich gähnen . Es war unhöflich, aber unvermeidlich, und ich war mir der Peinlichkeit durchaus bewusst. Es tat mir leid, dass ich ausgerechnet jetzt gähnen musste.	Глагол непроизвольного действия	Вдруг я зевнул. Это было невежливо, но я ничего не мог поделать, хотя ясно сознавал, как это некстати. Жаль, что именно в эту минуту я не мог сдержать зевка.
müssen – können	Jetzt, wo ich nicht mehr jung bin, wo meine Haare schon halb grau sind, wo die Kräfte nachlassen, jetzt fange ich wieder von vorn und beim Kinde an! Wieder musste er lächeln .	Глагол непроизвольного действия	Теперь, когда молодость прошла, когда мои волосы наполовину поседели, когда силы убывают – теперь я, как ребенок, начинаю все сызнова. Он снова невольно улыбнулся.
müssen – können	Du wirst mich deswegen hassen, ebenso sinnlos und unbegründet, wie ich die Perücke hassen muss , weil ich ihr Hintermann bin.	Глагол непроизвольного действия	Ты будешь меня за это ненавидеть, так же бессмысленно и необоснованно, как я не могу не ненавидеть этого парика, потому что иду за ним.
müssen – können	Diskussion mit Hanna! – über Technik (laut Hanna) als Kniff, die		Спор с Ганной о технике. По её мнению, техника – это уловка, хитрость, с помощью которой хотят так перестроить мир, чтобы там не было места чувству.

	Welt so einzurichten, dass wir sie nicht erleben müssen .		
müssen – können	Sie würde an das Hotel in Düsseldorf denken müssen .	Глагол мышления	Не может же она не вспомнить дюссельдорфскую гостиницу.
müssen – können	Ich musste immer an die ausgeglichene Vermögenslage zu Hause denken .	Глагол мышления	Как тут не подумать, что имущественное положение семьи Шниров вполне надежно.
müssen – können	Wenn jemand mit der rechten Hand (zum Beispiel) um den Hinterkopf greift, um sich an der linken Schläfe zu kratzen, so frappiert es mich, ich muss sofort an meinen Vater denken .	Глагол мышления	Если кто-нибудь при мне потрет правой рукой (к примеру) левый висок, то меня это поразит, я сразу вспомню отца.
müssen – können	Ich filme nichts mehr. Wozu! Hanna hat recht: nachher muss man es sich als Film ansehen, wenn es nicht mehr da ist, und es vergeht ja doch alles – Abschied.	Местоимение man	Я больше не снимаю. К чему? Ганна права: потом всё это смотришь как фильм; этого всё равно уже нет, и удержать это невозможно...
müssen – sollen	Siddharthas Gedanken aber bemächtigten sich des Samana, er musste vollführen, was sie befahlen.		Мысль же последнего овладела аскетом, и тот должен был совершить то, что она внушала ему.

müssen – sollen	Das hier musst du lesen! sagte die Frau und hielt ihr ein Buch mit der Karikatur eines Soldaten auf dem Umschlag hin.	Восклицательное предложение	Вот что почитай! – женщина показала Ольге книгу с комичным изображением солдата на обложке.
müssen – sollen	– Die musst du lesen. In der medizinischen Wochenschrift schreibe Emmenberger aber deutsch, entgegnete Bärlach etwas spöttisch. Und? – fragte der Arzt, der nichts begriff.		– Прочти их. – В медицинском еженедельнике Эменбергер пишет все-таки по-немецки, – сказал старик несколько насмешливо. – Ну и что? – спросил врач, ничего не понимая.
müssen – sollen	Wenn alles Ich überwunden und gestorben war, wenn jede Sucht und jeder Trieb im Herzen schwieg, dann musste das Letzte erwachen, das Innerste im Wesen, das nicht mehr Ich ist, das grosse Geheimnis.		Когда все личное будет преодолено и умрет, когда смолкнут в сердце все желания и страсти, тогда должно будет проснуться основное, сокровеннейшее в человеческом существе – то, что уже не есть "Я" – великая тайна.
müssen – sollen	Es muss schlimm für einen Vater sein, sich mit seinem Sohn, wenn er schon fast achtundzwanzig ist, zum ersten Mal richtig zu unterhalten.		Как тяжело, наверное , впервые в жизни по-настоящему беседовать с сыном, когда тому уже под тридцать. – Ну и еще тысячи разных вещей, – продолжал я, – например, дешевые леденцы или воздушные шары.
müssen – sollen	Na gut, gehst halt nicht in den Keller runter.	Восклицательное предложение	Мама утешала меня: «Можешь не спускаться вниз. Но из дома – ни шагу!»

	Aber im Haus musst du bleiben!		
müssen – sollen	Nie sagte die Grossmutter etwas Freundliches zum Grossvater. Dauernd hiess es: Leopold, du musst gehen! Leopold, du musst die Kohlen aus dem Keller holen! Leopold, mach das Fenster zu! Leopold, dreh das Licht ab!...	Восклицательное предложение	Бабушка не говорила дедушке добрых слов. Только без конца приказывала : Леопольд, пора идти! Леопольд, принеси уголь из кладовки! Леопольд, закрой окно! Леопольд, включи свет!..
müssen – sollen	Wer verlor, musste eine Geschichte erzählen – lustig, gruselig, komisch, je nach Wunsch der anderen.	Глагол говорения	Проигравший рассказывал историю – смешную, страшную, веселую, по заказу общества.
können – dürfen	Dr. Hungertobel hat sie extra dagelassen, Sie können ruhig in diesem Zimmer rauchen.		Вы можете спокойно курить в этой комнате.
können – dürfen	«Ich kann mich doch setzen?» Fragte er.	Вопросительное предложение	Мне можно сесть? – Спросил он.
können – dürfen	Man kann doch nicht auf eine blosse Fotografie hin einen Menschen einfach verdächtigen, um so weniger, als das Bild nicht viel vom Gesicht zeigt.	man	Нельзя же из-за одной фотографии сразу заподозрить человека, тем более что на ней почти не видно лица.

können – dürfen	Er behauptete stief und fest, man könne diese Hieroglyphen und Götterfratzen nicht forographieren, sonst wären sie sofort tot.	man	Он уверял, что эти иероглифы и рожицы богов почему-то нельзя фотграфировать – ничего не выйдет.
können – dürfen	«Stockschwerhörig», beruhigte ihn der Kommissär. «Ein Glücksfall für Sie, Fortschig. Und nehmen Sie die kleine braune Zigarre zu sich, die auf dem Tischchen liegt. Eine Little-Rose. Dr. Hungertobel hat sie extra dagelassen, Sie können ruhig in diesem Zimmer rauchen».		Совершенно глуха, – успокоил его комиссар. Лучшего собеседника для вас и не придумаешь, Форчиг, а сейчас возьмите со стола маленькую коричневую сигару. Это «Литл Роз». Доктор Хунгертобель оставил ее специально. Вы можете спокойно курить в этой комнате.
können – dürfen	« Kann ich den Herrn Direktor sprechen?» fragte eine Kinderstimme.	Вопросительное предложение	Могу я поговорить с господином директором? спросил детский голос.
können – dürfen	Zu Mutter kannst du Susan Jakowlewna sagen , aber du kannst es auch lassen.	Глагол говорения	Матушку можно звать Сьюзен Яковлевна, а можно и никак не звать.
können – sollen	Du könntest dir doch wirklich einmal so etwas wie Papiere verschaffen, schlug der Alte vor.	Модальная частица	Почему бы тебе не выправить документы? – продолжал старик.

können – sollen	Kurz, wie du weisst, Bethsy, ich kann nicht anders, als diese Heirat, die der Familie und der Firma nur zum Vorteil gereichen würde, dringend erwünschen!	Восклицательное предложение	Короче говоря, ты и сама понимаешь, Бетси, что я всей душой хочу этого брака, который пойдет на пользу семье и фирме!
können – sollen	Von einem wertvollen Gemälde könnte ich vielleicht die Farbe abkratzen und ihn mit der Leinwand ersticken oder strangulieren: kein perfekter Mord, aber ein perfekter Ästhetenmord.		По-видимому, мне следует соскрести краску с какого-нибудь особо ценного произведения живописи и задушить или удавить Зоммервильда холстом: не самый лучший способ убийства, зато самый лучший способ эстетоубийства.
können – sollen	Man kann doch nicht auf eine blosse Fotografie hin einen Menschen einfach verdächtigen, um so weniger, als das Bild nicht viel vom Gesicht zeigt.	Man	Нельзя же из-за одной фотографии сразу заподозрить человека, тем более что на ней почти не видно лица.
können – sollen	Du kannst mir die Zeitschriften dalassen.		Оставь мне эти газеты.
können – sollen	Die englischen Zeitschriften brauche ich nicht, aber die schweizerischen Nummer kannst du mir lassen.		Английские газеты мне не нужны, а швейцарские оставь .

können – sollen	Wenn man davonrennt, dann kann man doch nicht wiederkommen!		Кто уходит, тот не возвращается!
können – sollen	Lass das Buch liegen, Oskar! Kannst ja doch nichts damit anfangen.		
können – sollen	So betrachtest, <i>kannst</i> du doch sehr schön weitermachen wie bisher!	Частица doch, восклицательное предложение	Пойми это и продолжай жить, как жил до сих пор!
können – sollen	Hans Castorp hörte den Vetter sagen, dass man nun aufstehen und sich zur Vespermahlzeit bereit machen könne .	Местоимение man	Ганс Касторп услышал голос кузена, напоминавшего ему, что пора вставать и готовиться к ужину.
können – sollen	Gott ist viel barmherziger als die Priester, das können Sie mir glauben.	Глагол мышления	Бог гораздо милосерднее священника, поверьте мне.
können – sollen	«Verdammt!» sagt Brüggemann. «Wie komme ich hier raus? Ist dies eine Sackgasse?» «Zum Glück nein», erwidere ich. «Sie können hinten herum durch die Gärten zur Bleibtreustrasse entkommen».		Черт побери! говорит Брюггеман. Как же мне отсюда выбраться? У вас тут тупик? К счастью, нет, отвечаю я. Вы <i>можете</i> уйти садами, через Блейбтройштрассе.
können – sollen	Juchzen konnte ich in meiner banger Lage nicht, aber das Herz	отрицание	Для ликующих воплей положение мое было, пожалуй, слишком опасным, но сердце мое разливалось йодлерами и плясало от

	jodelte und lärmte mir vor Lust, als ich vorsichtig die zähen Zweige durchschnitt und die Beute in den Händen hielt.		радости, когда я, осторожно срезав жесткие стебли, держал в руках свою добычу.
können – sollen	Du, können wir nicht sprechen?	Вопросительное предложение	Слушай, разве мы не можем поговорить как люди?
können – sollen	Die Frau Berger, die Mutter von Schurli, schaute die Frau Brenner an und sagte langsam: Wissen Sie, was mich ihr Führer kann ?	Вопросительное предложение	Знаете, что я Вам скажу? Пусть ваш фюрер поцелует меня в задницу!
können – sollen	Kannst ja doch nichts damit anfangen. Bist viel zu dumm für und zu klein.	Частица ja, doch	Тебе с ней все равно делать нечего. Ты для нее слишком мал и слишком глуп.
können – sollen	Wenn man davonrennt, dann kann man doch nicht wiederkommen!	Местоимение man	Кто уходит, тот не возвращается!
können – müssen	Du kannst vor Leni alles sagen, sagte der Kranke, zweifellos im Ton einer dringenden Bitte.		При Лени ты можешь говорить все, – сказал адвокат, и в его голосе явно прозвучала настойчивая просьба.
können – müssen	Aber sonst kann es doch recht störend wirken, besonders wenn in der Nähe dann noch eine leere Schnapsflasche in der frühen Sonne glänzt.	Безличное es, частица doch	Но вообще надгробия все же должны мешать любви, особенно если поблизости валяется еще пустая бутылка из-под водки, поблескивая в лучах восходящего солнца.

können – müssen	Das Abreisen damals hatte also nichts geholfen, und ich konnte nun, da es freilich nötiger war, doch noch die Suppe ausfressen.	Частица doch	Отъезд мой тогда ничего не изменил, и теперь, когда это стало уже настоящей необходимостью, я должен был расхлебывать эту кашу.
können – müssen	Das kannst du doch nicht machen! Nimm mal an, die gehen los und finden unsere Momo wirklich.	Частица doch, отрицание	Этого делать нельзя! Представь, что полиция ее найдет.
wollen – sollen	So, und nun wollen wir zu Mittag essen.	Модальная частица	Ну, а теперь давайте обедать.
wollen – sollen	So, nun wollen wir aber endlich anfangen!	Модальная частица; Восклицательное предложение	Ну, а теперь начнем наконец наш рассказ.
wollen – sollen	Wollen Sie mir nun auch beichten?	Вопросительное предложение	Ну что же, теперь ваш черед исповедоваться.
wollen – sollen	Schließlich wollen Sie doch wohl nicht allein durch die Steppe marschieren?	Модальная частица	Не одному же вам идти по степи?
wollen – sollen	Das will was sagen!	Восклицательное предложение	А это что-то значит!
wollen – sollen	Eine Generation von Schwätzern würde ihnen nicht ausreichen. Das ungestüme Suchen der Künstlerseele. Sogar Marie glaubte daran. Peinlich, es gibt so etwas	Глагол говорения	Одного поколения пустозвонов им явно недостаточно. Бурные порывы творческой души! Даже Мария в это верила. Самое неприятное, что нечто похожее существует на самом деле, только это следовало бы назвать иначе.

	änliches, man sollte es nur anders nennen .		
wollen – sollen	Schließlich wollen Sie doch wohl nicht allein durch die Steppe marschieren? Jim bleibt nämlich über Nacht bei uns, er hat hier viele Freunde.	Частица doch	Не одному же вам идти по степи? Джим останется переночевать, у него здесь много приятелей.
wollen – müssen	Das ist in der Schweiz möglich, wir wollen das ruhig zugeben und auch dankbar dafür sein, wir haben uns vor keinem Regierungs – und Bundesrat zu fürchten, oder wie die Räte alle heissen.	Глагол когнитивного действия и говорения (признать)	В Швейцарии это возможно, мы должны это признать и быть благодарны за то, что можем не бояться ни государственного, ни кантонального, никаких других советов.
wollen – müssen	Schließlich wollen Sie doch wohl nicht allein durch die Steppe marschieren?	Модальная частица	Не одному же вам идти по степи?
wollen – müssen	Kommen Sie, Martin, seufzte David. Auf diese detektivischen Spitzfindigkeiten wollen wir doch verzichten... Sie kehren allein zurück.	Частица doch	Давид вздохнул: «Ой, Мартин, только не надо этих детективных подковырок... Вы вернулись один».
wollen – müssen	Ich überlegte, ob ich nicht zu Bett gehen wollte , ich spürte meinen Magen, und wir	Придаточное с ob, отрицание	Я подумывал о том, не пойти ли мне спать. Я снова чувствовал, что у меня есть желудок, и к тому же мы сидели слишком близко от оркестра, музыка оглушала, а тут ещё, куда ни глянь, пестрота и бестолочь карнавала.

	sassen zu nahe bei der Musik, ein Heidenlärm, dazu dieser kunterbunte Karneval.		
wollen – sollen	Was will man, Hans?	Вопросительное предложение	Что делать , Ганс?
wollen – können	Seit einem Monat probiere ich daran herum. Sie will einfach nicht aufgehen.		Второй месяц не получается. Что-то у меня не сходится.
wollen – können	Dieser chronische Regen schien wirklich die sakralen sieben Wochen dauern zu wollen .	Неодушевленный субъект	Этот хронический дождь, похоже, действительно зарядил на сакральные сорок дней.
wollen – mögen	Der liebe Gott wird das nicht wollen ...	отрицание	Господь <i>не</i> попустит ...
sollen – wollen	Mein Vater blieb immer im Haus. Es sollte ihn ja niemand sehen.	es	Отец не выходил из дома, чтобы его никто не увидел.
sollen – wollen	Soll ich 's Ihnen mal holen und vorlesen?	Вопросительное предложение	Хотите , я принесу газету и прочту вам?
sollen – wollen	Aufmerksam, die Augen zu Schlitzen verengt, sah Ireen Shenja abschätzend an, als überlege sie, ob sie weiterreden sollte .	Придаточное предложение с ob	Пристальными, сузившимися глазами Айрин смотрела на Женю, как будто прикидывая, стоит ли продолжать...
sollen – müssen	Mein Vater blieb immer im Haus. Es sollte ihn ja niemand sehen.	es	Отец не выходил из дома, чтобы его никто не увидел.
sollen – müssen	Mein Bruder Jura, der hänselt nie jemanden,	Вопросительное предложение	А Юра, брат мой, вообще никогда никого не дразнит, потому что зачем сильному и умному других дразнить?

	weil, warum sollte einer, der stark und klug ist, andere hänseln?		
sollen – müssen	Ich stopfte mir alle erreichbaren Kissen in den Rücken, legte mein wundes Bein hoch, zog das Telefon näher und überlegte, ob ich nicht doch in die Küche gehen, den Eisschrank öffnen und die Kognakflasche herüberholen sollte .	Придаточное предложение об, отрицание	... Я подложил под спину все подушки, какие только оказались под рукой, устроил больную ногу повыше и пододвинул к себе телефон; я никак не мог решить, надо ли пойти на кухню, открыть холодильник и переправить в комнату бутылку коньяку.
sollen – müssen	Bildeten nun Schwarz und Weiss ein und dieselbe Person, so ergäbe sich der widersinnige Zustand, dass ein und dasselbe Gehirn gleichzeitig etwas wissen und doch nicht wissen sollte , dass es als Partner Weiss funktionierend, auf Kommando völlig vergessen könnte, was es eine Minute vorher als Partner Schwarz gewollt und beabsichtigt.	Глагол мышления	Если бы один и тот же человек пожелал одновременно быть и черными, и белыми, создалось бы бессмысленное положение, при котором один и тот же мозг в одно и то же время знает что-то и не знает; делая ход в качестве белых, он должен был бы как по команде забыть о том, какой хитрый план задумал перед этим, будучи черными.
sollen – müssen	Dann seine wohlmeinende Frage, ob das Fräulein meine Braut	Глагол мышления	Затем последовал доброжелательный вопрос: является ли фройляйн моей невестой? и наше замешательство. Мы должны понять , что Швейцария – маленькая страна и не может принять бесчисленных

	sei, und unsere Verlegenheit. Wir sollten verstehen : die Schweiz sei ein kleines Land, kein Platz für zahllose Flüchtlinge, Asylrecht, aber Hanna hätte doch Zeit genug gehabt, ihre Auswanderung zu betreiben.		беженцев. Право убежища? Да, конечно, но фройляйн успеет уладить все свои дела и подготовиться к отъезду.
sollen – müssen	Das neue Gebäude sollte ja eigentlich in der ganzen Bauart dem Krankenhause entsprechen.	Частица ja	Надо, чтобы новое строение соответствовало больнице.
sollen – können	Er überlegte, ob er einfach durch die Toreinfahrt in das Anwesen eindringen sollte .	Модальная частица einfach	Его потянуло приблизиться. Он подумал, нельзя ли попытаться проникнуть в усадьбу просто через арку ворот.
sollen – können	Lieber Herr Leike, das ist mir jetzt wirklich überaus peinlich. Ich habe leider einen chronischen «Ei»-Fehler, also eigentlich einen «E»-vor-«I»-Fehler. Wenn ich schnell schreibe, und es soll ein «I» folgen, rutscht mir immer wieder ein «E» hinein.	es	

sollen – können	Es soll schon vorgekommen sein, dass einer aus Angst zum Helden wird. Ich jedenfalls, ich muss zur Juli gehen!	es	От страха можно сделаться героем. Мне придётся им стать. Я должен идти к Юли.
sollen – können	Ein halbes Jahr Pause – und ich baue Sie wieder auf. Und wovon soll ich leben? – fragte ich.	Вопросительное предложение	Полгодика перерыва... и я опять поставлю вас на ноги. А на что я буду жить? – спросил я.
sollen – können	Aber was sollte mir dieses theoretische Zeug? Schach kann man doch nicht spielen ohne einen Partner und schon gar nicht ohne Steine, ohne Brett.	Вопросительное предложение	Но для чего нужна была мне эта теоретическая абракадабра? В шахматы нельзя играть в одиночку, тем более без фигур и без доски.
sollen – können	«Aber wie sollte ein so rascher Ruhm nicht einen so leeren Kopf beduseln?», schloss mein Freund, der mir gerade einige klassische Proben von Czentovics kindischer Präpotenz anvertraut hatte.	Вопросительное предложение	Разумеется, как и следовало ожидать, легко добытая слава вскружила такую пустую голову, заключил мой друг и привел несколько классических примеров того, как Чентович с чисто детским тщеславием стремился занять положение в обществе.
sollen – können	Er überlegte, ob er einfach durch die Toreinfahrt in das Anwesen eindringen sollte .	Придаточное предложение с ob	Он подумал, нельзя ли попытаться проникнуть в усадьбу просто через арку ворот.

sollen – dürfen	Den Kindern von Nichtkönigen oder Nichtmillionären, jedenfalls den Jungen, wird zuerst einmal zugebrüllt: «Du bist hier nicht zu Hause», eine dreifache Unterstellung, weil vorausgesetzt wird, dass man sich zu Hause wie ein Schwein benimmt, dass man sich nur wohlfühlt, wenn man sich wie ein Schwein benimmt, und dass man sich als Kind um keinen Preis wohlfühlen soll .	Глагол чувств	На некоролевских и немиллионерских детей, особенно если это мальчики, все орут: «Здесь ты не дома», трижды ложная педагогическая посылка: во-первых, устанавливается, что дома дети ведут себя как свиньи, во-вторых, предполагается, будто дети чувствуют себя хорошо, только если они ведут себя как свиньи, и, в-третьих, ребенку внушают, что ему нигде не разрешено чувствовать себя хорошо.
dürfen – können	Das durfte doch wohl nicht wahr sein!	Модальная частица, восклицательное предложение	О, не может быть!
dürfen – können	Mehr als meine Angaben brauchen Sie nicht zu wissen, auch nicht, wer der Arzt ist, gegen den sich das Pamphlet richtet. Meine Behauptungen sollen Sie nicht irritieren; dass sie stimmen, dürfen Sie mir glauben, ich bürge dafür.	Глагол мышления	Вам не нужно знать больше, чем написано здесь, кто врач и против кого направлен памфлет. Вы можете не сомневаться, ручаюсь за это: мои утверждения не являются вымыслом.
dürfen – können	Darf ich Sie bitten , nicht zu trommeln?	Глагол говорения, вопросительное предложение	Могу я просить вас перестать барабанить по столу?

dürfen – können	doch war er's nun ganz zufrieden, dass er heute in vornehmerer Tracht als am vergangenen Tag, ja gewissermassen in einer neuen Gestalt vor Marcolina erscheinen durfte .		но теперь он был очень доволен тем, что может явиться перед Марколиной в более достойном виде, чем вчера, и как бы предстать перед нею в новом облике.
dürfen – können	Das durfte doch wohl nicht wahr sein!	Частица doch, восклицательное предложение	О, не может быть!
dürfen – sollen	Darf man näher treten? – dann kam Anton und begrüßte sie und den Dackel.	Man, вопросительное предложение	Может быть, нам стоит познакомиться поближе?
dürfen – sollen	«Sie dürfen es nicht so wörtlich nehmen», entschuldigte ich mich.	Отрицание, глагол мышления	Вы не должны понимать этого так буквально, – пытался я поправиться.
dürfen – sollen	Ein eigenes Zimmer in einem Hotel – nicht wahr, das klingt an sich äusserst human? Aber Sie dürfen mir glauben , dass man uns keineswegs eine humanere, sondern nur eine raffiniertere Methode zudachte, wenn man uns «Prominente» nicht zu zwanzig in eine eiskalte Baracke stopfte, sondern in einem leidlich geheizten und	Глагол мышления	Отдельная комната в отеле – звучит необычайно гуманно, не правда ли? Но поверьте , они вовсе не собирались создавать нам человеческие условия. Вместо того чтобы загнать нас, «видных людей», в ледяные бараки по двадцать человек в комнатухе, они предоставили нам сравнительно теплые номера в отеле, но при этом они руководствовались тонким расчетом.

	separaten Hotelzimmer behauste.		
dürfen – müssen	Es würde nicht schwer sein, in den schlesischen Bädern eine Auswahl zu treffen, Salzbrunn gut, und Reinerz, wegen der Nervenkomplika­tion, noch besser. Aber es darf nur Hohen-Cremmen sein. Denn, meine gnädigste Frau, was Ihrer Frau Tochter Genesung bringen kann, ist nicht Luft allein.	Безличное. es	Можно было бы порекомендовать какой-нибудь курорт в Силезии – хорошо бы Зальцбрунн или даже Рейнерц, если принять во внимание ее нервное состояние. Однако я лично считаю, что это должен быть Гоген-Креммен. Вашей дочери, милостивая сударыня, необходим не только свежий воздух.
dürfen – müssen	Wir dürfen das nicht denken!	Глагол мышления, восклицательное предложение	Мы не должны этого думать.
dürfen – müssen	Dann nimm hier Abschied von mir, Samuel, sagte Bärlach, du kannst dich nicht verstellen, und man darf nicht wissen, dass wir Freunde sind. Von diesem ersten Verhör wird viel abhängen.	Местоимение man	Никто не должен знать , что мы друзья. От этого первого допроса зависит очень многое.
mögen – sollen	Das eine Mal sagte er, ohne aufzusehen: Zigaretten und Streichhölzer liegen im Schränkchen – wenn Sie rauchen mögen ?	Вопросительное предложение	« Хотите курить? Папиросы и спички в тумбочке».

mögen – sollen	Aber den Vorhang möchte ich auf der Seite. Und das Fenster offen.		Отодвиньте в сторону занавес и откройте окно.
mögen – sollen	Vorab möchte ich ein paar grundlegende Dinge sagen.	Глагол говорения	Для начала займемся расстановкой точек над некоторыми фундаментальными «і».
mögen – sollen	Als er die letzten Schlucke trank, traf ihn ein erboster Blick Juri Sergejewitschs, der sich geschickt durch die halb offene Tür geschlängelt hatte und den Wachmann anblaffte, dieser möge dafür sorgen, dass sie ungestört blieben.		На последних глотках напитка его и обжѐг сердитым взглядом Юрий Сергеевич, ловко ввинтившийся в полуоткрытую дверь и гаркнувший на охранника, чтобы тот «обеспечил приватность».
mögen – sollen	Ich möge mein kleinteiliges Wissen nicht mehr zurückhalten, sondern der Reihe nach von Tullas Fuchs berichten, auch wenn mir dieses aus der Mode gekommene Kleidungsstück zutiefst verhasst sei.		я, видите ли, должен не держать про себя кучу разрозненных заметок, а раскопать в них и связно изложить историю сей украшавшей Туллу лисы, хотя лично мне подобный предмет туалета глубоко ненавистен.
mögen – sollen	Nun, sie bat mich, in den Speisesaal zu gehen, um der Bedienung auszurichten, man möge	Man	Так вот, она просила, чтобы я зашел в столовую, передал официантке, чтобы ей ужин в номер принесли.

	ihre das Abendessen aufs Zimmer bringen.		
mögen – sollen	«Dann mag er laufen und Sie will ich nie mehr sehen», sagte K.	Инверсия, слово «dann»	Ну и пусть убирается, я вас я тоже видеть не желаю, – сказал К.
mögen – können	Du darfst mich nie aus den Augen lassen, egal wie gutaussehend mein Nachbar auch sein mag .		Ты не должна отводить от меня взгляд, неважно, насколько хорош мой сосед.
mögen – können	Diese Einladung war eine Demütigung des Direktor-Stellvertreters, mochte sie auch nur in Erwartung der telefonischen Verbindung über das Hörrohr hinweg gesagt sein.		И, хотя это приглашение было как бы вскользь брошено поверх телефонной трубки, оно звучало несколько заискивающе.
mögen – können	Mögt ihr den Anton gut leiden ?	глагол чувств	Вам нравится Антон?
mögen – können	Alles und alle kamen mir albern und langweilig vor, ich hätte weinen mögen und beschloss, meine Kur schneller zu beenden und nach Russland zurückzukehren.	глагол чувств	Всё и все мне показались глупы и скучны, мне хотелось плакать, скорей кончить курс и ехать назад в Россию.
mögen – können	Ich hätte ihr nachrufen mögen : «Lass mir doch etwas da»	глагол говорения и чувств	Хотелось крикнуть ей вслед: «Оставь же мне что-нибудь»

mögen – können	Woran das wohl liegen mag!	восклицательное предложение	Интересно, кто в этом виноват!
mögen – können	Was für ein Unwetter mochte draussen sein?	вопросительное предложение	И что за скверная погода на улице!
mögen – können	Mag sein , dass das Schicksal, nein, der Zufall, nein, die strengen Bedingungen des Versailler Vertrages ihm zu dem modern ausgerüsteten Schiff verholfen haben.	устойчивое выражение	Вероятно , судьба, нет – случай, нет – строгие условия Версальского договора помогли Александру Маринеско стать командиром этой подводной лодки, созданной по последнему слову военной техники.
mögen – können	Wenn sich dieses Ganze da vor mir, das ich gar nicht Mensch nennen mag , dieser nachgemachte Mensch, nicht bewegen würde, könnte man diese Glatze für eine leblose Perücke halten.	Глагол говорения	Если бы это существо передо мной, которое невозможно даже назвать человеком, это подобие человека не двигалось, то его лысину можно было бы принять за безжизненный парик.
mögen – müssen	Ich wollte nicht per Stummer Rede mit Ihnen in Kontakt treten, denn ich bin in Bedrängnis und möchte Sie um einen grossen Gefallen bitten, rief Makluk schon am Eingang.	глагол говорения	Я не решился послать вам зов, поскольку вынужден просить о большой услуге! – с порога заявил сэр Маклук.
mögen – dürfen	Er ist – und, bitte, der Mann hat vor über zweihundert Jahren	man	Он считает – и учти, он жил более двухсот лет тому назад, это можно извинить, – что действия женщин определяются эмоциями, тогда как мужчины руководствуются разумом, и что поэтому для

	<p>gelebt, man möge es ihm nachsehen! – der Ansicht, dass die Handlungen von Frauen ausschliesslich von Emotionen bestimmt werden, während Männer sich nur von der Vernunft leiten lassen, und dass es daher besser für mich wäre, wenn meine Zeitsprungpartnerin in mich verliebt wäre, damit ich ihre Handlungen im Zweifel kontrollieren könnte.</p>		<p>меня было бы лучше, если моя партнерша по прыжкам во времени была бы влюблена в меня, чтобы в сложных случаях я мог бы контролировать ее поведение.</p>
mögen – wollen	<p>«ich kenne Sie besser als Sie glauben, und Sie mögen schimpfen und mir drohen, soviel Sie wollen, ich sage Ihnen, das Schreckliche an Ihnen ist,</p>		<p>Вы на это неспособны, – возразил он, – я вас знаю лучше, чем вы думаете; ругайтесь сколько хотите, угрожайте мне, я вам все равно скажу: самое ужасное в вас то, что вы человек незащищенный, я даже сказал бы – чистый.</p>
mögen – wollen	<p>Von der Expedition No. 3, die sich nun in diesem Hörsaal zusammengefunden hat, kann ich nur <i>hoffen</i>, dass sie das traurige Schicksal der zweiten nicht ereilen möge!</p>		<p>Экспедиция №3 находится сейчас в этой аудитории. И мне очень хочется надеяться, что ее не постигнет печальная участь второй экспедиции!</p>

mögen – wollen	Der Erde <i>wünschte</i> er aufrichtig, sie möge auch weiterhin auf dem Weg des Fortschritts wandeln.		Земле и дальше искренне желал двигаться по такому пути развития.
mögen – wollen	Möchte nur eins – es möge nicht aufhören.	es	Одного хочу – чтоб это вечно было.